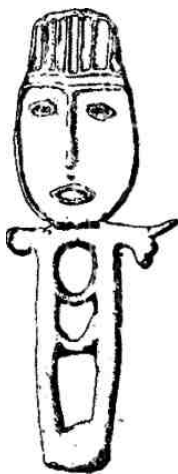

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 1 (29) 2015

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Лейбова Н.А., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь) Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блюм А. (Французская Республика), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), П.М. Пашалы (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954-93-63

8 (495) 125-62-52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015

© Журнал «Вестник антропологии», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология

- Хан В.С.* Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии 4

Физическая (биологическая) антропология

- Зубов А.А.* Индекс дискриминативной способности признаков (IDC) в антропологической одонтологии 26

- Иконников Д.С., Калмина О.А.* Краткий очерк истории антропологического изучения мордвы в дореволюционный период 30

- Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В.* Одонтологические и палеопатологические аспекты изучения человеческих останков из раскопок у храма с. Веселое 41

Антропологическая мозаика

- Петров Д.Д.* Обетные кресты Лешуконья 50

- Черноокая Ю.М.* Конструирование солдатской идентичности посредством вербальных и визуальных кодов (на материалах Белоруссии) 69

Полевые материалы

- Тумаркин Д.Д.* Кондоминиум или пандемониум? Советские этнографы на острове Эфате. Часть 1 81

История науки

- Варданян Л.М.* К 150-летию С.Д. Лисициана: из истории антропологической науки в Армении 101

Для студентов и аспирантов

- Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций 122

- Чешко С.В.* Как писать научные тексты 144

Рецензии

- Герасмова М.М.* Обзор: *Ходжайов Т.К.* Население феодальной Бухары. М.: ЭКОСТ, 2007. 259 с.; *Ходжайов Т.К., Мамбетулаев М.М.* Средневековый некрополь Куюккала. М.: ЭКОСТ, 2008. 432 с.; *Ходжайов Т.К., Громов А.В.* Палеодемография Средней Азии. М.: ИЭА РАН, 2009. 351 с.; *Ходжайов Т.К., Мустафакулов И., Ходжайова Г.К.* Старый Термез (к антропологии населения Бактрии-Тохаристана). Актобе, 2012. 320 с. 150

- Семенов В.А.* Рец. на: Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник / под ред. А.П. Садохина, Ю.П. Шабаева. М.: Директ-Медиа, 2014. 969 с. 159

- Губогло М.Н.* Рец. на: *Чешко С.В.* Этнология и социальная антропология: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования. М., 2014, 240 с. 163

- Contents** 171

- Авторам** 172

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 002.53/55

© В.С. Хан

ОБ АНТИНОМИЯХ И СОВРЕМЕННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В ЭТНОЛОГИИ¹

Статья посвящена анализу оппозиции методологических подходов в современной этнологии (примордиализма и конструктивизма / инструментализма, «теории этноса» и «теорий этничности»). Автор считает, что данные оппозиции являются частной формой выражения более глубокого противостояния – объективистской и субъективистской парадигм. На основе истории и методологии науки столкновение между противоположными парадигмами в этнологии определяется как антиномия. Формулируются условия ее разрешения как единства противоположных определений и принципы построения общей этнологической теории.

Ключевые слова: антиномия, объективистская и субъективистская парадигмы, этнос и этничность, дихотомическое мышление, границы предметного поля этнологии, синтез противоположных определений, эмпирический и теоретический уровни познания, построение научной теории.

Постановка проблемы: противоположность этнологических подходов как антиномия

Этнология, в качестве институциональной дисциплины со сложившимися тематическим полем, понятийным аппаратом и методами исследования, относится к «молодым» наукам. Однако, функционируя в междисциплинарном поле, испытывая влияние идей, понятий и методов из других областей знания и будучи практически (политически) востребованной, она демонстрирует впечатляющую динамику, сопровождающуюся инновациями в области идей, терминологии и методологии.

В первые три четверти XX века эти инновации значительно расширили и углубили тематическое поле, категориальный аппарат и методологический инструментарий этнологии. Причем, новые ракурсы и способы рассмотрения предмета не означали полного отрицания предшествующей традиции. Так, несмотря на критику эволюционизма, сама идея развития не подвергалась сомнению. Критика бинарных оппозиций не означала, что им нет места в теле культуры, а использование семиотических подходов не привело к отказу от дескриптивизма в известных ему пределах. Во всех этих случаях речь шла о границах использования того или иного метода, иных ракурсах, новых горизонтах и т.д.

Хан Валерий Сергеевич – главный специалист Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана, Ташкент.

Однако методологические разногласия последних десятилетий усугубились настолько, что стали приводить к поляризации профессионального этнологического сообщества. Научные тексты запестрели ярлыками в адрес оппонентов. Агрессивность стала нормой полемики, сведение счетов с «прошлым» – формой самоутверждения и ресурсом реализации амбиций, а академические дискуссии превратились в политические баталии. Особенно рельефно это проявилось на просторах СНГ.

В российской литературе в качестве ведущих оппонентов на этнологическом ринге обычно сводят примордиализм² и конструктивизм, хотя в зарубежной литературе в качестве таковых *также* называют:

- примордиализм и инструментализм (Arcan 2014; Roberts 2010; Balcha 2008; Eriksen 2002; Bacová 1998), иногда последний называют функционализмом (Brown, Langer 2010);
- примордиализм и сокамстантивизм (Gil-White 1999)³;
- фаундационализм⁴ и культурный интеракционизм (Ruane, Todd 2004);
- интерпретационный и квантоидный⁵ подходы (Fearon, Laitin 2000).

Надо сказать, что назвать те или иные авторские построения чисто конструктивистскими или инструменталистскими не так-то просто, в силу относительности границ между ними, что дает одним исследователям трактовать инструментализм как течение внутри конструктивизма, а другим – наоборот. Не случайно одного и того же автора можно увидеть причисленным то к одному направлению, то к другому. Относительность границ имеет место не только в рамках одного лагеря, объединяющего близкие направления, но и между противоборствующими лагерями. Так, есть работы, где конструктивизм определяется как течение, в котором объединены элементы примордиализма и инструментализма⁶. Или, предлагаются гибридные подходы, такие как «примордиальный инструментализм» (Vale 2000).

Если не вдаваться во все эти нюансы, а сфокусироваться на различии базовых идей, то в последние полвека можно выделить две ведущие методологические парадигмы, претендующие на исчерпывающее объяснение этнических процессов и явлений, при этом, находящиеся в состоянии «войны»: *объективистскую* и *субъективистскую*⁷. В своей внешней и частной форме эта война выражена в противостоянии различных версий примордиализма («сильной», «слабой», биологизаторской, социально-исторической, культурологической, лингвистической), с одной стороны, и конструктивизма, инструментализма, когнитивизма и т.д. с другой; а на советском / постсоветском пространстве – в виде противостояния «теории этноса»⁸ и различных «теорий этничности». Однако надо иметь в виду, что все, самые различные версии примордиализма и конструктивизма, равно как и других подходов, являются частными следствиями и формообразованиями либо объективистской, либо субъективистской парадигм, лежащих в основании этих подходов и выполняющих функции методологических матриц.

Разница между противоположными подходами может рассматриваться и с точки зрения других оснований, но оппозиция «объективизм – субъективизм» является наиболее фундаментальной, поскольку связана с вопросом «что». Другие же основания связаны с характеристиками этого «что».

Сразу оговорюсь, что термин «субъективизм» в настоящей статье лишен той негативной окраски (в качестве ярлыка), которую он принял в советском обществе-

дении, а объективизм не является синонимом фатализма. В современной науке вряд ли возможны логически завершенные и последовательно построенные объективизм и субъективизм в их *чистом* виде. Говоря о них, я имею в виду идеальные, логические границы противостояния, а также тот преимущественный фокус, через призму которого рассматриваются (или декларируется, что рассматриваются) этнические процессы и явления. Ни одна из существующих концепций не является абсолютно объективистской или субъективистской, да и их авторы не претендуют на это. Так, ни один «примордиалист» не будет отрицать наличие активного субъекта, его способности творить, адаптироваться к внешним условиям, влиять на социальные процессы, менять себя и окружающую среду. И ни один «конструктивист» не будет отрицать разницу между шотландцами и корейцами, или эфиопами и эскимосами, и роль объективных факторов в формировании различий их культур. Из общепринятого конструктивистского тезиса «этничность социально конструируема» не вытекает, что «социальное» является сугубо субъективным феноменом, а конструирование свободно от воздействия объективных факторов внешней среды⁹.

Противостояние между объективистскими и субъективистскими подходами постулируется их сторонниками как принципиальное – ведь речь идет не много и не мало как о *предмете* этнологии. И то, что является предметом этнологии в одной парадигме – например, в «теории этноса», в другой – в некоторых конструктивистско-инструменталистских концепциях этничности – не просто рассматривается как нечто не существенное, а как вообще не существующее.

Основным посылом «теории этноса» является признание существования устойчивых этнических общностей («этносов»), имеющих качественную определенность и историческую природу. Этносы выступают в качестве макро-носителей этнических свойств и признаков. Последние существуют постольку, поскольку существуют этносы¹⁰. Соотношение этноса и этнических свойств в данном понимании имплицитно содержит в своем основании природу связей, выражаемых классическими философскими соотносительными категориями: субстанция и акциденция, субстанция и модус, качество и свойство, сущность и явление. Поэтому для концепций, объединенных под названием «теория этноса», центральными являются следующие вопросы: «В чем сущность (качественная определенность) этноса и в чем (в каких признаках, маркерах) она проявляется?». Отсюда – поиски *общего / особенного*, и, прежде всего, *существенного* в различных этнических общностях. Именно в этом контексте понятны имевшие место многочисленные дискуссии о дефиниции этноса, о типах этнических общностей и их соотношении, о роли языкового, территориального, культурного и других компонентов в природе этноса.

Характерными (суммарными) чертами «теории этноса» являются:

- *реализм* (этносы есть реальность);
- *онтологизм и объективизм* (этносы есть объективная реальность)¹¹;
- *нэйчерализм* (этносы есть естественное – не искусственное, кем-то сконструированное – явление)¹²;
- *историцизм* (этносы есть продукт исторического развития и имеют конкретно-историческую природу)¹³;
- *субстанциализм и эссенциализм* (носителем этнических признаков является этническая субстанция или сущность, коей является этнос);
- *коммунализм* (этносы есть общности¹⁴, причем, общности специфические);

- *константциализм* (этносы есть устойчивые общности¹⁵);
- *аксиологический нейтрализм* (свойства этноса интерпретируются как данность, вне оценки с позиций полезности и оппозиции «хорошо – плохо»).

Ядром, матричным и системообразующим основанием «теории этноса», равно как и всех других версий «примордиализма», является признание этносов объективной реальностью. Все остальные признаки – вторичны и производны. Поэтому данный подход правильно назвать *объективистской парадигмой* в этнологии.

Каждой из выше обозначенных характеристик *объективизма* противостоит прямо противоположная характеристика *субъективизма* (конструктивистских, инструменталистских, релятивистских и когнитивистских концепций), в котором *этничность* рассматривается как некоторый интеллектуальный, воображаемый и/или поведенческий релятивный конструкт, обладающий контекстуальной адаптационно-инструменталистской функцией.

Реализму противостоит *ирреализм* (этничность есть продукт мифологии и реализуется в сфере воображаемого¹⁶), *объективизму* – *субъективизм* (этничность принадлежит к сфере субъективного¹⁷), *нэйчерализму* – *конструктивизм* (этничность есть конструкт), *онтологизму* – *когнитивизм* (этничность есть когнитивный инструмент¹⁸), *субстанциализму* и *эссенциализму* – *акциденциализм* (этничность есть не субстанциональная сущность, а свойство, признак), *константциализму* – *релятивизм* (этничность текуча и относительна¹⁹), *историцизму* – *ситуативизм* (этничность – продукт конкретной ситуации²⁰), *коммунализму* – *персонализм* (этничность есть выбор индивида²¹), *аксиологическому нейтрализму* – *прагматизм* и *инструментализм* (этничность есть инструмент, используемый с позиции пользы)²².

В большинстве работ, написанных *в целом* с позиции объективизма или субъективизма можно встретить элементы обеих парадигм. Однако для обозначения и понимания *логики* этих подходов, есть смысл выделить их в чистом, идеальном, последовательном виде, что придаст им характер целостной завершенности, и что иллюстрирует следующая таблица:

Таблица 1

Объективистская парадигма	Субъективистская парадигма
Реализм	Ирреализм
Объективизм	Субъективизм
Онтологизм	Когнитивизм
Нэйчерализм	Конструктивизм
Субстанциализм и эссенциализм	Акциденциализм
Константциализм	Релятивизм
Историцизм	Ситуативизм
Коммунализм	Персонализм
Аксиологический нейтрализм	Прагматизм и инструментализм

Обе конкурирующие парадигмы содержат множество эмпирических подтверждений, что с одной стороны, придает им *легитимность*, а с другой – порождает среди этнологов *дилемму* выбора. Эта дилемма обычно решается по принципу «или – или», где одна из концепций должна быть отброшена, в то время как, с моей точки

зрения, здесь мы сталкиваемся с классической ситуацией становления *научной теории* (теоретического знания).

Предмет любой теоретической науки формируется как тематическое иерархическое пространство между противоположными полюсами. Ранее, на эмпирической стадии имеет место длительное и пошаговое изучение различных внешних сторон, свойств и формообразований предмета, которое рано или поздно приводит к его крайним точкам, границам (противоположным сторонам), что получает выражение в оформлении *непосредственно противоречащих друг другу* и в то же время в *равной мере эмпирически обоснованных* концепций. Эту особенность формирования теоретического знания зафиксировал Иммануил Кант, сформулировав свои знаменитые антиномии²³. С этого момента можно говорить о *целостности* охвата предмета науки, а значит – о переходе на теоретический уровень его освоения. Как мне представляется, возможность такого перехода сформировалась и в этнологии, когда объективистская и субъективистская парадигмы очертили границы ее предметного поля.

Я не встречал в литературе попыток сравнения сложившейся ситуации в этнологии с тем, что происходило в истории других наук, включая естествознание. Подобное сравнение может показаться кому-то странным, а может натолкнуться и на неприятие. Однако по мере интенсификации междисциплинарных исследований убережь чистоту «этнологического ложа» будет все сложнее. Я убежден, специфика гуманитарных наук в целом и этнологии в частности порой абсолютизируется (причина этой абсолютизации – отдельная тема). При всей своей специфике этнология – часть научного знания, для которого характерны свои закономерности развития. И попытка сопоставления того, какие стадии проходили наиболее развитые области науки и на какой стадии находится этнология, может быть полезной (взгляд со стороны). Если учесть, что этнология достаточно молода, можно быть уверенным: то, что в ней происходит сегодня, когда-то и кем-то было пройдено, а именно, более развитыми науками. Или, говоря устами Горация: «De te fabula narrator! [Не твоя ли история это!]».

Антиномии и их роль в становлении теоретического знания

Кант показал, что с переходом рассудка (эмпирического мышления) в сферу разума (теоретического мышления) субъект познания сталкивается с антиномиями (конъюнкцией противоречащих и в то же время в равной мере обоснованных суждений)²⁴. До Канта конъюнкция двух противоречащих суждений подлежала запрету и всегда разрешалась элиминацией одного из них, согласно формально-логическим законам противоречия²⁵ и исключенного третьего²⁶. После Канта стало ясно: «Несовместимость... существует не только между истиной и не истиной, но и в рамках самой истинности и неистинности» (Оруджев 1979: 81).

Дальнейшим этапом в понимании антиномий стала диалектическая логика Гегеля. Подвергая критике закон исключенного третьего, Гегель пишет: «А, согласно этому закону, должно быть либо + А, либо – А; но этим уже положено третье А, которое не есть ни +, ни – и которое *в то же самое время* полагается и как + А, и как – А» (Гегель 1974: 277). И если Кант остановился на четырех антиномиях, Гегель идет дальше: «Истинное... значение антиномий заключается вообще в том, что все действительное содержит в себе противоположные определения и что, следовательно, познание <...> предмета в понятиях (теоретическое познание – прим. В.

Хана) как раз и означает познание его как конкретного единства противоположных определений» (Гегель 1974: 167). Тем самым Гегель показал, что построение теоретической системы мышления принципиально антиномично в своей основе, или, что теоретическое мышление начинает свое восхождение с фиксации антиномии, что стало одним из постулатов современной методологии науки. Как пишет З.М. Оруджев, теоретическая «проблема образуется ... из антиномии двух эмпирических теорий, точнее, их основных тезисов, положений» (Кумпф, Оруджев 1979: 195).

Исследования по истории науки подтверждают, что антиномическое столкновение противоположных определений и их разрешение на путях синтеза является закономерной стадией в развитии науки, как естествознания, так и обществознания.

Возьмем физику. Классическим примером «конкретного единства противоположных определений» в физике XX в. является открытие корпускулярно-волнового дуализма света. Прежде, в XVII в. были сформулированы две противоположные (исключающие друг друга) теории света: волновая (Гюйгенс) и корпускулярная (Ньютон). В начале XIX века на основе волновой теории были объяснены явления дифракции, интерференции и поляризации света (Юнг, Френель), а в конце XIX века экспериментально (в опытах Герца и Лебедева) было доказана гипотеза Максвелла²⁷ об электромагнитной природе световых волн²⁸.

Казалось, волновая теория полностью одержала победу над корпускулярной, поскольку основывалась на экспериментально доказанных свидетельствах волновых характеристик света. Однако в начале XX века так же экспериментально было выявлено и корпускулярное поведение света. Было установлено, что излучение света происходит определенными дискретными порциями (квантами). Сначала М. Планком в 1900 г. было введено положение о квантовании энергии вещества, откуда вытекала дискретность энергии. Затем А. Эйнштейн в 1905 г. выдвинул идею дискретности энергии самого излучения в форме гипотезы квантов света (Ельяшевич 1984: 45–47). На основе квантовой теории были объяснены такие явления света как фотоэлектрический эффект и излучение черного тела. Корпускулярная теория света (на основе квантовой теории) вступила в противоречие с волновой теорией (на основе теории электромагнитного поля), при том, что обе опирались на доказанную экспериментальную базу. Таким образом, была сформирована антиномия, разрешением которой стало признание корпускулярно-волнового дуализма света: свет есть одновременно и волна, и частица²⁹.

Однако антиномия света является частным выражением корпускулярно-волнового дуализма. В 20-е годы XX в. этот дуализм был обнаружен по отношению к электрону и другим элементарным частицам. В 1924 г. Луи де Бройль предположил, что частицы должны обладать волновыми свойствами, а в 1927 г. данная гипотеза была доказана в опытах Девиссона-Джермера по дифракции электронов. Разрешение этой антиномии привела к выводу, невозможному в рамках эмпирического мышления, но являющегося важнейшей частью современной теоретической физики: частица есть волна, а волна есть частица. В более широком плане, выходящего на уровень методологических требований, необходимость данного типа мышления в физике была постулирована в принципе дополненности Бора.

В химии становление атомно-молекулярной теории происходило на фоне столкновения закона простых кратных отношений Дальтона и закона простых объемных отношений Гей-Люссака (См. подробно: Дмитриев, Фаерштейн 1983: 294–298).

Оба закона были эмпирически подтверждены, однако Дальтон не признал закон Гей-Люссака, считая его результатом неточных опытов. Отрицая открытие Гей-Люссака, Дальтон шел по пути «или-или». Б.М. Кедров пишет: «Вопрос для Дальтона поставлен со всей остротой: принять открытие Гей-Люссака – значит отказаться как раз от тех самых положений, которые кажутся ему исходными, так как в свое время именно они его привели к открытию атомистики. На это Дальтон, разумеется, не идет. Поэтому у него остается только один выход: отвергнуть «закон объемов» (Кедров 1969: 55–56). Таким образом, «согласование закона кратных весовых отношений Дальтона и закона простых отношений Гей-Люссака, их совместное объяснение на основе фундаментальных понятий атома и молекулы как двух качественно различных дискретных форм материи оказались сложной задачей. <...> Потребовалось несколько десятков лет для преодоления возникших противоречий, и лишь в середине XIX века сложилась стройная система атомно-молекулярных представлений в химии» (Ельяшевич 1984: 13–14).

В биологии антиномическая ситуация сложилась в начале XX века между генетикой и теорией эволюции. На первых этапах развития генетики менделизм в трудах крупнейших генетиков рассматривался как оппозиция дарвинизму. Если теория эволюции ориентировалась на макропроцессы (филогенез) и исторический метод исследования, то генетика ориентировалась на микропроцессы³⁰ (наследовании отдельных признаков по линии «родители – потомки») и экспериментальный метод. Иначе говоря, в генетике «принимался во внимание лишь самый минимальный временной интервал, явно недостаточный для обнаружения качественных эволюционных изменений, но вполне достаточный для познания наследования потомками свойств родителей» (Пастушный 1981: 64). В то время как в учении Дарвина основное внимание было сосредоточено на познании динамической стороны эволюции, законы Менделя выражали ее статическую сторону (Пастушный 1981: 68). Если дарвинизм подчеркивал волновой характер изменчивости (эволюции), то менделизм – корпускулярный характер наследственности³¹. Суть этого противостояния образно выразил датский генетик В. Иогансен (автор понятия «ген»): «Как можно было думать о постоянных точках, если «все течет!»» (Иогансен 1933: 10). Как известно, противостояние менделизма и дарвинизма закончилось синтезом генетики и эволюционизма в синтетической теории эволюции (СТО), зародившейся в работах С.С. Четверикова (1926 г., см. Четвериков 1980), а затем выраженной в трудах Дж. Холдейна, Н.В. Тимофеева-Ресовского, Ф.Г. Добржанского, Р. Фишера и получившей свое оформление в классической работе Дж. Хаксли «Эволюция. Современный синтез» (1942 г.).

В общественном сознании антиномии также являлись исходным пунктом в становлении теоретического знания. Классическим примером антиномии в политической экономике стала антиномия возникновения капитала, взаимоисключающие части которой были сформулированы в теориях меркантилизма и физиократов, и получившая разрешение в теории К. Маркса.

Первой школой буржуазной политической экономики был меркантилизм (XV–XVII вв.)³². Это время великих географических открытий, бурного развития торговли, становления мирового рынка. Отражая интересы торгового капитала и купечества, занимавшего преимущественное положение по сравнению с промышленной буржуазией, меркантилизм главное внимание уделял сфере обращения. Маркс дает такую оценку этому течению экономической мысли: «Первое теоретическое осве-

щение современного способа производства – меркантилистская система – по необходимости исходило из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому оно схватывало только внешнюю видимость явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он имел в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства» (Маркс 1961: 370).

Главный источник прибыли меркантилисты видели в неэквивалентном обмене, т.е. в сфере обращения³³. В данном выводе был отражен тот факт, что вне обращения (вне акта обмена или купли-продажи) прибыль *вообще* не может возникнуть. Причем, данный факт подтверждался всей практикой международной торговли, основанной на посредничестве торгового капитала³⁴. Один из ведущих представителей меркантилизма Томас Мэн так сформулировал источник прибыли, как результата неэквивалентного обмена: «Что один человек теряет, выигрывает другой» (цит. по: Мордухович 1957: 108).

Физиократы (А. Дестют де Траси, Дж. Грэй, Ф. Кенэ, О. Мирабо, П. Мерсье де ля Ривьер, Г. Ле Трон, Тюрго и др.), а вслед за ними А. Смит и Д. Риккардо подвергли критике теорию неэквивалентного обмена³⁵ и перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из сферы *обращения* в сферу *производства*. Они показали, что сам обмен не порождает прибавочной стоимости. Согласно трудовой теории стоимости, определенное количество труда, овеществленного в одном товаре, обменивается на такое же количество труда, овеществленного в другом товаре. Иначе говоря, имеет место эквивалентный обмен. И даже, если товаровладелец продает в одном акте обмена товар по цене выше стоимости, то в другом акте обмена он выступает как покупатель и теряет полученную разницу.

Ссылаясь на физиократов, К. Маркс резюмирует: «Как не вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости» (Маркс 1960: 174). Однако, не вступая в акт обмена, товаропроизводитель также не может увеличить стоимость. Таким образом, эмпирически фиксируемый факт накопления капитала противоречит закону эквивалентного обмена. А это означает, что вне обращения есть нечто такое, что дает приращение стоимости. В результате непосредственного столкновения меркантилистской и физиократической теорий по вопросу источника возрастания стоимости возникла антиномия, которую и сформулировал Маркс: «Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то время не в обращении» (Маркс 1960: 176). Известно, что эту антиномию Маркс разрешил путем нахождения в сфере обращения такого товара как рабочая сила, потребление которой в процессе производства и дает приращение стоимости.

Анализ антиномических ситуаций в науке показывает, что они являются закономерной ступенью, а именно – исходным пунктом перехода к теоретическому уровню научного познания. «Именно антиномия является адекватной формой теоретической проблемы, поскольку она очерчивает крайние точки, границы области исследования. Этими границами являются тезис и антитезис – позитивные формы знания, одновременно исключаящие друг друга непосредственным образом. Теория

же призвана обнаружить их опосредствованную связь, единство» (*Кумпф, Оруджев* 1979: 195–196).

Если говорить о противостоянии «теории этноса» и конструктивистско-инструменталистских концепций этничности, то, как мне представляется, мы имеем дело со схожей ситуацией. Обе концепции в равной степени эмпирически верифицируются, что делает их легитимными в глазах своих сторонников. Так, в случае этнических наций-государств (Япония, Корея и др.) или федеративных образований, построенных по этническому принципу (СССР), наличие устойчивых крупных этнических общностей с ярко выраженными маркирующими признаками и историческими волнами развития четко фиксируется (холистско-волновой принцип)³⁶. В то же время, в США этнические границы более размыты и в рамках общего «котла» возникают поведенческие модели групп и индивидов (дискретно-корпускулярный принцип), в которых этничность выступает как функция конкретной ситуации, наполняясь релятивным и инструментально-прагматическим контекстом. Этот контекст еще больше обнаруживается в эпоху глобализации, когда миграционные процессы затронули миллионы людей.

После того как граница противостояния противоположных концепций оформилась, стала видна и их односторонность. Так, С.В. Чешко отмечает: «Если советская этнология сегодня страдает, как утверждают, позитивизмом и онтологизмом, то для ее западной сестры зачастую характерно увлечение субъективизмом» (*Чешко* 1994: 39). А голландский ученый В. ван Мейерс пишет: «Если, с одной стороны, борьба за нахождение неуязвимого определения этноса, с помощью которого можно было бы выяснить эволюцию этнических групп и предсказывать всплески национализма, представляется несостоятельным делом, то, с другой стороны, конструктивистский пафос часто приводит к настолько же непродуктивному отделению националистических дискурсов от социально-экономической реальности и политических условий» (*Мейерс* 2006: 98).

Как закономерный результат признания бесперспективности абсолютизации того или иного подхода все чаще ставится вопрос об интеграции различных этнологических концепций. Так, И.Ю. Заринов считает, что теория этноса и концепции этничности – «две стороны одной медали», и развитие этнологической науки должно происходить на путях «дополнительности», а не противопоставления этих теорий (*Заринов* 2000). Аналогичный подход выражен и в монографии С. Рыбакова (*Рыбаков* 2001а). Идеи синтеза прослеживаются и в западной литературе. Говоря о конкурирующих подходах в этнологии, Филип Янг пишет: «Мы не должны полагаться на логику мышления «или – или»; более возможной и целесообразной является интеграция ценных идей. <...> Этничность (включая расу) частично социально сконструирована на основе происхождения или предположительного происхождения, однако более важно для общества то, что интересы этнических групп также частично определяют этническую принадлежность, и что этнические границы являются относительно стабильными, но время от времени претерпевают изменения» (*Yang* 2000: 47, 48). Соответственно и этничность рассматривается как нечто, обладающее двойной, противоречивой природой: «С одной стороны, этничность субъективна, поскольку это продукт человеческого ума и человеческих чувств. <...> С другой стороны, этничность объективна, потому что она должна быть основана на некоторых объективных характеристиках и конструируется социальными силами и властными отношениями» (*Ibid*: 40).

Об односторонности примордиализма и инструментализма, и их односторонней недостаточности в анализе этнической ситуации в конкретных регионах, пишут и другие авторы (*Adetiba, Rahim 2012; Vale 2000*).

Основываясь на анализе истории и методологии науки, я считаю допустимым определить сложившуюся ситуацию в этнологии как антиномию. В связи с этим мне представляется возможным построение *общей* этнологической теории, содержанием которой станет синтез или «конкретное единство противоположных определений». Это сложная задача и потребует коллективного труда специалистов в самых различных областях – от этнографии бесписьменных народов до темы функционирования этничности в эпоху глобализации. Те или иные аспекты построения такой теории уже затрагивались в различных работах этнографов, историков, философов, и мне хотелось бы предложить на суд читателя попытку их обобщения.

О некоторых методологических аспектах построения этнологической теории

Плодотворное методологическое осмысление построения этнологической теории я вижу на путях использования *принципов диалектики* (диалектической логики). Оно включает в себя обсуждение таких вопросов как исходная идея и исходная проблема этнологии, принципы построения теории, иерархия понятийного аппарата, способ развертывания системы категорий, отношение теоретических конструктов к исторической реальности, тип аргументации и доказательства и т.д. В силу ограниченного формата статьи в ее задачу не входит подробное обсуждение всех сторон построения этнологической теории. Поэтому остановлюсь лишь на *некоторых* его принципах.

1. Прежде всего, это отношение к базисным тезисам обсуждаемых подходов и одновременно – определение основного метода мышления в разрешении сложившейся ситуации. Речь идет о принципиальном признании рационального в обоих подходах, как сторонах антиномии. Необходимо отказаться от дихотомического мышления и формально-логического способа разрешения сложившегося противоречия (элиминации одного из членов противоречия) и вспомнить несколько забытый, открытый Гегелем и развитый в марксистской философской традиции, включая советскую, *принцип диалектического противоречия* (единства противоположностей). Выкинув «вместе с водой ребенка» (ведь советское обществознание включало в себя не только идеологемы и догматы, но и глубокие научные наработки, в том числе и в области методологии), мы рискуем вернуться в те эпохи, когда мышление основывалось на принципе «или – или» и железобетонных разграничениях, а затем, под давлением исследовательского материала (неумолимо ведущего к диалектическому и пластичному мышлению) заново открывать велосипед. Кстати говоря, дихотомизм был характерной чертой советского обществознания в его официальном и массовом виде, где, например, все исторические процессы рассматривались либо со знаком плюс, либо со знаком минус.

Отметим, что принцип диалектического противоречия является «сквозным», т.е. он должен применяться на всем протяжении построения теории.

2. Важнейший аспект построения теории – ее развертывание в виде системы категорий. Способом такого развертывания является *метод восхождения от аб-*

страктного к конкретному, открытый Гегелем и примененный им в «Науке Логике». Этим способом (неосознанно или сознательно) были построены механика Ньютона, «Капитал» Маркса, теория эволюция Дарвина и другие развитые системы теоретического знания. Сравнительный анализ показал инвариантность их категориального построения (логической структуры): оно начинается с формулировки исходного отношения (простого, абстрактного и непосредственного) противоположных определений. По мере включения новых понятий это отношение становится сложным, конкретным и опосредованным промежуточными звеньями. При этом основная оппозиция сохраняется, поскольку является выражением крайних границ предметной области³⁷.

3. Восхождение от абстрактного к конкретному предполагает выявление исходной клеточки целого, ее субстанциального свойства и отношения³⁸. В этом плане дискуссии об определении «этноса», «этнической единицы», «этнической субстанции», «этнической самости» мне представляются методологически весьма важными. Говоря о дебатах в советской теории этноса, С.В. Чешко пишет, что в них «нет только одного – самой этнической субстанции» (Чешко 1994: 38), «родовой сущности этноса» (Чешко 2014: 22, 24). Данный вопрос автор адресует ко всем имеющимся концепциям: «Как бы там ни было, все существующие теории оказываются неспособными выявить этническую “самость”». Перед исследователями – явление, которое, безусловно, существует, но неизменно ускользает сквозь пальцы» (Чешко 1994: 39). Такая постановка вопроса – свидетельство назревшей неудовлетворенности определения предмета изучения через его внешние стороны, свойства и частные формообразования. Отметим лишь, что этот «кризисный» этап прошли все развитые научные теории.

Вопрос выявления клеточки целого, субстанции – чрезвычайной важности. Достаточно сказать, что начало перехода к *теоретической* стадии различных отраслей науки было связано именно с решением этого вопроса. Так, первая система теоретической физики – механика – стала возможна лишь тогда, когда все многообразие живого и не живого было сведено к абстракции (идеальному конструкту) *тела*, лишенного запахов, формы, цветов и т.д., обладающего массой, и способного либо покоиться, либо двигаться. Впервые появилась возможность рассмотреть перемещение и взаимодействие тел *вообще*, в их идеально-сущностной форме, а не в виде конкретного катящегося булыжника или бегущей коровы. Построение механики, оперирующей *телами* вообще и общими законами их движения, позволило в качестве частных следствий вывести и закономерности, имеющие отношение к конкретным объектам. Так, сформулированные ранее законы движения планет (законы Кеплера) – результат многолетних наблюдений и вычислений – оказались следствиями, выводимыми из закона тяготения Ньютона.

Первая система теоретической биологии – теория эволюции – стала оформляться тогда, когда все существующее биоразнообразие было сведено к *виду*, обладающему способностью к наследственности и изменчивости. В генетике такой единицей стал *ген*. А возможность становления теоретической политической экономии, описывающей капиталистический способ производства, возникла после того, как все многообразие богатства этого мира было сведено к понятию *товар*. В этнологии в качестве такого исходного понятия предлагались *этнос*, *этническая группа*, *этническая общность*, *этникос* и др. Вопрос не только в названии (хотя и это архи важно), а

в том, как перейти от интуитивно понятного *термина* и *эмпирического понятия* (или представления), выведенного из суммирования внешних, эмпирически фиксируемых сторон, свойств и формообразований, к *теоретическому понятию* (категории).

Переход к теоретической стадии в истории науки связан с переходом от изучения внешнего многообразия предмета исследования к осознанию его внутреннего единства, с редукцией «многого» к «единому». Необходимость такого рода перехода наблюдается и в этнологии. «Практически вплотную подойдя к проблеме этнической субстанции, – пишет С.Е. Рыбаков, – наши этнологи сформулировать ее не смогли. По всей видимости, главная причина этого заключалась в той самой особенности теоретической этнографии советского периода, которая была связана с методологией выделения и описания «этнических признаков» (Рыбаков 2001: 17). Соглашаясь в целом с данной оценкой, замечу, что описание внешних признаков (а также сторон и формообразований) является необходимой – научно-эмпирической, а не теоретической – стадией познания предмета. Без их выделения и описания в качестве «самостоятельных сущностей» невозможно ставить вопрос и об их единстве (внутренних связях, обеспечивающих единство этого разнообразия), что составляет содержание теоретической стадии. Поэтому этнографию, направленную на выделение и описание внешних сторон и признаков, а также типов этнических общностей в виде формообразований, точнее называть научно-эмпирической (в отличие от обыденно-эмпирического уровня).

Редукция «многого» к «единому» (единству в многообразии) тесно связана с пониманием *общего* (всеобщего). Долгое время в формальной логике и основанной на ней науке под общим понимались одинаковые внешние признаки предметов. Общее выступало как *понятие*, абстракция, фиксирующая сходство предметов. Таким образом понятие *абстрактно-общее* стало основой формирования эмпирических понятий. Однако все попытки зафиксировать и описать внешние сходные признаки определенной группы предметов так и не приводили к пониманию их сущности, она неизбежно ускользала. Возникла необходимость иного понимания сущности – не как формально-сходного общего. И новое понимание общего (теоретически понятие) было сформулировано в диалектической логике (Гегель, Маркс) как генетическое, исходное, родовое, реальное *конкретно-общее*, связывающее элементы определенной группы в одно целое. В связи с этим выдающийся советский философ Э.В. Ильенков писал: «Всеобщее отнюдь не то многократно повторенное в каждом отдельно взятом единичном предмете сходство, которое представляется в виде общего признака и фиксируется знаком. Оно прежде всего закономерная связь двух (или более) особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного, реального, а отнюдь не только номинального единства. <...> Всеобщее выступает тут как закон или принцип связи таких деталей в составе некоторого целого» (Ильенков 1984: 273).

Данный экскурс по поводу разницы формального абстрактно-общего и диалектического конкретно-общего позволяет понять, почему все попытки раскрыть сущность этноса через его внешние стороны и свойства не увенчались успехом. В советской этнографии «акцент делался преимущественно на проблеме этнических признаков (“этнических определителей”) – внешних признаков этноса» (Рыбаков 2001: 14). Это важнейшая (эмпирическая) стадия исследования предмета. Однако никакое знание о внешних сторонах и признаках не даст понимания сущности этноса, потому что она не равна их сумме. Родовую сущность этноса необходимо искать

на том отрезке истории человечества, когда возникла *потребность* в определенном типе групповой общности (солидарности), связывающей определенных индивидов в некое единое целое (этническую общность). Однако, как замечает С.В. Чешко, «в отечественной этнологической литературе <...> по сути даже не ставится вопрос, откуда вообще взялось «этническое», из каких потребностей и сторон жизнедеятельности людей оно возникло, какова присущая только ему природная функция?» (Чешко 1994: 38). В дальнейшем мотивационная основа потребности, условия ее воспроизводства, типы групповой (этнической, межэтнической) идентичности и ее функции могли меняться, но сама потребность продолжала сохраняться.

Надо иметь в виду, что понятийная ясность относительно «родовой сущности» этноса (этнического) – сведение этнического многообразия к этнической «клеточке», выделение ее субстанциального свойства и субстанциального отношения как единства противоположных сторон – лишь *исходный* пункт построения этнологической теории.

4. Важной стороной восхождения от абстрактного к конкретному является *принцип единства исторического и логического*. В эмпирических исследованиях, сфокусированных на том или ином аспекте современности, исторический контекст порой носит характер общего фона, а порой от него можно и вовсе абстрагироваться. Но при построении теории, целостного системного образования логическое (движение категорий) отображает в освобожденной от случайностей действительную историю изучаемого объекта.

5. С принципом единства исторического и логического тесно связан *принцип историзма* – признание конкретно-исторической природы этнических структур. Одним из следствий принципа историзма является отказ от универсальных схем их описания. Это означает, что «категория «этнос» для разных эпох и разных цивилизационных, историко-культурных, историко-культурно-географических (и т.п.) реалий, не имеет универсального смысла» (Чешко 2014: 24). Мне представляется, что принципиальные трудности в обнаружении «родовой сущности этноса» или «этнического ядра», заключаются в том, что это ядро не является статичным и одним и тем же во все времена. Само ядро и элементы периферии могут меняться, в том числе и местами. Именно поэтому элементы этнической идентичности, работающие в одну эпоху перестают работать в другой («ускользают»). Каждый исторический период представляет свой *временной*, во многом уникальный, набор условий, в которых происходит формирование (конструирование) и функционирование этничности.

6. Для понимания «родовой сущности» этнического (при рождении, в его «чистом» виде) целесообразно обратиться к начальным этапам человеческой истории. Во-первых, это диктуется принципом совпадения исторического и логического: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей...» (Энгельс 1959: 497). А, во-вторых, попытка исходить из характеристик ныне существующих этнических групп неизбежно приводит к «ускользанию» этнического, в силу различного рода многовековых социальных наслоений и связей, где собственно этническое не всегда легко вычленишь.

В рамках данной статьи не ставится задача проследить *происхождение* этнического, хотя это ключ к пониманию «этнической самости», по крайней мере, ее исходной формы. Отметим лишь ее контуры: (1) этническое возникает в контактных зонах, как *отношение* одних групп людей к другим³⁹; (2) исходной границей, разделяющей первобытные группы, являющейся способом их самоидентификации

(«мы – они») и ведущей к становлению этнического, были непосредственное кровное родство и занимаемая территория (Хан 1993); (3) на первых этапах этническое синкретично вплетено в сеть всей совокупности социальных связей.

7. Однако разграничительные маркеры, важные для самоидентификации и идентификации других в первобытную эпоху, могут и не быть таковыми в другие эпохи. И здесь, видимо, важно различать этничность и ее функции в период первоначального зарождения (генезиса) от других типов этничности и их генезиса, сопряженных с иными историческими условиями.

8. Существуют не только временные, но и *пространственные* (региональные) особенности формирования этнических общностей и их отношений (функционирования этничности). Каждое социально-культурное, политико-экономическое и ландшафтно-климатическое пространство (взятое исторически) отличается своими условиями.

9. Этническое обладает структурно-функциональным и иерархическим строением, а также пластичностью. И здесь важно введение *принципа относительности*. Можно говорить о различных системах координат (ценности и интересы, сознание и поведение, обыденное и сакральное и т.д.) и масштабах (микро-, макро- и мега-уровни), в которых может существовать этническое, причем одновременно. И то, что существует на одном уровне и в одной системе координат может не соответствовать (или противоречить) тому, что существует на другом уровне и в другой системе координат. Эта «многоликость» этнического – одна из причин его «ускользания».

10. Из принципа относительности вытекает *принцип плюрализма*, который фиксирует не только множественность подходов к рассмотрению этничности, но и сложную природу последней. Из него следует *принцип гетерогенности этногенеза и нациогенеза*, согласно которому генезис любых этнических общностей (и наций) основан на гетерогенной компонентной базе, а также *принцип разнообразия оснований* этничности, коими могут быть (и/или) кровное родство, территория, политико-экономические интересы и т.д. (Хан 2010а).

11. С этими принципами, основанных на идее относительности, связан и один из важнейших методологических принципов современного (синергетического) рассмотрения сложных систем – *принцип нелинейности*⁴⁰. Применительно к этнологии он означает отсутствие прямой и однозначной (линейной) зависимости между той или иной исторической этнической общностью и нацией (несовпадение этнического и национального). В речах политиков, в публицистических и даже научных работах по этнологии порой наблюдается стремление провести прямую историко-генетическую связь между современными нациями нынешних государств и населением соответствующих регионов в древности. Современная нация и древние племена на территории данного государства представляются как один народ, разделенный во времени (Хан 2010). Данный вывод основан на устаревшем принципе линейного рассмотрения истории и идеологических установках этноцентризма.

12. Важнейшую роль в становлении научной теории играют система аргументации и доказательства. Пора отказаться от позитивистского, индуктивно-эмпирического способа формирования *теоретических* представлений об этничности. Различие в подходах в этнологии связано не только с разницей в предметном фокусе или используемом инструментарии, но и с тем, что неоправданному обобщению подвергаются результаты, полученные в *локальных* полевых исследованиях. Поэтому работы по этнологии пестрят многочисленными возражениями, что та или иная объ-

яснительная схема, выработанная на основе европейского материала, не работает то в Нигерии, то в Бразилии, то еще где-либо и т.д.

Необходимо осторожно относиться не только к фактологическим «доказательствам», но и к фактологическим «опровержениям» в отношении концептуальных построений. В методологии науки принято отличать опровержение фактами *эмпирических обобщений*, полученных индуктивным путем, и фактологические «опровержения», направленные против теорий или *теоретических обобщений* (именно к ним относится известное выражение «тем хуже для фактов»). Так, эмпирические факты в полной мере обнаруживают свою опровергающую силу, когда дело касается индуктивных обобщений. Например, тезис о том, что *все* люди, относящие себя к определенной этнической группе, говорят на одном языке, обнаруживает свою несостоятельность при предъявлении хотя бы *одного* человека, не удовлетворяющего этому требованию.

Что касается научных *теорий* и формулируемых ею законов и следствий, то они неуязвимы от отдельных «опровергающих» эмпирических примеров, поскольку связаны с описанием сущностных процессов, а не с тем, как они нам являются. Так, закон стоимости ежедневно «опровергается» практикой торговли. Согласно закону, товары обмениваются по *стоимости*, определяемой общественно-необходимыми затратами на производство товара. Однако наш повседневный опыт показывает, что *цены* товаров зачастую далеки от их стоимости, что «противоречит» закону эквивалентного обмена. Или, кто в реальной жизни наблюдал прямолинейное и равномерное движение, о котором говорит закон инерции? Или, первый закон Кеплера говорит о том, что все планеты Солнечной системы двигаются по эллиптическим орбитам вокруг Солнца, однако Уран не движется по эллипсу. Но экономистам в голову не приходит отменять на основе «опровергающих фактов» закон стоимости, физикам – закон инерции, а астрономам – закон Кеплера. Дело в том, что научные законы действуют не непосредственно, а опосредованно – через посредствующие звенья, которые «модифицируют» действие этих законов и являются нам не в чистом виде. Таким посредствующим звеном, объясняющим «противоречивость» закона стоимости является спрос и предложение, закона инерции – трение, а закона Кеплера в отношении Урана – наличие Нептуна. Теория опровергается теорией – таким же целостным построением⁴¹.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что столкновение известных в этнологии концептуальных подходов я рассматриваю не как боксерский поединок, где кто-то выиграл, а кто-то проиграл, а как позитивную и закономерную ситуацию, позволившую целостно охватить предмет этнологии, поскольку целостность теоретического предмета всегда связана с обозначением его крайних точек (противоположностей), границ.

Примечания

¹ Статья написана в рамках пребывания автора в качестве стипендиата программы Фулбрайт в Центре российских, восточноевропейских и евразийских исследований университета Канзас (США) в 2013–2014 гг. Основные идеи статьи впервые озвучены в докладе, представленном в 2010 г. на «Шаниязовских чтениях» в Институте истории АН Узбекистана (*Хан* 2010: 24–30).

² Иногда его называют перенниализмом (perennialism), от англ. perennial – вечный, неизменный, неувядаемый, или эссенциализмом (essentialism), от англ. essence – сущность.

³ Circumstantivism, от англ. circumstance – обстоятельство.

- ⁴ Foundationalism, от англ. foundation – основание, основа.
- ⁵ Quantoid, от англ. quantity – количество.
- ⁶ «Подобно примордиалистам конструктивисты рассматривают этнические идентичности как культурный дар, но подобно инструменталистам они рассматривают этнические идентичности как гибкие» (Bates 2004: 5).
- ⁷ Объективизм и субъективизм рассматриваются в качестве одного из оснований конкурирующих взглядов на этничность в работах Томаса Эриксона (Eriksen 2002: 54).
- ⁸ Выражение «теория этноса» заимствовано, поскольку, как и в случае с «теорией этничности», мы имеем дело не с одной концепцией, например, Ю. Бромлея, а с различными подходами – авторскими концепциями этноса – в рамках определенной парадигмы.
- ⁹ Настоящее противостояние в этнологии напоминает мне полемику между «природниками», «общественниками» и представителями «объективно-субъективного» подхода, развернувшуюся в 1950–1960-х годах в советской эстетике и получившую резонанс в зарубежной литературе. Тогда вопрос стоял так: существует ли эстетическое объективно в самой природе? Если нет, то можно ли говорить об ее общественной объективности или это субъективная оценка индивида? О накале страстей можно судить по названиям публикаций (Ванслов 1955; Дмитриева 1952; Эльсберг 1961; Астахов 1961; Боров 1961; Пермиков 1961; Строков 1961; Столович 1962; Каган 1966; Нуйкин 1966).
- ¹⁰ Как пишет М. Хрох, «Карл Дойч еще очень давно заметил, что дабы возникло национальное самосознание, должно сначала возникнуть нечто такое, что оно будет осознать» (Хрох 2002: 122).
- ¹¹ «Возникнув под влиянием объективных (экономических, социальных, политических и т.д.) причин, этнос существует столь же объективно, как и причины, его создающие» (Чистов 1972: 73); «Этносы существуют независимо от нашего сознания и представляют собой часть объективной социальной реальности» (Пименов 1986: 22).
- ¹² «Этнос нельзя ни сформировать, ни расформировать по произволу, по желанию (по призыву героя, распоряжению правительства или постановлению парламента и т. п.)» (Пименов 1986: 22).
- ¹³ «Этносы <...> представляют собой живые, исторически <...> развивающиеся явления» (Марков 1986: 71).
- ¹⁴ «Значение понятия этничности, – пишет канадский антрополог В. Исаив, – зависит от значения некоторых других понятий, таких как этническая группа и этническая идентичность. Понятие этнической группы является наиболее базовым, другие понятия производны от него» (Isajiw 1992: 5; см. также: Токарев 1964; Чебоксаров 1967; Козлов 1979; Крюков 1986; Марков 1986).
- ¹⁵ «... Одно из характерных свойств этносов – устойчивость» (Бромлей 1983: 49).
- ¹⁶ «Я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество... Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» (Андерсен 2001); «Признаком этнической общности является не «общее происхождение», а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности» (Тишков 2003: 116).
- ¹⁷ «Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они признают принадлежность друг друга к нации. <...> Нации – это продукт человеческих убеждений, страстей и наклонностей» (Геллнер 1991: 35); «Этнические группы суть признаки, приписываемые и идентифицируемые самими акторами. <...> Учитываемые признаки не представляют собой сумму «объективных» различий, но только набор тех различий, которые сами люди считают значимыми» (Барт 2006: 11, 15–16).
- ¹⁸ Так, Маркус Бэнкс пишет: «... Хотя я вынужден использовать такие термины, как «группа», «население» и даже «этническая группа» по случаю, я опасаясь быть вовлеченным в социологический редукционизм. Я не думаю, что этничность является просто качеством групп, по большей части я склонен рассматривать ее как аналитический инструмент, изобретенный и используемый учеными» (Banks 1996: 6).
- ¹⁹ «Этническая идентичность не является фиксированной категоризацией, – пишет Д. Финни, – скорее она является текучим и динамичным пониманием себя и этнического прошлого» (Phinney 2003: 63).

- ²⁰ Как отмечает Э. Геллнер, «главной областью, где действует и обретает плоть националистическое чувство, является уровень обыденной, частной жизни. <...> Люди становятся националистами, поскольку убеждаются в ежедневном общении – на работе и в свободное время, – что их «этническая» принадлежность существенно влияет на отношение окружающих» (Геллнер 2002: 176). «Этническая идентичность обычно контекстуальна и ситуативна, – пишут Д. Тримбл и Р. Диксон, – поскольку она происходит из социальных переговоров, где каждый объявляет об этнической идентичности и затем демонстрирует приемлемые и признанные маркеры этнической группы другим. <...> Чтобы наладить союз между собой и другим, люди часто используют этнические речевые образцы и жесты, чтобы подтвердить подлинность своих заявлений. Если внешний вид не вписывается в стандартные физические критерии или есть ощущение, что другие сомневаются в заявленной идентичности, этнические акторы будут преувеличивать и придавать значение манерам и речевым особенностям, которые известны как особенные и специфичные для референтной группы. Это ритуальное или стилистическое подчеркивание также часто имеет место, когда члены этнической группы встречаются или собираются в географических областях, которые отличаются от их родин или сообществ общего происхождения. Отличительный ритуал – главный пример ситуативной этничности и этнической идентичности, находящейся в определенных условиях» (Trimble, Dickson 2005. Интернет ресурс: http://pandora.cii.wvu.edu/trimble/research_themes/ethnicity_identity.htm. Дата обращения 2014 год).
- ²¹ Джоан Нэджел пишет: «Согласно ... конструктивистскому взгляду, происхождение, содержание и форма этничности отражает креативный выбор индивидов и групп как они определяют себя и других в этническом аспекте» (Nagel 1994: 152). «Неважно, насколько члены группы отличаются своим внешним поведением, – если они утверждают, что принадлежат категории А в противоположность другой, сходной категории В, они хотят, чтобы их воспринимали как А, а не как В и чтобы их поведение интерпретировалось и оценивалось как поведение А, а не как поведение В; иными словами, они декларируют свою принадлежность культуре этнической группы А» (Барт 2006: 17).
- ²² Может возникнуть вопрос: а почему данные парадигмы не рассматриваются через призму материализм vs идеализм? Дело в том, в субъективистской парадигме сознание не является первичной самостоятельной сущностью и демиургом, хотя в некоторых текстах элементы субъективного идеализма прослеживаются. А в объективистской парадигме открыт вопрос, откуда возникли этносы (народы)? Они могут быть и творением Бога – идеального начала.
- ²³ 1) Мир конечен в пространстве и времени и бесконечен; 2) Сложная субстанция состоит из простых вещей и не состоит; 3) В мире есть свободная причинность и в мире нет никакой свободы, все совершается по законам природы; 4) В мире есть безусловно необходимая сущность, как часть или причина его, и нигде нет такой сущности. (Кант 1963–1966: 404–405, 410–411, 418–419, 424–425).
- ²⁴ Антиномия в символической логике записывается так: $A \ \& \ (\sim A)$ и читается: «А и не – А».
- ²⁵ Закон противоречия гласит: «Не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении». В математической логике этот закон обозначается так: $\sim [A \ \& \ (\sim A)]$, где А обозначает любое высказывание, $\sim A$ – высказывание отрицающее высказывание А, знак $\&$ – союз «и» (конъюнкцию), а \sim – отрицание всего сложного высказывания. Данная формула читается так: «Неверно, что А и не – А вместе истинны». – См.: Кондаков 1975: 488.
- ²⁶ Закон исключенного третьего гласит: «Из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно истинно, а другое ложно». В математической логике этот закон обозначается так: $A \vee \sim A$, где \vee – знак «или» (дизъюнкция) и читается: «А или не – А». – См.: Кондаков 1975: 213.
- ²⁷ Так, Максвелл писал: «... Мы имеем серьезные основания сделать заключение, что сам по себе свет <...> является электромагнитным возмущением в форме волн, распространяющихся через электромагнитное поле согласно законам электромагнетизма» (Максвелл 1954: 263).
- ²⁸ Крупный физик-теоретик Р. Фейнман так оценил это открытие: «По-видимому, самым знаменательным моментом в развитии физики XIX столетия следует считать тот день в 1860 г., когда Дж. К. Максвелл сопоставил законы электричества и магнетизма с законами поведения света» (Фейнман, Лейтон, Сэндс 1977: 37).

- ²⁹ Необходимость синтеза противоположных теорий света, что и было осуществлено в квантовой механике, была в свое время предвидена А. Эйнштейном, который писал: «Следующая фаза развития теоретической физики даст нам теорию света, которая будет в каком-то смысле слиянием волновой теории с теорией истечения» (*Эйнштейн* 1968: 181).
- ³⁰ Один из основателей генетики У. Бэтсон так сформулировал в 1914 г. кредо генетики: «Мы не нуждаемся более в общих идеях об эволюции». Интернет ресурс: http://www.darwin.museum.ru/expos/livenature/3_sintetika1.htm. Дата обращения: 2014 год.
- ³¹ Данная ситуация схожа с ситуацией, сложившейся в физике, в связи противостоянием волновой и корпускулярной теорий света.
- ³² Термин введен А. Смитом и происходит от латинского глагола *mercari* (торговать). Отсюда итал. *mercante* и англ. *merchant* – купец, торговец. Различают ранний и поздний меркантилизм. Представители раннего меркантилизма – Стаффорд, Меляйнс (Англия), Де-Сантис (Италия) и др., а позднего – Мэн (Англия), Серра (Италия), Монкретьен (Франция) и др.
- ³³ «До физиократов прибавочная стоимость, – т.е. прибыль, прибавочная стоимость в форме прибыли, – выводилась исключительно из *обмена*, объяснялась продажей товара выше его стоимости» (*Маркс* 1962: 9).
- ³⁴ «Пока торговый капитал опосредствует обмен продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит» (*Маркс* 1961: 363).
- ³⁵ Например, *А. Дестют де Траси*: «Обмен есть чудесная сделка, в которой оба контрагента выигрывают»; *Г. Ле Трон*: «Обмен по своей природе есть договор равенства, по которому стоимость отдается за равную стоимость. Следовательно, это не есть средство обогащения, так как здесь дают ровно столько, сколько получают»; *Дж. Грэй*: «При увеличении номинальной стоимости продукта... продавцы не обогащаются... ибо ровно столько, сколько они выигрывают как продавцы, они теряют в качестве покупателей»; *П. Мерсье де ля Ривьер*: «Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель не может платить дешевле за все вообще, что он покупает, не подвергая себя необходимости уменьшать соответственно цену тех вещей, которые он продает» (Цит. по: *Маркс* 1960: 168–169, 171–172).
- ³⁶ Это одна из причин востребованности концепции этноса, которая отчасти отвечает на вопросы ряда ученых (С.Н. Абашин, Ф. Бертран), связанных с контекстом этой востребованности: «Почему оказалась востребована именно «теория этноса»? Это закономерность? Или случайность?» (*Абашин* 2006: 99). «...Как можно оценить место и роль «этноса» без тщательного пересмотра исторического и эпистемологического контекста?» (*Бертран* 2006: 94).
- ³⁷ См. работы Э. Ильенкова, Ф. Кумпфа, З. Оруджева, А. Петросяна. Так, А. Петросян показал, что метод построения механики и «Капитал» Маркса одно и то же. Исходное отношение «масса – скорость», к которому было сведена совокупность физических свойств тела, по мере построения классической механики становилось все более сложным и опосредованным, превращаясь тем самым в систему категорий: ® «масса – сила – скорость» ® «масса – положительная сила – отрицательная сила – скорость» ® «масса – положительная сила – расстояние – отрицательная сила – скорость». Последнее отношение выражает структуру центральной категории динамики тяготение. Аналогичный принцип развертывания категорий и в «Капитале» Маркса. Анализ движения товара обнаруживает два его непосредственно противоречащих свойства «потребительная стоимость – меновая стоимость», далее это отношение также становится более сложным и опосредованным: ® «потребительная стоимость – труд – меновая стоимость» ® «потребительная стоимость – конкретный труд – абстрактный труд – меновая стоимость» ® «потребительная стоимость – конкретный труд – рабочая сила – абстрактный труд – меновая стоимость». Последнее отношение выражает структуру центральной категории труда Маркса капитал (*Петросян* 1983).
Замечу лишь, что опосредованные переходы категорий в классической механике и «Капитале» могут быть показаны более детально.
- ³⁸ «... Первым шагом на пути перехода от эмпирического познания к теоретическому явилось выделение субстанциального свойства, определяющего остальные. Оно помогло выделить объект

теоретического познания. <...> Вторым шагом было выделение исходного отношения противоположных сторон как двух характеристик субстанции, выделение субстанциального отношения. <...> Отсюда начинается процесс целостного воспроизведения предмета в единстве всех его сторон, т.е. отношений, связей, формообразований» (*Кумпф, Оруджев* 1979: 119–120).

³⁹ Я не могу согласиться с В.В. Карловым, который пишет: «Природа этноса <...> рождена развитием специфически человеческого, отличного от всех остальных биологических организмов, способа адаптации в среде обитания. Это не передача способа адаптации через гены, как у животных, а опосредованная социальной средой передача способа адаптации через культуру, через культурный код» (*Карлов* 2014: 7). Появление социального (культурного) не означает автоматического появления этнического. Иначе этническое будет синонимом социального, культурного, но тогда отпадает необходимость в данном термине как в нечто специфическом. Достаточно просто говорить о социальном или культуре. На эту тождественность культурного и этнического в рассуждениях В.В. Карлова обращает внимание и С.В. Чешко (*Чешко* 2014: 22).

⁴⁰ Принцип нелинейности гласит: «Множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями (нелинейной системы)» (*Князева, Курдюмов* 1992: 9).

⁴¹ В этом смысле мне представляется сомнительным аргумент, который я неоднократно слышал в Средней Азии, что теория общественно-экономической формации не универсальна, а значит, не верна, поскольку среднеазиатские народы не проходили стадию классического рабства. Для того, чтобы данный эмпирический аргумент был верен, необходимо доказать, что описанные в теории формационные стадии должны быть, с точки зрения этой теории, воспроизведены каждым народом и в каждом регионе. А поскольку теория формаций претендует на описание логики *всемирно-исторического процесса*, то территориальные аргументы теряют свою силу. Вопрос о том, почему Средняя Азия не прошла классическую стадию рабства сродни вопросу, почему Уран не движется по эллипсу, хотя согласно закону Кеплера он должен. И если теория формаций верна, то ее сторонникам необходимо нахождение посредствующих звеньев, объясняющих то или иное «неправильное поведение» региона (Нептуна, который своим полем тяготения мешает Урану двигаться как полагается), что является предметом скрупулезных исторических исследований. В этом плане мне представляются продуктивными исследования Ю.И. Семенова, рассматривающего теорию общественно-экономических формаций как способ объяснения логики мировой истории и выступающего против сведения ее к «пятичленке» в качестве универсальной схемы описания истории каждого народа (*Семенов* 1999).

Литература

- Абашин 2006 – Абашин С.Н. Комментарии // Этнографическое обозрение (далее – ЭО), 2006. № 3. С. 99–101.
- Андерсен 2001 – Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
- Астахов 1961 – Астахов И. Эстетический субъективизм и проблема прекрасного // Октябрь, 1961. № 3. С. 195–201.
- Барт 2006 – Барт Э. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
- Бертран 2006 – Бертран Ф. Комментарии // ЭО, 2006. № 3. С. 94–95.
- Борев 1961 – Боров Ю. Четыре ахиллесовы пяты // Октябрь, 1961. № 3. С. 209–213.
- Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Ванслов 1955 – Ванслов В.В. Существует ли прекрасное объективно? // Вопросы философии, 1955. № 2. С. 249–251.
- Гегель 1974 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
- Геллнер 1991 – Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Геллнер 2002 – Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
- Дмитриева 1952 – Дмитриева Н.А. Эстетическая категория прекрасного // Искусство, 1952. № 1.

- Дмитриев, Фаерштейн 1983 – *Дмитриев И.С., Фаерштейн М.Г.* Молекулярная теория // Становление химии как науки. Всеобщая история химии. М.: Наука, 1983. С. 286–333.
- Ельшиевич 1984 – *Ельшиевич М.А.* Истоки, возникновение и развитие квантовой теории // Физика XX века: развитие и перспективы. М.: Наука, 1984. С. 9–92.
- Заринов 2000 – *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык проблема интеграции различных этнических теорий и концепций // ЭО, 2000. № 2. С. 3–18.
- Ильенков 1984 – *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1984.
- Иогансен 1933 – *Иогансен В.* Элементы точного учения об изменчивости и наследственности с основами вариационной статистики. М.; Л.: Сельхозгиз, 1933.
- Каган 1966 – *Каган М.С.* Об эстетической ценности, эстетической оценке и фантазиях на эстетические темы // Вопросы литературы, 1966. № 8. С. 91–99.
- Кант 1963-1966 – *Кант И.* Соч. в 6 томах. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 3.
- Карлов 2014 – *Карлов В.В.* Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // Вестник антропологии, 2014. № 2.
- Кедров 1969 – *Кедров Б.М.* Три аспекта атомистики. Учение Дальтона. Исторический аспект. М.: Наука, 1969.
- Князева, Курдюмов 1992 – *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии, 1992. № 12. С. 3–20.
- Козлов 1979 – *Козлов В.И.* О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии / под ред. Ю.В. Бромлея. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
- Кондаков 1975 – *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
- Крюков 1986 – *Крюков М.В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография (далее – СЭ), 1986. № 3. С. 58–69.
- Кумпф, Оруджев 1979 – *Кумпф Ф., Оруджев З.* Диалектическая логика: основные принципы и проблемы. М.: Политиздат, 1979.
- Максвелл 1954 – *Максвелл Д.К.* Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М.: Гостехиздат, 1954.
- Марков 1986 – *Марков Г.Е.* Этнические общности как историческая категория // СЭ, 1986. № 4. С. 69–72.
- Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960.
- Маркс 1961 – *Маркс К.* Капитал. Т. III. // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961.
- Маркс 1962 – *Маркс К.* Капитал. Т. IV. Ч. 1 // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.
- Мейрс 2006 – *Мейрс В. ван.* Комментарии // ЭО, 2006. № 3. С. 96–98.
- Мордухович 1957 – *Мордухович Л.М.* Очерки истории экономических учений. М.: Госполитиздат, 1957.
- Нуйкин 1966 – *Нуйкин А.* Еще раз о природе красоты // Вопросы литературы, 1966. № 3. С. 92–117.
- Оруджев 1979 – *Оруджев З.М.* Формально-логическое и диалектическое противоречие: различие структур // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 78–95.
- Пастушный 1981 – *Пастушный С.А.* Генетика как объект философского анализа. М.: Мысль, 1981.
- Пермяков 1961 – *Пермяков С.М.* О субъективистских тенденциях в эстетике // Вопросы философии, 1961. № 5.
- Петросян 1983 – *Петросян А.Э.* Метод «Капитала» и ньютоновская механика // Философские науки, 1983. № 6. С. 149–151.
- Пименов 1986 – *Пименов В.В.* Системный подход к этносу // Расы и народы. М., 1986. Вып. 16. С. 12–30.
- Рыбаков 2001 – *Рыбаков С.Е.* Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // ЭО, 2001. № 1. С. 3–22.
- Рыбаков 2001a – *Рыбаков С.* Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.

- Семенов 1999 – Семенов Ю.И. Философия истории: От истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999.
- Столлович 1962 – Столович Л.Н. О двух концепциях эстетического // Вопросы философии, 1962. № 2. С. 110–120.
- Строков 1961 – Строков П. Все-таки субъективизм! // Октябрь, 1961. № 12. С. 198–209.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Токарев 1964 – Токарев С.А. Проблема этнических общностей (К методическим проблемам этнографии) // Вопросы философии, 1964. № 11. С. 43–53.
- Фейнман, Лейтон, Сэндс 1977 – Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. В 10 томах. Т. 3–4. М.: Мир, 1977.
- Хан 1993 – Хан В.С. Структура практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины // Вестник Московского университета, 1993. Серия 7. «Философия». № 1. С. 83–91.
- Хан 2010 – Хан В.С. Антиномии научного знания и проблема противостояния этнологических теорий // Этнос и культура: традиции и инновации. Материалы V Республиканской научной конференции. Из цикла «Шаниязовские чтения». Ташкент: Фан, 2010. С. 24–30.
- Хан 2010а – Хан В.С. К вопросу о методологических принципах изучения узбекской идентичности // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной конференции. Самарканд, Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2010. С. 291–297.
- Хрох 2002 – Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства нации в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Чебоксаров 1967 – Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ, 1967. № 4. С. 94–109.
- Четвериков 1980 – Четвериков С.С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968.
- Чешко 1994 – Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО, 1994. № 6. С. 35–49.
- Чешко 2014 – Чешко С.В. Вспомнить об этносе? // Вестник антропологии, 2014. № 2. С. 20–25.
- Чистов 1972 – Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ, 1972. № 3. С. 73–85.
- Эйништейн 1968 – Эйништейн А. Собр. науч. трудов. В 4-х т. Т. 3. М.: Наука, 1968.
- Эльсберг 1961 – Эльсберг Я.Е. Схоластические концепции // Вопросы философии, 1961. № 1. С. 114–124.
- Энгельс 1959 – Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 489–499.
- Adetiba, Rahim 2012 – Adetiba T., Rahim A. Between ethnicity, nationality and development in Nigeria // International Journal of Development and Sustainability, 2012. Vol. 1. № 3. Pp. 656–674.
- Arcan 2014 – Arcan N.E. Ethnic Identities and Conflict: Ethnic Conflict Prevention Approach of European Union // Journal of Educational and Social Research, 2014. Vol. 4. № 1.
- Bacová 1998 – Bacová V. The Construction of National Identity. On Primordialism and Instrumentalism // Human Affairs, , 8, 1998, 1. Pp. 29–43.
- Balcha 2008 – Balcha B.G. Ethnicity and restructuring of the state in Ethiopia // DIIPER Research Series: Aalborg University, 2008. Working Paper. № 6. 25 p.
- Banks 1996 – Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London; New York: Routledge, 1996.
- Bates 2004 – Bates R. Ethnicity. The Elgar Companion to Development Studies. Harvard University, 2004.
- Brown, Langer 2010 – Brown G. and Langer A. Conceptualizing and Measuring Ethnicity // Ethnic Diversity and Economic Instability in Africa: Policies for Harmonious Development. JICA Research Institute, 2010. № 9. 44 p.
- Eriksen 2002 – Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. Pluto Press, 2002.

- Gil-White* 1999 – Gil-White F. How thick is blood? The plot thickens... : if ethnic actors are primordialists, what remains of the circumstantialist/primordialist controversy? // *Ethnic and Racial Studies*, 1999. Vol. 22. № 5. Pp. 789–820.
- Fearon, Laitin* 2000 – *Fearon J. and Laitin D.* Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity // Paper presented at the second Laboratory in Comparative Ethnic Processes Meeting. Philadelphia, 2000. Интернет ресурс: <http://www.duke.edu/web/licep/2/fearon/fearon-laitin.pdf>. Дата обращения: декабрь 2014.
- Isajiw* 1992 – *Isajiw W.* Definition and Dimensions of Ethnicity: A Theoretical Framework // Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity. Ottawa, 1992.
- Nagel* 1994 – *Nagel J.* Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture // *Social Problems*, 1994. Vol. 41. № 1. Pp. 152–176.
- Phinney* 2003 – *Phinney J.* Ethnic identity and acculturation // K. Chun, P. B. Organista, & G. Marin (Eds.). *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research*. Washington, 2003. Pp. 63–81.
- Roberts* 2010 – *Roberts S.* What's Ethnicity Got to Do With It? Healing the Wounds of Uzbek-Kyrgyz Violence in the Ferghana Valley // *PONARS Policy Memo*, 2010. № 106. 6 p.
- Ruane, Todd* 2004 – *Ruane J. and Todd J.* The roots of intense ethnic conflict may not in fact be ethnic: categories, communities and path dependence // *European Journal of Sociology*, 2004. 45. 2. Pp. 1–22.
- Trimble, Dickson* 2005 – *Trimble J., Dickson R.* Ethnic Identity // C.B. Fisher & Lerner, R. M. (Eds.). *Applied developmental science: An encyclopedia of research, policies, and programs*. Vol. I. Thousand Oaks: Sage, 2005. Pp. 415–420.
- Yang* 2000 – *Yang Ph.* *Ethnic Studies: Issues and Approaches*. State University of New York Press, 2000.
- Vale* 2000 – *Vale de Almeida M.* «Instrumental Primordialism»? The Politics of Representation among a Black Cultural Group in a Town of Bahia, Brazil // *Rethinking primordialisms: kinship, religion and ethnicity in the formation of modern nationalism*. 6-th Biennial EASA Conference. Krakow, 2000. 21 p.

Khan V.S. On Antinomies and Contemporary Conflicts within Ethnology.

This article analyzes conflicting methodological approaches in contemporary ethnology (primordialism vs. instrumentalism / constructivism, and «theory of ethnos» vs. «theories of ethnicity»). The author holds that these confrontations reflect a deeper opposition, between objectivist and subjectivist paradigms. Employing history and scientific methodology, the conflict between these opposing paradigms in ethnology is defined as an antinomy. The article proposes a solution to unify these opposites.

Key words: *antinomy, objectivist and subjectivist paradigms, ethnos and ethnicity, dichotomic thought, borders of the ethnology's subject-matter, synthesis of opposite definitions, empirical and theoretical levels of cognition, construction of scientific theory.*

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

© А.А. Зубов

ИНДЕКС ДИСКРИМИНАТИВНОЙ СПОСОБНОСТИ ПРИЗНАКОВ (IDC) В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ОДОНТОЛОГИИ¹

Индекс IDC (Index of discriminative capacity) характеризует таксономическую дифференцирующую «мощность» каждого признака, давая тем самым объективную количественную характеристику его ценности для сравнительного анализа. В данном случае речь идет об использовании данного индекса в популяционной (этнической) одонтологической.

Ключевые слова: таксономическая ценность признака, индекс, дискриминативная способность, популяционная одонтология, синодонтный комплекс, сундадонтный комплекс, большие расовые стволы.

Основной задачей данной работы является анализ таксономической ценности одонтологических признаков, входящих в программы популяционной одонтологии в США, России, Японии. Источником используемых цифровых данных мы избрали две обобщающие публикации: 1) А.А. Зубов, Н.И. Халдеева: Одонтология в современной антропологии (Зубов, Халдеева 1989) и 2) J.D. Irish: Ancestral dental traits in recent Sub-Saharan Africans and the origins of modern humans (Irish 1998). Обе работы содержат большой объем данных по различным популяциям мира, что дает возможность выделить мировой максимум и мировой минимум частот каждого признака и определить эмпирический размах его изменчивости в современных человеческих популяциях. J.D. Irish суммировал мировые данные по одонтологии и разделил их на 4 региональные общности, соответствующие 4 морфологическим комплексам: 1. Северная Африка; 2. Африка южнее Сахары; 3. Европа; 4. Северная и Восточная Азия (синодонтный комплекс); Южная и Юго-Восточная Азия (сундадонтный комплекс). Приведены средние процентные частоты многих признаков. Для нашего исследования взяты максимальные и минимальные частоты признаков, выраженные в **радианах**, что особенно важно для того, чтобы унифицировать масштаб различий в разных участках распределения (т.е. сделать равноценными показатели частот, независимо от их положения в распределении).

Индекс вычисляется по формуле:

$$IDC = (\Phi_{\max} - \Phi_{\min}) : \Phi_{\max}.$$

Максимальные и минимальные величины могут оказаться в любой из взятых общностей, так что в целом анализ производится в мировом масштабе. В дальнейшем предполагается провести такой же анализ на уровне больших расовых стволов.

Ниже приводятся результаты исследования (табл. 1), причем для характеристики признаков даются два показателя: мировой размах изменчивости (%) каждого признака и индекс IDC.

¹Зубов Александр Александрович – (1934 – 2013), д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки РФ.

Таблица № 1*

Признак	Мировой размах межпопуляционной изменчивости (%)		Индекс IDC
	min	max	
Лопатообразная форма верхних резцов I ¹	0,3	91,4	1,00
Лопатообразная форма верхних резцов I ^{1*}	17,0	98,8	0,71
Двойная лопатообразность I ¹ *	1,1	71,0	0,98
M ₂ 4 бугорка*	7,9	66,4	0,70
M ₂ 4 бугорка	9,5	94,4	0,78
M ₁ 6 бугорков*	7,7	47,8	0,60
M ₁ 4 бугорка	0,7	20,5	0,82
M ₁ 6 бугорков	0,9	35,2	0,85
Коленчатая складка Med	3,3	42,4	0,74
Коленчатая складка Med*	24,7	70,7	0,48
Дистальный гребень тригониды M ₁	0,6	39,0	0,59
Tam ₁ M ₁	1,2	24,1	0,71
Tam ₁ M ₁ *	7,4	38,5	0,59
Бугорок Карабелли M ¹	3,4	69,6	0,81
Бугорок Карабелли M ^{1*}	30,6	54,7	0,30
Редукция гипоконуса M ²	80,0	23,0	0,55
Затек эмали, M ^{2*}	68,5	6,8	0,73
«Бушменский клык» *	18,1	1,2	0,66
P ¹ – 2 корня*	58,9	12,2	0,59
M ₁ – 3 корня*	13,8	0,8	0,76
Доп. дист. гребень ниж. клыка*	73,9	34,9	0,39
«Cusp 5» , M ^{1*}	32,8	13,7	0,38
Tuberculum dentale, I ^{1*}	64,2	38,1	0,28
Одонтома, P ^{1-2*}	4,6	0,2	0,21
Протостилид, M ₁ *	34,7	20,0	0,26
Эпикристид*	1,3	8,6	0,62
Winging*	6,6	41,4	0,63
2 med (II) M ₁	4,0	47,7	0,74
1pa (3)	3,7	73,7	0,81
Краудинг I ²	2,9	36,5	0,74
Диастема I ¹ – I ¹	2,8	33,7	0,73

Примечание: * – признаки, частоты которых взяты из работы J.D. Irish.

Выводы

Индекс IDC обнаруживает широкий спектр вариаций – от 0,2 до 1,0. Наиболее высокие его значения связаны с известными таксономическими признаками глобального уровня, которые можно объединить в группу I (значения индекса от 0,80 до 1,0). Это – лопатообразная форма верхних резцов, включая двойную лопатообразность, показатели редукции нижних моляров (M_1 6, M_1 4, M_2 4), бугорок Карабелли и одонтоглифический признак 1ra(3) M^1 . Это – т.н «надрасовые» критерии, связанные с разделением человеческого рода на западную и восточную половины по одонтологическим признакам.

Во вторую группу (индекс от 0,70 до 0,80) вошли признаки, дифференцирующие большие внутривидовые подразделения человечества в пределах основных «стволов»: коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре, tam_1 M_1 , затек эмали на втором верхнем и нижнем молярах, одонтоглифический признак 2 med (II), третий дополнительный корень на первом нижнем моляре, в известной степени также – краудинг и диастема.

Третья группа (0,50–0,70) сформирована показателями, которые от случая к случаю могут приобретать важное значение в конкретных случаях одонтологического анализа групп. Так, дистальный гребень тригонида имеет существенное значение при исследовании современного и древнего населения, относящегося к южному грацильному одонтологическому типу, а эпикристид оказался весьма полезным для оценки африканской примеси в южных европеоидных группах. Признак редукции гипоконуса нестабилен, часто обнаруживает неопределенную изменчивость. «Бушменский клык» и winging пока мало изучены, как и число корней верхних премоляров, хотя этот последний критерий, возможно, имеет неплохие перспективы. Вместе с тем проведенный нами анализ пока дает довольно низкое значение индекса дискриминативной способности.

Признаки, входящие в четвертую группу (дополнительный дистальный гребень нижнего клыка, «пятый бугорок» верхних моляров, *tuberculum dentale*, «одонтома») недостаточно изучены и подлежат дальнейшему исследованию. Протостилид «на заре» развития популяционной одонтологии рассматривался как диагностический признак «восточного» характера, но со временем исследователи в нем разочаровались и часто даже не включают в программы. Не зря этот признак показал одно из самых низких значений рассматриваемого индекса.

Исследование показало, что результат может в значительной мере зависеть от исходной базы данных. Отсюда – различия у разных исследователей. Так, относительно низкий (для первой группы) индекс в американском варианте оценки лопатообразной формы резцов связан с недостаточным числом взятых авторами европеоидных групп, в результате чего минимальное значение частоты этого признака оказалось явно завышенным для «западного ствола» (17%, в то время как в европейских группах на большом материале показано, что обычно речь идет всего о нескольких процентах).

Очередной задачей исследования описанного индекса должно быть его применение к таксономически более ограниченному материалу (в пределах одного региона с менее полиморфным населением). Это приблизило бы метод к более практическим задачам.

Примечания

- ¹ Эта статья является последней работой А.А. Зубова. Он давно продумывал идею подобного дифференцирующего критерия. Она не закончена, но даже в таком варианте представляет актуальный рабочий инструмент для одонтологического анализа.

Литература

Зубов, Халдеева 1989 – Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 232 с.

Irish 1998 – Irish J.D. Ancestral dental traits in recent Sub-Saharan Africans and the origins of modern humans // J. Hum. Evol, 1998. Vol. 34. P. 81–98.

Zubov A.A. Index of Discriminative Capacity in dental Anthropology.

Index of discriminative capacity (IDC) characterizes the «capacity» of each dental trait for taxonomy differentiation. Thus it provides an objective quantitative estimator of the value of each dental trait for comparative analysis.

In this case we are talking about the use of this index in the population (ethnic) dental anthropology.

Key words: *taxonomic value of morphological traits, index, discriminative capacity, population dental anthropology, sinodonty, sundadonty, great races differentiation.*

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОРДВЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Изучение антропологических особенностей мордовского народа представляет немалый научный интерес, поскольку до настоящего времени продолжаются дискуссии по вопросу о происхождении мордвы. В настоящей статье предпринимается попытка обобщить наблюдения исследователей дореволюционного времени. Были рассмотрены как подлинно научные работы (некоторые из них можно уверенно назвать фундаментальными), принадлежавшие перу профессиональных исследователей-антропологов, таких как С.М. Чугунов, В.Н. Майнов и др., так и небольшие, беглые заметки, сделанные, так сказать, на любительском уровне (к примеру, отрывки из работ П.С. Палласа, И.Н. Смирнова и др.). Выводы, к которым приходят авторы статьи можно свести к следующему: во-первых, в конце XIX века изучение антропологических особенностей мордвы выходит на профессиональный научный уровень, во-вторых, наблюдается определенная неравномерность в изучении мордвы, а именно, эрзя изучается более пристально и внимательно, чем мокша.

Ключевые слова: антропология, мордва, этнос, малая раса.

В условиях Восточноевропейской равнины практически нигде нет резко очерченной границы между лесом и степью, напротив они всегда отделены друг от друга более или менее широкой полосой лесостепи, для которой свойственно чересполосное расположение открытых и залесенных пространств. Именно на этой территории происходило интенсивное взаимодействие с различным хозяйственным укладом и с различной культурой. Это взаимодействие и взаимопроникновение не могло не отражаться на этнической и антропологической карте Восточной Европы. Большой интерес представляет отрезок лесостепной полосы, объединяющий Верхнее и часть Среднего Посурья, Примокшанье, а также пространство Сурско-Мокшанской водораздельной гряды, в частности потому, что именно здесь происходило становление мордвы как особого этноса. Если спроецировать территориальные рамки изучения на современную карту административно-территориального деления, то в сферу изучения попадет большая часть Пензенской области, за исключением степных юго-западных районов, вся территория Республики Мордовии, часть Нижегородской, Ульяновской и Самарской областей. Здесь мы ограничимся рассмотрением только дореволюционных исследований, как профессиональных, так и любительских.

В XVIII – середине XIX века большинство описаний антропологических особенностей мордвы представляло собой только беглые и, часто, небрежные заметки, прилагающиеся к географическому или этнографическому очерку. В качестве примера можно назвать несколько упоминаний о внешнем виде мордвы у академика

Иконников Дмитрий Сергеевич – к.и.н., заведующий Антропологической лабораторией Медицинского института Пензенского государственного университета. Эл. почта: ikonnikof-ds@mail.ru.

Калмина Ольга Анатольевна – к.м.н., доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (МИ ПГУ). Эл. почта: okalmina@gmail.com.

П.С. Палласа в его знаменитом «Путешествии...». Так он замечает по поводу облика мордвы-эрзи: «Мордвинцы... почти ни в чем не разнятся от Российского народа» (Паллас 1773: 81), показывая этим отсутствие резких различий не только в образе жизни и обычаях, но и в антропологическом типе. Описывая мордву-мокшу, академик отмечает: «Светлорусых и рыжеволосых у них меньше, нежели у Ерзанцов; однако и сии по большей части имеют темнорусые волосы. Женский у них пол, так как и у Ерзанцов, редко попадаетея красивого лица; но напротив того весьма трудолюбив» (Паллас 1773: 112). Еще раз путешественник вспоминает облик мордвы, когда сталкивается с чувашами, которые, по его мнению, внешне являются ее полной противоположностью: «Черты лица у Чуваш показывают великое смешение с Татарскою кровию. Между ими не видно светло-русых и рыжих, но все так, как Татара, черноволосые. Женский пол по большей части лицом нарочито пригож и гораздо опрятнее Мордвинского женского пола» (Паллас 1773: 137). В целом, наблюдения П.С. Палласа можно свести к двум следующим моментам: 1) внешне мордва не слишком сильно отличается от русского европеоидного населения Восточной Европы, 2) мордва-мокша имеет в среднем более темную пигментацию волос, чем мордва-эрзя. Оба замечания вполне соответствуют действительности.

Еще одна заметка антропологического характера принадлежала подполковнику Стально, составлявшему описание Пензенской губернии для свода работ «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба» (Сталь 1867). В книге есть этнографический очерк мордвы и несколько слов о ее внешнем облике: «В отношении наружности, вообще говоря, этот народ [мордва-мокша] не красив: волосы большею частию русые и прямые, бороды редкие, лица худощавые, скулы выдающиеся, и зубы белы и свежи; телосложение мордвы выражает силу и крепость, рост у них средний» (Сталь 1867: 246). По поводу внешних различий между эрзей и мокшей тот же исследователь пишет: «Единственным различием между отраслями то, что эрзя имеет более светлые, даже красноватые волосы и сохраняет более финский тип» (Сталь 1867: 235). Что именно подполковник понимал под «финским типом» не вполне ясно, что касается наблюдений по поводу пигментации волос у разных мордовских племен, то в этом Сталь полностью повторяет то, что было сказано по этому поводу академиком П.С. Палласом. Но если П.С. Паллас противопоставлял мордву чувашам и татарам, как население, резко отличающееся друг от друга внешне, то Сталь утверждает, что «Оба племени [мокша и эрзя] как в физическом, так и в нравственном отношениях, имеют много общего с соседственными племенами: чувашами, черемисами, татарами; влияние последних легко объясняется тем, что мордва долгое время находилась с ними в беспрестанных сношениях» (Сталь 1867: 235). Правда, это противоречие нельзя считать принципиальным, поскольку оба исследователя не проводили четкой границы между физическими и этнографическими характеристиками населения, и, говоря о сходстве или различии между представителям разных народов, вполне могли иметь в виду как особенности строения черепа, так и характерные черты быта и т.д.

Нельзя не упомянуть о кратком описании физического типа мордвы, данного И.Н. Смирновым в его фундаментальной монографии «Мордва» (Смирнов 1895). Большая часть работы посвящена этнографическим данным. Далее полностью приводим антропологический очерк из этой работы: «Что касается отличия Эрзи от Мокши, то оно выражается в физическом типе и ряде особенностей внешнего и внутреннего быта.

«Присматриваясь к мокшанской толпе, наблюдатель скоро заметит, что она представляет большее разнообразие типов сравнительно с эрзянской. Рядом с белокурами, сероглазыми обладающими светлой кожей особями, из которых состоит эрзянская толпа, мы встречаем здесь значительное, едва ли не преобладающее, количество особей, обладающих черными волосами и глазами, смуглым, желтоватым цветом кожи. Лица представляют такое же разнообразие, как и окраска кожи и волос. Мокша в большей части случаев, как и Эрзя, обладает круглым лицом, но строение его иное, чем у Эрзи. Не решаясь характеризовать это различие в терминах анатомо-антропологических, мы отметим только, что мокшанские круглые лица приближаются по типу к татарским и чувашским. Среди преобладающей массы круглых лиц у Мокши, встречаются овальные лица, с тонким правильно очерченным носом. Особи, обладающие такими лицами, имеют большие черные глаза, желтоватую кожу и черные волосы.

«При одинаково высоком росте Мокша, насколько позволяют об этом судить наши наблюдения, отличается большей массивностью сложения и вытекающей отсюда неповоротливостью. Не обладая грацией и изяществом движений, мокшанские женщины и девушки проявляют в походке, в говоре, в жестах самоуверенную силу и энергию. Прямой, несколько откинутый назад стан, тяжелые размашистые движения, громкая речь с несколько хрипылыми нотами – вот черты, которые наблюдатель отмечает в мокшанской толпе» (*Смирнов 1895: 115–116*). И.Н. Смирнов не ставил своей целью изучить антропологические особенности мордвы. Он, вслед за П.С. Палласом, отмечает различия между мокшей и эрзей в пигментации кожи, волос и глаз, а также отмечает различия в строении лица.

Замечания академика П.С. Палласа, подполковника Сталья и профессора И.Н. Смирнова, сделаны непрофессионально, основываются на малом количестве несистематических наблюдений и имеют в настоящее время, только историографическое значение.

В 1870–1880-е годы появляются первые научные, профессионально выполненные работы по антропологии мордвы. Прежде всего, следует отметить работу Н.М. Малиева «Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа» (*Малиев 1878*), которая была основана на его собственных научных наблюдениях и измерениях. По поводу этнического состава мордвы Н.М. Малиев писал: «В Самарской губернии встречаются преимущественно Эрзяне, – попадаются и мокшане, но мало. Других разновидностей мордовского племени, или считаемых за таковые, «Терюхан» и «Каратаев» я не встречал» (*Малиев 1878: 4*). В ходе исследования было измерено 20 мужчин (*Малиев 1878: 12*) и собраны данные о числе детей у 30 мордовских женщин (*Малиев 1878: 9*).

Большой интерес представляет замечание Н.М. Малиева о различиях в физическом типе между мокшей и эрзей. Если П.С. Паллас и Сталь говорили о сравнительно светлой пигментации кожи, волос и глаз у эрзи, то Н.М. Малиев, напротив, пишет: «между мокшей более субъектов с белой кожей, с светлыми или рыжими волосами и голубыми глазами... Эрзяне же имеют более темного цвета кожу, темные волосы, большие бороды» (*Малиев 1878: 7*). Это замечание исследователя вызывает сомнения. Неточность можно объяснить небольшим числом изученных индивидов.

Кроме того, в своей работе Н.М. Малиев кратко охарактеризовал особенности телосложения, строения лица и черепа мордвы. Исследователь замечает: «Мордва народ крепкий, здоровый, широкоплечий, с сильно развитой костной и мышечной

системой. Положение это вполне подтверждается как непосредственным осмотром значительного числа лиц мордовского племени, так и собранными мною данными об отношении груди к росту тела» (Малиев 1878: 7). Н.М. Малиев подтверждает свои слова о крепости и физической выносливости мордвы тем, что здоровье рекрутов, которые поставляются мордвой, нередко превосходит здоровье русских рекрутов (Малиев 1878: 7). В другом месте исследователь отмечает сравнительную коротконогость некоторых представителей мордвы, измеренных им: «При измерении роста тела и определении, где находится половина, я нашел, что точка разделяющая рост тела пополам несколько варьирует, находясь то посередине *Simphisis pubis*, то ниже у бифуркации, у корня члена, – тот против верхнего края лонного сращения» (Малиев 1878: 8). Такая особенность телосложения, по мнению исследователя, составляет «исключительную принадлежность монгольской расы» (Малиев 1878: 8). По поводу длины тела Н.М. Малиев замечает: «Рост народа вообще средний, – много и высоких, – но преобладающее большинство не выходит из уровня обыкновенного среднего роста взрослого мужчины – (170 см), не достигая его на 35 мм» (Малиев 1878: 8), то есть, средний рост Самарской мордвы составляет 166,5 см (170 – 3,5 см) (Малиев 1878: 8, 12). Вообще-то, как в дальнейшем показали исследования Д.Н. Анучина (Анучин 1889) такой средний рост у населения Восточной Европы следует считать достаточно высоким. Это обстоятельство показывает то, какую нехватку в сопоставительном материале испытывал Н.М. Малиев.

Говоря об особенностях строения лица самарской мордвы, Н.М. Малиев ограничился только описательными характеристиками, хотя в «Записном листе» у него присутствуют некоторые метрические признаки: «Общее очертание лица, при рассматривании спереди, представляется плоским, широким, – скуловые кости умеренно выдаются. Глаза – средние или небольшие серого или карего цвета, нос прямой, большой и широкий. При рассматривании в профиль челюсти мало выдаются вперед, и прогнатизм как челюстной, так и зубной незначителен. Растительность на голове – борода, усы – обильна; однако сильно волосатых на всем теле мне не встречалось» (Малиев 1878: 8). Характеристика мозговой коробки осуществлялась на основе нескольких измерений. Н.М. Малиев считал самарскую мордву большеголовой (по величине окружности черепа), брахикранной (величина черепного указателя 81,5) и короткоголовой («длина черепа», под которой исследователь явно понимал продольный диаметр мозговой коробки, измеренный на живых людях, составлял 187,1 мм) (Малиев 1878: 9, 12).

В целом, работа Н.М. Малиева производит впечатление какой-то незавершенности и поверхностности, к тому же она тяжела для прочтения со стилистической точки зрения. Однако работа представляет научный интерес, так как ее автор принял одну из первых попыток научно охарактеризовать особенности антропологического типа мордвы.

Другая работа «Результаты антропологической экспедиции к Мордве Симбирской губернии в 1880 г.» была подготовлена С.М. Чугуновым (Чугунов 1882). Она выполнена на более высоком научном уровне, чем работа Н.М. Малиева. На наш взгляд, это не только заслуга С.М. Чугунова, но и показатель того, что русская антропология всего за четыре года сделала большой шаг вперед, чему способствовало издание «Антропологических таблиц» (Брока 1879) и знаменитая Московская Антропологическая выставка 1879 года.

Большим преимуществом работы С.М. Чугунова было то, что он изучал не только живых людей, но и собрал небольшую коллекцию мордовских черепов и скелетов (Чугунов 1882: 3–5). В целом материал «по изучению эрзи состоит из трех мужских и одного женского скелетов, шести черепов с тазами, найденных при раскопках могил... и, наконец, из таблиц антропометрических измерений 12 мужчин и 11 женщин. Материал по изучению мокши состоит из пяти черепов с тазами... добытых при раскопках кладбищ» (Чугунов 1882: 5).

Большая часть работы С.М. Чугунова состоит из подробного описания раскопочных работ и индивидуальных измерений, осуществленных по довольно широкой программе для своего времени (Чугунов 1882: 6–28). Измерение костяков, полученных при раскопках, и живых людей позволило исследователю сделать ряд выводов. Так, эрзе С.М. Чугунов приписывал рост ниже среднего, причем разница между средним ростом мужчин и средним ростом женщин составляла 9,5 см (Чугунов 1882: 29), тогда как «У мокшан, к сожалению, отношение роста между полами вывести нельзя за недостатком материала; но вообще можно видеть из средних цифр роста и длины костей конечностей, что мокшане ростом ниже эрзян» (Чугунов 1882: 29–30).

На основе измерений черепов мокши и эрзи, С.М. Чугунов сделал попытку реконструировать динамику изменения особенностей черепа у мордвы: «Общим признаком мордвы обеих разновидностей является крупный череп, широкое лицо и наклонность у женщин к альвеолярному прогнатизму. В остальном обе разновидности представляют как бы уклонение от первоначального типа: эрзя в сторону уменьшения величины черепа, уменьшения брахицефалии, ширины лица и высоты глазницы, мокша – в сторону удлинения лица и носа и увеличения высоты глазницы. На основании этих соображений, первоначальный тип черепа мордвы гипотетически мы представляем в таком виде: череп большой, в высокой степени круглый и низкий, с широким лицом, широким носом, большим глазничным указателем, с выраженным челюстным и особенно альвеолярным прогнатизмом. Если мы этому прибавим выраженное у мокшан слабое развитие надбровных дуг и носовые выемки, значительный межглазничный промежуток, то, с одной стороны, в описанном нами гипотетически первобытном черепе мордвы мы находим ясно выраженные черты желтых монгольских рас, а, с другой стороны, на мокшанские черепа мы должны смотреть как на ближайшее производное этих рас; другими словами, черепа мокшан мы ставим гораздо ближе к их первобытному типу, чем черепа эрзян» (Чугунов 1882: 32–33). Часть выводов, которые сделал С.М. Чугунов в приведенном отрывке, весьма спорны, но нельзя не отдать должное исследователю как эрудиту. Он предпринял попытку не только описать особенности черепа, но и проследить динамику их изменений.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что С.М. Чугунов отмечает тенденцию к «удлинению лица» у мордвы-мокши. Примечательно то, что о сходной тенденции у мокши говорил и И.Н. Смирнов, отмечавший, что у мокши чаще, чем у эрзи встречается удлинённый овал лица, который он противопоставлял более типичному для мордвы-эрзи округлому лицу.

Кроме того, С.М. Чугунов весьма точно отметил наличие монголоидной примеси у мордвы-мокши. Правда, неверны два замечания исследователя. Во-первых, он считал, что мокша более брахикранна, чем эрзя, тогда как дальнейшие исследователи, уже в советское время показали, что эрзя мезобрахикранна, а мокша мезокранна (Алексеев 1969: 120). Во-вторых, С.М. Чугунов считал первоначальным, исходным

типом для мордвы брахикранию, тогда как средневековые мордовские черепа скорее долихокранны (Алексеев 1969: табл. 38). Но эти ошибки были почти неизбежны в тот период исследовательской работы, поскольку в распоряжении исследователей еще не было значительного числа средневековых мордовских черепов, а число измерений на живых людях и на современных черепах были немногочисленны. Пожалуй, исследование С.М. Чугунова является почти образцовым для своего времени.

Отдельно следует сказать о работе В.Н. Майнова «Результаты антропологических исследований среди Мордвы-Эрзи», вышедшей отдельной книгой в Петербурге в 1883 году. Эта фундаментальная работа отчасти актуальна и по сей день. Она была основана на измерениях 510 человек, проживавших на территории Нижегородского, Княгининского, Арзамасского и Ардатовского уездов Нижегородской губернии, Саранского и Городищенского уездов Пензенской губернии, Корсунского и Ардатовского уездов Симбирской губернии и Самарского и Ставропольского уездов Самарской губернии.

В первой части монографии В.Н. Майнова «Общие характеристические черты и морфологические наблюдения» проходил поиск общих черт, которые могли бы объединить мордву-эрзя, проживавшую в различных уездах четырех губерний. Вопрос о географическом распределении тех или иных признаков ставится в этом разделе весьма редко. Напротив, во втором разделе «Антропометрия» исследователь пристально сосредотачивается на особенностях локальных вариантов. В.Н. Майнов, при этом, не просто констатирует факты локальных отличий, но и стремится дать им объяснение. Главным обстоятельством, которое оказывало влияние на изменение местных антропологических типов, В.Н. Майнов считал «обрусение», которое отчасти понимал как приобщение мордвы к культуре и образу жизни русского народа, отчасти, как смешение. В целом, термин «обрусение» трактуется у В.Н. Майнова несколько туманно. Однако, не смотря на это, выводы, которые делает В.Н. Майнов из собранных им данных, весьма интересны, хотя и не всегда бесспорны. В.Н. Майнов не сопоставляет мордву с русским населением. У него в распоряжении вообще не оказывается данных об антропометрических особенностях великороссов. «Русские» черты у мордвы исследователь улавливает путем сопоставления метрических и статистических данных, полученных в «чисто» мордовских уездах и в уездах, подвергнувшихся русификации.

В начале работы исследователь приводит ряд демографических наблюдений (Майнов 1883: 85–89), от которых переходит к характеристике телосложения эрзи. В.Н. Майнов отмечает, что «Эрзя далеко не отличается русскою дебелостью и восточною одутловатостью», и что преобладает худощавое телосложение (Майнов 1883: 89). Рост эрзи определяется как сравнительно устойчивый показатель (1646,9 мм для мужчин и 1553,5 мм для женщин), причем среди финно-угорских народов, эрзя выделяется сравнительно высоким ростом (Майнов 1883: 97). Исследователь обратил внимание на пигментацию кожи, волос и глаз эрзи, отмечая, что «Эрзя по окраске кожи вовсе не отличается от европейских народов и даже по белизне ее превосходит весьма многие более южные племена, на окраску кожи которых влияла в течение долгих веков окружающая среда» (Майнов 1883: 98).

Мужчины эрзи оказывались более темноволосыми, чем женщины. Кроме того, к первой категории (более темной) В.Н. Майнов отнес не менее 86% мужчин-эрзян и только около 70% женщин (Майнов 1883: 105). Кроме того, он отметил: «... мы оста-

навливаемся перед чрезвычайно интересным фактом полного отсутствия среди Эрзи волос красноватого оттенка, т.е. того, что принято обыкновенно называть «рыжими» волосами» (Майнов 1883: 86). Степень «густоты» волос у мордвы-эрзи В.Н. Майнов оценил как среднюю (Майнов 1883: 107), 89,03% обследованных характеризуется «гладкими» (прямыми) волосами (Майнов 1883: 108–109). Кроме того, исследователь констатировал малобородость эрзи и крайне слабое развитие волос на груди у мужчин (Майнов 1883: 115, 122).

В целом В.Н. Майнов отмечает преобладание светлых оттенков радужины глаз, среди женщин часто встречаются индивиды с карими глазами (Майнов 1883: 124), тогда как доля индивидов с зелеными глазами в мужской и женской серии приблизительно одинаковы (Майнов 1883: 124). Отмечено было также характерное строение разреза глаз: «... везде в менее обруселых уездах встречается максимум раскосости, причем особенно резко отличаются ею женщины» (Майнов 1883: 125). Правда, при этом степень выраженности этого признака нельзя назвать устойчивой (Майнов 1883: 126).

«Мордва Эрзя обладает прямо расположенною прорезью рта» (Майнов 1883: 126). Толщина губ средняя (Майнов 1883: 127), с наклоном к «малоротости» (Майнов 1883: 129). В.Н. Майнов отмечает сравнительно большую ширину носа у мордвы (Майнов 1883: 135), «Носы почти безразлично заявляются у Эрзи прямыми и курносими, и только среди женщин замечается значительное преобладание курносых субъектов» (Майнов 1883: 135). «Глубина переносичной выемки» малая, местами исследователь отмечает тенденцию к полному ее отсутствию (Майнов 1883: 136–137). Степень развития надбровья «малая до полного отсутствия» (Майнов 1883: 137). «Огромное большинство Эрзян, мужчин и женщин, заявили... плоским лбом, причем женщины даже дали против мужчин больший процент плосколобых» (Майнов 1883: 139).

В.Н. Майнов отметил, что «Больше всего встречаются среди Эрзи овальные лица» (Майнов 1883: 140), что преобладающими формами подбородка являются заостренный и округлый (Майнов 1883: 139–140), и что «Эрзя обладает по преимуществу малыми и притом несколько отвороченными от птериона ушами» (Майнов 1883: 142). Из характерных черт строения тела исследователь констатировал сравнительно малую величину кистей рук и стоп ног (Майнов 1883: 144, 145), и сравнительно небольшую массу тела (Майнов 1883: 147).

«Череп Эрзи не представляется особенно длинным», но, при этом «... наибольший переднезадний диаметр оказался или в чисто мордовских... уездах, а наименьший в тех, которые успели подвергнуться некоторому обрусительному влиянию» (Майнов 1883: 150, 152). То же можно сказать и о диаметре черепа до инииона (Майнов 1883: 155–156). «Череп Эрзи сравнительно очень широк» (Майнов 1883: 158). По этой величине эрзя занимает одно из первых мест среди финноязычных народов (Майнов 1883: 163). Кроме «теменного» широтного диаметра черепа, В.Н. Майновым измеряется «височный». Исследователь отмечает заметный половой диморфизм по этой величине: «череп у Эрзянок более сдавлен в висках, т.е. вернее на сфероидальной кости в области птериона» (Майнов 1883: 166). Кроме этих величин исследователь измерял и так называемый «надушный» диаметр, отметив, что у мужчин: «... в наиболее обруселых трех уездах и замечается наибольший средний ушной диаметр» (Майнов 1883: 172, 174). «Затылочно-лобная кривая» оказалась сравнительно постоянной величиной (Майнов 1883: 211, 213). Исследователем были измерены также

«горизонтальная кривая» (окружность головы) и ее передняя часть. Эти показатели у эрзи не дали правильного географического распределения (Майнов 1883: 221, 223, 227, 229). Измерена была также «обоюдоушная кривая» (Майнов 1883: 230), причем у женщин «чисто мордовские уезды дали средние, превышающие общую среднюю» (Майнов 1883: 234). Измерены были также инионоушная, инионобрегматическая, инионопереносичная и инионоподбородочная хорды, которые дали правильное географическое распределение: наблюдалось увеличение инионоушной хорды у женщин в уездах, менее других затронутых процессом русификации (Майнов 1883: 240), противоположная закономерность наметилась для женской части населения при измерении инионобрегматической хорды (Майнов 1883: 245). В.Н. Майнов отмечает относительно большую величину измерений инионопереносичной и инионоподбородочной хорд, характерную как для мужчин, так и для женщин в «чистых» мордовских уездах (Майнов 1883: 248, 250, 252, 253, 255). Большой интерес исследователя вызвало географическое распределение наименьшей ширины лба по уездам: «бросается в глаза то обстоятельство, что ширина лба <...> уменьшается по мере вступления нашего в уезды, не подвергшиеся еще русификации» (Майнов 1883: 206).

По высотно-продольному и высотно-поперечному указателям, по мнению В.Н. Майнова, «Мордву-Эрзю вовсе не следует считать высокоголовую» (Майнов 1883: 196, 198, 201, 203). По головному индексу: «Эрзя сохранила свой типический брахицефализм» (Майнов 1883: 188), однако такая закономерность характерна только для мужчин (Майнов 1883: 189).

Большинство размеров, которые В.Н. Майнов использует для характеристики лицевого скелета, уже вышли из употребления. Исследователем была измерена ширина скул, и отмечено, что «... наибольшая ширина скул есть отличительный признак чистоты эрзянского типа» (Майнов 1883: 351). Географическую закономерность обнаружил так называемый скульный индекс: «...постепенное усиление этого индекса соразмерно со степенью обруселости» (Майнов 1883: 362, 361). Исследователь связывал это с влиянием «монгольского типа» (Майнов 1883: 363).

Измерения расстояния от подбородка до гониона привели исследователя к выводу, что «... длинная передняя часть нижней челюсти составляет отличительный антропологический признак эрзянского типа» (Майнов 1883: 367–368). Исследователем была измерена также угловая ширина челюсти, т.е. прямое расстояние между гонионами. Определенный интерес вызывает наблюдение В.Н. Майнова о том, что «... типичным признаком Мордвы-Эрзи является именно большая ширина обоюдосалазочной хорды» (Майнов 1883: 372, 374). В.Н. Майнов отметил, что эрзя отличается небольшой высотой альвеолярного отростка (Майнов 1883: 291, 293). А женщины отличаются также сравнительно небольшой высотой нижней части лица (Майнов 1883: 304).

При рассмотрении расстояния между внутренними углами глаз, исследователь сделал вывод «что чистомордовский тип скорее склонен уменьшить это расстояние, нежели увеличить его» (Майнов 1883: 325, 323), что было весьма важно, поскольку в XIX веке было распространено мнение, что широкое расстояние между глазами является исключительно монголоидным признаком. В.Н. Майнов отметил также, что для мужчин эрзи в «чистомордовских» районах, характерна сравнительно большая ширина носа (Майнов 1883: 328, 330). Кроме того, исследователем была определена ширина переносья, причем «все наиболее чистокровные уезды» дали наибольшую

среднюю величину (Майнов 1883: 333, 335). На основе этих измерений были вычислены носовые индексы: покровный (отношение ширины ноздрей к общей длине носа) и костный (отношение ширины переноса к общей длине носа). Костный индекс обнаружил странное географическое распределение: у мужчин эрзи в «типичных» уездах этот индекс склонен увеличиваться, у женщин – склонен уменьшаться (Майнов 1883: 343, 345). Сложно сказать, что это статистическая случайность или следствие особенностей полового диморфизма. По крайней мере, В.Н. Майнов так и не смог объяснить это явление.

В.Н. Майнов констатировал сравнительно большую длину ноги у женщин эрзи (Майнов 1883: 463). У мужчин эрзи в «чистых» уездах наблюдалась относительно длинное плечо (Майнов 1883: 471) и локтевая кость (Майнов 1883: 477), причем у женщин «типичных» уездов длина локтевой кости в среднем меньше, чем в «обрусевших» (Майнов 1883: 479). Длина кисти, в «чистомордовских» уездах оказывается в среднем меньшей, чем в уездах, подвергнувшихся русификации (Майнов 1883: 482, 484), сравнительно малы размеры среднего пальца руки (Майнов 1883: 487, 489). Кроме того, кисть руки у мужчин эрзи сравнительно узкая (Майнов 1883: 502, 504).

По наибольшему обхвату груди у мужчин наименьшие средние размеры прослеживались в «чистомордовских уездах» (Майнов 1883: 507), у женщин, – в уездах, подвергшихся русификации (Майнов 1883: 509). По «высоте сидячего субъекта» «... наиболее типичные уезды отличаются наибольшими размерами» (Майнов 1883: 517, 519). «Бедровый обхват» у женщин эрзи «чистомордовских» уездов оказался особенно велик (Майнов 1883: 524). Правда, В.Н. Майнов воздерживается от каких-либо выводов, поскольку резкое увеличение этого размера «случилось, конечно, вследствие особенных размеров средних в Саранском и Корсунском уездах», тогда как в остальных «типичных» и «нетипичных» уездах нет таких резких различий (Майнов 1883: 524). «Плечевой обхват» был в среднем несколько больше у женщин «типичных» уездов, из чего исследователь заключил: «... плечистость является совершенно типичным для Эрзянок признаком» (Майнов 1883: 529). Кроме того, «им [эрзе] приличествуют меньшие размеры высоты шеи» (Майнов 1883: 537, 539). Кроме того, характерной чертой эрзи, по В.Н. Майнову, была сравнительно узкая и высокая грудная клетка (Майнов 1883: 552, 554).

Говоря о дореволюционном периоде в науке, нельзя не упомянуть и о работе И. Деникера «Человеческие расы» (Деникер 1902). В книге была предпринята одна из первых попыток создать расовую классификацию, опираясь исключительно на морфологические признаки. Не смотря на ряд ее недостатков, исследование было прогрессивно для своего времени. На страницах этой книги нашлось место и для финноязычной мордвы. Границей между восточными и западными финнами И. Деникер считал параллель 40° восточной долготы от Парижа, тогда как мордва обитала между 40° и 50° (Деникер 1902: 429–430), из чего видно, что мордву исследователь относил к восточным финнам, резко отличавшимся от западных по своим морфологическим особенностям: «Относительно физического типа замечается большое различие между западными и восточными финнами. Первые произошли от смешения северной и подсеверной расы с восточной и оказываются, при довольно высоком росте, среднеголовыми блондинами, тогда как вторые принадлежат большею частью к особой угорской расе, – малорослой, длинноголовой, с темными волосами и слегка монголоподобным лицом» (Деникер 1902: 431–432). Угорскую расу И. Деникер относил к так называе-

мой евразийской группе, представители которой проживали как на территории Европы, так и на территории Азии. Население, принадлежащее к этой группе, отличалось «немногими общими признаками (желтовато-белой кожей, монгольскими особенностями в смягченном виде)» (Деникер 1902: 369). Таким образом, И. Деникер отметил два важных обстоятельства: во-первых, что народы финно-угорской языковой группы подразделяются на западную и восточную группы, представители которых морфологически отличаются друг от друга, во-вторых, выделил т.н. угорскую расу, занимающую промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Название этой расе, правда, было дано И. Деникером крайне неудачно.

Следует оговориться, что И. Деникер прямо не говорит, что относит мордву к угорской расе, он только утверждает, что среди восточных финнов преобладают признаки угорской расы. Исследователь вообще старается избегать резких формулировок, когда рассуждает на эту тему (Деникер 1902: 432). По всему видно, что И. Деникер отнюдь не стремился записать мордву в число наиболее типичных представителей угорской расы. И это было вполне оправдано, поскольку дальнейшие исследования показали преобладающую роль европеоидного компонента в формировании антропологического типа мордвы (Алексеев 1969: 155).

В дальнейшем изучение антропологии мордвы продолжилось только после Великой Октябрьской революции. В целом, в дореволюционный период было подготовлено всего несколько научных работ по этой теме. При этом мордва-мокша и мордва-эрзя были изучены неравномерно: большинство исследований было посвящено эрзе. Единственной научной работой, где большое внимание было уделено мокше, была статья С.М. Чугунова «Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии» (Чугунов 1882). Другой характерной чертой исследовательской работы в тот период является сравнительно слабый интерес к костным останкам человека. В большинстве своем, научные работы по антропологии мордвы основываются на изучении морфологических особенностей живых индивидов.

Кроме того, следует отметить, что на дореволюционном этапе, в науке сравнительно редко применялся сопоставительный анализ, а приемы статистической обработки были еще несовершенны. Исключение в этом отношении, безусловно, составляет работа В.Н. Майнова «Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи» (Майнов 1883). Но и здесь автор испытывает нехватку материалов для сопоставлений. Например, он практически не располагает антропологическими данными по русскому населению, и вынужден сопоставлять данные, полученные в «типично» мордовских уездах с данными по уездам, где мордва испытала русское влияние, что всерьез подрывает доверие ко многим статистическим выкладкам В.Н. Майнова. И, все же, его книга остается самой фундаментальной работой по антропологии мордвы за весь дореволюционный период.

Особо стоит сказать о работе И. Деникера «Человеческие расы» (Деникер 1902), в которой автор предпринимает попытку систематизировать накопленные к тому времени знания по антропологии. Исследователь относит восточных финнов, к которым следует причислять и мордву, к так называемой угорской расе.

Литература

- Алексеев 1969 – Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы: краниологическое исследование. М.: Наука, 1969.
- Анучин 1879 – Анучин Д.Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1889.
- Брока 1879 – Брока П. Антропологические таблицы для краниологических и кефалометрических вычислений. М., 1879.
- Деникер 1902 – Деникер И. Человеческие расы. СПб., 1902.
- Майнов 1883 – Майнов В.Н. Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб., 1883.
- Малиев 1878 – Малиев Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа. Казань: Университетская типография, 1878.
- Паллас 1773 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. I. СПб., 1773.
- Сталь 1867 – Сталь Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Пензенская губерния. Ч. I. СПб., 1867.
- Чугунов 1880 – Чугунов С.М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. Казань, 1882.

Ikonnikov D.S. , Kalmina O.A. A brief essay on antropological study of Mordvins in the pre-revolutionary period.

The study of anthropological features of Mordva people is of great scientific interest because there is ongoing debates on the origin of Mordvins to date. In this paper an attempt is made to summarize the observations of the researchers on the subject in pre-revolutionary times. Both original fundamental scientific works of professional anthropologists, such as S.M. Chugunov, V.N. Mainov et al., and small jottings, notes at the amateur level (for example, excerpts from the works of P.S. Palas, I.N. Smirnov et al.) were considered. Authors conclusions can be summarized as follows: first, at the end of the XIX-th century the study of anthropological features of Mordvins comes to the professional scientific level, and secondly, there is an inequality in the study of Mordvins, namely, Erzya is studied more closely and carefully than Moksha.

Keywords: *anthropology, Mordvins, ethnos, small race.*

© Н.В. Харламова, Т.Ю. Шведчикова

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ИЗ РАСКОПОК У ХРАМА с. ВЕСЕЛОЕ¹

Статья посвящена описанию одонтологического материала из раскопок склепа византийского храма у с. Веселое в Имеретинской низменности Краснодарского края. Исследованный в 2010–2011 годах экспедицией Института археологии РАН в зоне строительства олимпийских объектов комплекс датируется IX–XI вв. Морфологический анализ одонтологического материала из подземного склепа храма выявил близость изученной серии (23 индивида) современным абхазам. Также рассматриваются основные зубочелюстные патологии. Дальнейшее сравнение останков из крипты с захоронениями на кладбище при храме и синхронными одонтологическими сериями, позволит уточнить представления об антропологическом облике средневекового населения Восточного Причерноморья и его истоках.

Ключевые слова: физическая антропология, одонтология, палеопатология, тафономия, Восточное Причерноморье, средневековье.

Введение

В результате охранных работ 2010–2011 года, проведенных Институтом археологии РАН (рук. работ Е.А. Армарчук, Р.А. Мимоход) в зоне строительства олимпийских объектов в восточной части Имеретинской низменности, был изучен редкий памятник византийской архитектуры IX–XI вв. Он представлял собой трехапсидную базилику с тремя притворами и подземным склепом под нартексом. Согласно конструктивным особенностям и по целому ряду признаков, памятник вписывается в ряд памятников византийского круга IX–X вв., созданных в традиции абхазской школы (Армарчук и др. 2012: 89).

Все захоронения на территории памятника можно условно поделить на три группы: погребения в пространстве храма – наосе и приделах, захоронения на кладбище у внешних стен, и коллективное погребение в подземном склепе. Само наличие склепа и его расположение под нартексом не вполне типично для изучаемого региона – аналогии мы обнаруживаем только в Константинополе (Стамбуле) и в крымском Херсонесе (Армарчук и др. 2012). Наличие подобной погребальной конструкции могло предполагать ее дальнейшее использование в качестве родовой усыпальницы. Согласно археологическим данным, наиболее вероятной датой основания храма можно считать IX – начало X века, но кладбище у стен базилики, которая, предположительно в XI веке была разрушена в резуль-

Харламова Наталья Владимировна – к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Эл. почта: natashakharlamova@iea.ras.ru.

Шведчикова Татьяна Юрьевна – к.и.н., научный сотрудник группы физической антропологии отдела теории и методики Института археологии РАН. Эл. почта: tashved@gmail.com.

тате землетрясения. В силу возможного «особого» статуса погребенных в пространстве склепа, исследование этой группы стало первоочередной задачей комплексного изучения антропологического материала. Изучение морфологии зубной системы палеоантропологической серии из склепа проводилось с целью получения представления об антропологическом облике средневекового населения Восточного Причерноморья, его истоков и оценки вклада в формирование антропологических особенностей современных народов. Основные задачи исследования – получение морфологической характеристики особенностей строения зубной системы погребенных в склепе и рассмотрение ее на фоне доступных для сравнения средневековых и современных групп с целью определения положения, занимаемого группой в одонтологической классификации. В дополнение рассматриваются основные зубочелюстные патологии.

Материал и методика

Характеризуя материал исследования, стоит отметить, что он представлял собой коллективное захоронение на общей площади 16 м² (размеры крипты 2х8 м) с включением костей мелкого рогатого скота. Анатомическая целостность скелетов была нарушена (за исключением погребения № 1, индивид 1 и части погребения № 1, индивида 2 у северной стенки сооружения, принадлежавшие, по всей видимости, тем знатым особам, для кого была построена усыпальница). Данный факт потребовал применения особого подхода к изучению серии, использования методик работы с коллективными захоронениями и первоначальной задачей стал подсчет минимального количества захороненных индивидов, что и было проделано с привлечением посткраниального скелета. Последующие действия – это распределение по полу и возрастным когортам, которое позволило провести индивидуальную идентификацию и соотнести изолированные нижние челюсти с черепами, а также изолированные зубы с соответствующими альвеолярными ячейками. В результате было определено, что в склепе содержались останки 23 индивидов, из которых 15 мужчин, 3 женщины и 3 ребенка, и двое представлены фрагментами челюстей взрослых. Были описаны морфологические особенности зубов и зафиксированы патологические и аномальные изменения зубочелюстной системы. Описание морфологии, трактовка полученных результатов проводились согласно классической одонтологической программе, разработанной А.А. Зубовым (Зубов 1968, 1974, 2006; Зубов, Халдеева 1993) и включило 21 признак. В результате были получены уникальные данные о морфологии зубной системы указанной группы населения. Стоит отметить, что широкомасштабных одонтологических исследований синхронных средневековых групп населения с территории Причерноморья проведено не было. Поэтому, в качестве сравнительного материала привлекались данные по средневековым адыгам (Кашибадзе 2006: 82) и современным народам Кавказа: армянам, абхазам, аварцам, адыгейцам, черкесам, карачаевцам, даргинцам и другим (Кашибадзе 2006: 222–269; Кочиев 1974: 114–127).

Результаты и обсуждение

Морфологическое описание одонтологической выборки. Немногочисленность изученной серии останков из склепа не позволяет оценить частоты таких диагностически значимых признаков как *краудинг* (лингвальный сдвиг верхнего латерального резца), *диастема* (промежуток между коронками медиальных резцов более 1 мм), *лопатообразная форма верхних резцов (I¹ и I²)* - развитие краевых гребней на лингваль-

ной стороне верхних резцов – маркер «восточного» одонтологического ствола, *редукция верхнего латерального резца (P^2)* – отражающая уменьшение размера режущего края латеральных резцов относительно медиальных. Известно, что встречаемость «колышкovidных форм» повышена в некоторых южно-европейских популяциях.

Основные одонтологические характеристики изучаемой серии, позволяющие составить представление об одонтологическом типе, даны в таблице 1 вместе со сравнительными данными по средневековым адыгам (Кашибадзе 2006) и современным народам Кавказа (Кочиев 1974). Перейдем к описанию.

Редукция гипоконуса на втором верхнем моляре (M^2). В признаке учитывается сумма форм 3 и 3+ коронки второго верхнего моляра по Дальбергу. Он имеет широкий диапазон межгрупповой изменчивости, для современного населения составляет порядка 0–95%. В изученной группе редукция низка (8,3%), близкие частоты встречаются у средневековых адыгов и армян Шаумянского района (11,8%).

Бугорок Карабелли на первом верхнем моляре (M^1) – сумма баллов 2-5. Несмотря на то, что вариабельность признака считается неопределенной (пики встречаемости были найдены в различных расовых группах), мировой максимум приходится на северную ветвь европеоидной расы (Зубов 2006). К востоку и югу процент встречаемости бугорка падает, а у южных европеоидов иногда сравнивается с частотами в метисных и монголоидных популяциях. Мировой размах составляет от 0 до 60%. Показатель признака в группе из склепа 36,4% близок к таковому в суммарных сериях абхазов (36,3%) и осетин (36,5%).

Форма коронки нижних моляров (M_1, M_2). Шестибугорковый первый нижний моляр, четко маркирующий «восточный» одонтологический ствол в выборке не встретился, что сближает серию с современными адыгейцами Красногвардейского района (0%). Частота четырехбугоркового первого нижнего моляра (6,3%) в выборке из склепа аналогична таковой у современных кабардинцев Красногвардейского района (6,3%). Частота четырехбугоркового второго нижнего моляра, как правило четко выделяющего европеоидные группы – 92,3%, схожие частоты – у армян Октомберянского района (с. Джанфида) – 92,1%. В целом, по числу бугорков на нижних молярах изучаемая выборка может быть отнесена к среднеевропейскому одонтологическому типу.

Коленчатая складка метаконида на M_1 , как и дистальный гребень тригонид на M_1 – признаки, маркирующие популяции «восточного» одонтологического ствола, в серии не встретились, как и у современных удин Кварельского района.

Тип борозды 2 med на первом нижнем моляре. Вариант 2 med II, являющийся западным одонтологическим критерием, не встретился ни разу.

В целом частоты расово-диагностических признаков в изученной серии из раскопок храма у с. Веселое (выборка из склепа) варьируют в пределах, свойственных среднеевропейскому одонтологическому типу. Серия характеризуется сильно редуцированными нижними молярами, низкими частотами дистального гребня тригониды, коленчатой складки метаконида, 6-бугорковых нижних моляров.

От синхронной серии средневековых адыгов выборку из склепа византийского храма отличают более редуцированные вторые нижние моляры и более слабая выраженность признаков восточного одонтологического ствола. Среди современных народов Кавказа она скорее сближается с абхазами, демонстрируя по некоторым признакам сходство с отдельными локальным выборкам армян и кабардинцев.

Таблица 1

Основные одонтологические характеристики группы с. Веселое (скелет) и сравнительные данные

Группы	1. с. Веселое	2. Адыгед, серия Ильич	3. Абхазы с. Бзыбь	4. Адыгейцы г. Майкопа	5. Черкесы с. Кошхабль	6. Карачаевцы г. Карачаевска	7. Аварцы пос. Гунноб	8. Даргинцы с. Халджалмахи								
Источник	Наст. исследование	Кашибадзе, 2006	Кочнев, 1979													
Признаки	N	%	N	%	N	%	N	%								
Редукция гипоконуса M ² (Σ3+3)	12	8,3		11,1	100	68,00	89	65,20	52	55,79	101	51,37	97	77,40	91	77,00
	Буторок Карабелли M ¹ (Σ2-5)	11		36,4	44,4	100	42,00	147	19,57	69	29,15	106	30,23	100	17,00	100
6-буторковый LM ₁		16	0,0		7,1	100	0,00	99	0,00	68	1,47	106	0,95	103	62,12	102
4-буторковый M ₁	16	6,3	22*	7,1	100	8,00	99	4,04	68	8,80	106	7,50	103	16,51	102	26,48
4-буторковый M ₂	13	92,3		76,5	100	91,00	91	93,40	40	97,50	106	89,55	99	93,93	95	90,60
Дистальный гребень тригониды (dlc) LM ₁	9	0,0		0,0	100	1,00	99	6,06	99	2,90	105	5,70	103	2,91	100	1,00
Колеччатая складка (dw) M ₁	9	0,0		12,5	100	9,00	99	15,15	69	10,10	106	7,55	99	6,06	100	5,00
2med(II) M ₁	5	0,0		25,0	89	19,10	86	29,00	69	81,00	95	79,00	85	76,50	83	77,10

* – указана общая численность серии Ильич (Адыгед, среднефеодалный период XI–XIII вв.)

Палеопатологические аспекты

Фиксация признаков патологических проявлений зубной системы погребенных проходила в комплексе с исследованием остальных патологических проявлений. Так немаловажным представляется тот факт, что 27% всех взрослых индивидов имели следы травматических повреждений. Часть из них имела характер прижизненных, часть – не несла следов заживления и являлась следствием сабельных ударов, не совместимых с жизнью. Мы не будем подробно останавливаться на этом сюжете, так как он требует отдельной публикации, но стоит оговорить, что судя по характеру нанесения ранений, мы можем предполагать единовременную гибель группы вследствие одного военного конфликта.

Что касается зубных патологий, то нам удалось встретить проявления эмалиевой гипоплазии, кариеса, пародонтоза, наличие зубного камня, прижизненной утери зубов. Все перечисленные признаки могут быть рассмотрены как часть комплекса маркеров физиологического стресса и использованы при реконструкции особенностей питания отдельных индивидов.

Кариес встретился у половины исследованных индивидов (рис. 1, 2). Причины этого заболевания достаточно разнообразны и отчасти обусловлены генетической предрасположенностью, но, тем не менее, не стоит исключать возникновение заболевания в связи со снижением иммунной защиты организма вследствие внешнего стрессового воздействия, смены питательных предпочтений. *Зубной камень* в разной степени выраженности фиксировался у многих индивидов – 95 % (рис. 3). Зубной камень (образующийся из остатков пищи, отмерших эпителиальных клеток, бактерий, солей фосфора, железа и кальция) может приводить к кровоточивости десен, неприятному запаху изо рта, пародонтиту – воспалению пародонта (комплекса тканей, окружающих и удерживающих зуб в альвеоле).

Часто фиксировались проявления *пародонтоза* (71,4 %) (рис. 3) – отдельного заболева-

Рис. 1. Верхняя челюсть индивида 1 (погребение 1, кв.1-2, возраст 45+): прижизненная потеря зубов, пришеечный кариес на левых верхних молярах, кариес ? – бороздки на лингвальной поверхности резцов, вероятно по границе отложений зубного камня (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

Рис. 2. Пришеечный кариес на втором верхнем молочном моляре ребенка 3-4 лет (индивид 2, кв.16) (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

ния, дистрофического поражения пародонта. Среди заболеваний, протекающих с поражением пародонта лидирующее положение занимают мочекаменная и гипер-

Рис. 3 Нижняя челюсть индивида 1 (погребение 1, кв. 1-2, возраст 45+): отложения зубного камня, проявления пародонтоза, гипоплазия на правом клыке (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

Рис. 4. Верхняя челюсть индивида 15 (череп 1, кв. 12, 25–35 лет): отсутствие третьего верхнего правого моляра (полость – след абсцесса), кариес на втором правом верхнем моляре, отложения зубного камня, обнажение корней – проявление пародонтоза (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

тонические болезни, подострый септический эндокардит, заболевания печени (цирроз, хронический гепатит), язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, гипо- и авитаминоз С, сахарный диабет, ревматизм и др. Прижизненная утрата зуба является следствием проявления болезни.

Индивид 15 (череп 1, кв. 12, 25–35 лет) лишился третьего верхнего моляра в результате абсцесса (рис. 4), предположительно вызванного глубоким кариозным поражением.

Эмалевая гипоплазия (76,5 %) – также распространенное явление в группе. Здесь рассматривается как необратимое недоразвитие именно эмали зуба, которое возникает при нарушении метаболических процессов в период формирования зубов под влиянием нарушения минерального и белкового обмена в организме плода или ребенка (рис. 3). Подобные дефекты могут быть объяснены неблагоприятными условиями жизни в период формирования зубов, наличием ростовых задержек вследствие болезней, недостаточным питанием.

На рассмотренной нами серии был отмечен такой нечасто встречающийся признак, как *torus palatinus* (рис. 5) – экзостоз (разрастание костной ткани) на верхней челюсти в виде сплошного валика. Считается, что чаще встречается у женщин, а также гораздо чаще в азиатских

популяциях. Среди причин, обуславливающих появление торуса, называют генети-

ческий фактор, фактор окружающей среды, жевательную гиперфункцию и продолжающийся рост костной ткани (Igarashi et al. 2008).

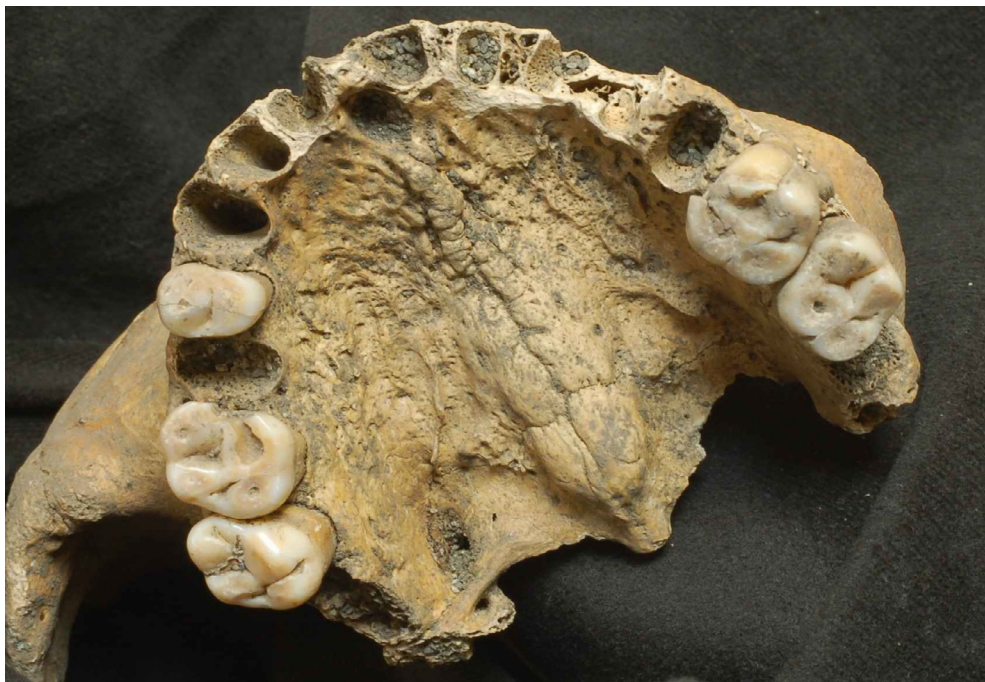

Рис. 5. Верхняя челюсть индивида 14, череп 4, кв. 14: torus palatinum (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

Одной из особенностей выборки является *неправильное положение зубов в челюстях* (рис. 6), что может служить указанием на родственные захоронения в склепе.

Изменение цвета коронки зубов как минимум 4-х индивидов (рис. 7) может быть следствием флюороза. Это эндемическое (часто профессиональное), хроническое заболевание, которое развивается при длительном избыточном поступлении фтора в организм, как правило, с водой. Проявляется на зубах в изменении цвета эмали – она теряет прозрачность, приобретает матовость, и на ее поверхности появляются пятна, вначале молочно-белого, а затем и желто-коричневого цвета.

Рис.6. Нижняя челюсть из кв. 2: поворот на 90 против часовой оси второго нижнего премоляра или тортоаномалия (пример аномального положения зубов в челюсти) (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

Рис. 7. Изменение окраски эмали молочных и постоянных зубов нижней челюсти ребенка около 9 лет (кв. 5) (Фото Н.В. Харламовой, 2014)

Заключение

В заключение надо отметить, что группа из склепа храма у с. Веселое по своим одонтологическим характеристикам относится к европеоидным популяциям. Сравнение показателей с современными выборками позволяет предположить, что ее потомки могли принять участие в формировании абхазского народа. Аномальное расположение зубов в челюстях наводит на мысль о возможных родственных захоронениях, но этот тезис требует дополнительной проверки и привлечения данных по эпигенетическим маркерам на посткраниальном скелете. Проявление флюороза на эмали зубов нескольких индивидов указывает на повышенное поступление фтора в организм, а гипопластические изменения эмали – на возможное неблагоприятное влияние внешней среды. Дальнейшее сравнение останков из склепа с захоронениями на кладбище при храме и синхронными одонтологическими сериями позволит уточнить представления об антропологическом облике средневекового населения Восточного Причерноморья и его истоках. Изучаемые материалы также важны для детального изучения преемственности средневековых и современных групп на исследуемой территории и маркирующей роли одонтологических признаков.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 14-06-00417. Авторы выражают глубокую признательность за ценные советы и консультирование В.Ф. Кашибадзе, Г.А. Аксяновой и Н.И. Халдеевой.

Литература

- Армарчук и др. 2012 – Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология, 2012. № 3. С. 78–90.
- Зубов 1968 – Зубов А.А. Одонтология, методика одонтологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов 1974 – Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 11–42.
- Зубов 2006 – Зубов А.А. Методологическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: ИЭА РАН, 2006. 72 с.
- Зубов, Халдеева 1993 – Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М., 1993. 221 с.
- Кашибадзе 2006 – Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии. Одонтологическое исследование. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. 312 с.
- Кочиев 1979 – Кочиев Р. С. Народы Кавказа: Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР. М., 1979. С. 114–141.
- Шведчикова и др. 2014 – Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Чагаров О.С., Новиков В.В., Зинюкова Н.М. Комплексное палеоантропологическое исследование останков из склепа храма у с. Веселое (Восточное Причерноморье, IX–XII вв. н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. С. 255–256.
- Igarashi et al. 2008 – Igarashi Y., Ohzeki S., Uesu K., Nakabayashi T., Kanazawa E. Frequency of mandibular tori in the present-day Japanese // Anthropological science, 2008. Vol. 116 (1). P. 17–32.

Kharlamova N.V., Shvedchikova T.Yu. Dental morphology and pathology aspects of the study of the human remains from the Byzantine church near Veseloe village.

The article describes the odontological material from excavations of the Byzantine church near Veseloe village (Imereti lowland, Krasnodar Territory) in morphology and pathology aspects. This architectural complex was investigated in 2010–2011 by the expedition of the Institute of Archaeology RAS in the area of the Olympic Games constructions and it dates back to IX–XIII centuries. Dental morphology description of sample (23 individuals) from an underground crypt revealed its similarity with modern Abkhazians. Further investigation and comparison of the studied sample with the one from the cemetery at the church and other synchronic series will clarify the anthropological type of the medieval population of Eastern Black Sea region and its origins.

Key words: *physical anthropology, dental morphology, paleopathology, taphonomy, East Pontic Black Sea.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 267.1

© Д.Д. Петров

ОБЕТНЫЕ КРЕСТЫ ЛЕШУКОНЬЯ

В статье публикуются материалы Севернорусской экспедиции кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова в Лешуконском районе Архангельской области в 2010 году. Результаты полевой работы в Лешуконском, а также Мезенском районах (2013) сопоставлены с данными и выводами предыдущих исследователей сакральной географии Русского Севера. Автор рассматривает ряд аспектов почитания обетных крестов, не получивших до настоящего момента должного внимания. В ходе исследования выявляется, в частности, связь культа обетных крестов с традициями почитания святых водоемов. Также выявлено, что большинство обетных крестов в регионе являются частью сакральных комплексов, состоящих из нескольких почитаемых объектов. Отмечаются различия во взглядах местных жителей на обетные практики, связанные, по мнению автора, с влиянием официального православия. Также предпринята попытка углубиться в понимание обета как традиционного способа коммуникации с сакральным миром.

Ключевые слова: Русский Север, сакральная география, обетные кресты, природные святыни, святые места, духовная культура, народная религия.

Почитание обетных крестов является одним из наиболее ярких элементов современной духовной культуры жителей Русского Севера. Обетные кресты представляют собой одно из не слишком многочисленных зримых проявлений культовой жизни нынешней северной деревни. Поверья и обряды, связанные с ними, занимают одно из наиболее значимых мест в религиозных практиках и сакральном мире северянина. В восточных районах Архангельской области (Лешуконском, Пинежском, Мезенском) обетные кресты – самый распространенный тип сакральных объектов. Вместе с часовнями обетные кресты типологически занимают «промежуточное» (или среднее) положение между официально церковными и «неофициальными», природными святынями Русского Севера (Иванова 2009: 36–37; Теребихин 1993: 70). При этом они превалируют и над теми и над другими как количественно, так и, пожалуй, по своей роли в повседневных и кризисных религиозных практиках местного населения. Так, в случае серьезной болезни сельский житель скорее всего пойдет «ко кресту», в то время как паломничество в монастырь осуществляется лишь изредка, отдельными людьми и упоминается информантами нечасто (во всяком случае в районах – таких как Лешуконский, – удаленных от крупных и почитаемых монастырей).

Петров Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры этнологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: buhr1@yandex.ru.

Обет как явление духовной культуры, существующее вне обязательной связи с сакральными объектами, рассматривался исследователями народной религии. Так, М.М. Громыко в своей работе «Мир русской деревни» (Громыко 1991) рассматривает широкий спектр обетных практик: обетные паломничества (Громыко 1991: 66), праздники (Громыко 1991: 68, 227), келейничество (Громыко 1991: 72). Подробный анализ сущности обета проводит И.А. Кремлева в своей статье «Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа» (Кремлева 2010). Автор приводит сведения из истории обета, начиная с ветхозаветных времен, исследует различные типы обетных практик. Не обойдено вниманием и почитание обетных часовен и крестов. Большой интерес представляет рассмотрение региональных различий в почитании обетных крестов (Кремлева 2010: 264–265).

Монументальным, и, в частности, обетным крестам Русского Севера посвящено довольно значительное количество научных исследований. Заметный подъем исследовательского интереса к данной теме приходится на начало 90-х годов XX века (в контексте общего подъема интереса к изучению духовной культуры и религиозности, в том числе народной). Интерес сохраняется до сего дня. Более или менее полно и подробно изучены монументальные кресты Пинежья (Иванова 2009), Каргополья (Макаров 1988: 80, 86; Каргополье 2009; Шевелев 1992), Республики Коми (Голубкова 2009: 39–63; Власова 2008) и северо-западных районов России (Леонтьева 1998; Панченко 1998; Платонов 2008; Яшкина 1998). Определенное внимание уделено также обетным крестам Нижней Мезени (Дмитриева 2006; Мильчик 1974; Овсянников 1990; Окладников 2012).

В упомянутых выше работах проанализированы многие аспекты почитания обетных крестов. Обетные кресты были включены в контекст прочих почитаемых объектов Русского Севера и стали существенной составной частью концепции культурного ландшафта, представленной в работе А.А. Ивановой, В.Н. Калущкова, Л.В. Фадеевой. Авторы рассмотрели морфологию святого места, одним из главных атрибутов которого часто выступает обетный крест (Иванова 2009: 31). Некоторые исследователи отмечали элементы контактной магии в обычае размещать на крестах или приносить к ним предметы одежды, соответствующие заболевшей части тела: больная голова – платок, нога – носки или обувь и т.д. Также на крестах или возле них размещают и иные приношения: монеты, конфеты и др. (Макаров 1988: 86; Шевелев 1992: 57; Яшкина 1998: 353–354). Известны даже случаи приношений отрубленных куриных голов в случае болезни скота (Шевелев 1992: там же), и это не единичный пример жертвоприношения животных у крестов (Семенов 1986: 121).

Зафиксированы проявления «магии контакта»: например, на Пинеге известен крест, по представлениям местных жителей, помогающий при зубной боли, если откусить от него частицу (Иванова 2009: 238). Данное поверье явно коррелирует с описанным В.Б. Яшкиной случая почитания каменного креста (у г. Боголюбова), от которого откалывали куски, чтобы вылечить с их помощью зубную боль. (Яшкина 1998: 352). Исследователи указывали на антропоморфизм, порой присущий народному восприятию монументальных крестов (Там же: 356–357). К той же «магии контакта» относится описанный обычай окачивать кресты водой, для придания последней целебных свойств (Там же: 351). Отмечен обычай приурочения обрядов у обетных крестов к какому-либо церковному празднику (Панченко 2012: 25). Ряд исследователей указывали на взаимосвязь почитания монументальных крестов и

святых деревьев в народной традиции (Голубкова 2009: 39–63; Святославский 2000: 12–15; Терехин 1993: 70–71). Затронут и гендерный аспект культовых практик, связанных с обетными крестами (Голубева 2012: 34–38).

В литературе не была обойдена вниманием и проблема возникновения и развития культа обетных крестов. Из известных на сегодняшний день русских обетных крестов, первые, каменные, были созданы в XII–XIII вв. (Святославский 2000: 110–111; Яшкина 1998: 338, 339, 366–368). Предполагают, что обычай votивных приношений крестам возник в XVII – первой половине XVIII века (Яшкина 1998: 340). Наконец, многие исследователи монументальных крестов предлагали свои варианты их классификации в зависимости от мотивов их создания, выполняемых функций, географического расположения и т.д. (см. Овсянников 1990; Терехин 1993: 59). Варианты классификаций резюмировали в своей совместной работе А.А. Святославский и А.А. Трошин (Святославский 2000: 30–35).

Таким образом, очевидно, что за минувшие два с половиной десятилетия проделана значительная работа, направленная на фиксацию и анализ почитания обетных крестов на Русском Севере. В то же время здесь по-прежнему остается определенный простор для исследования. Ряд районов, где почитание крестов остается живой и яркой традицией, остается малоизученным.

Одной из таких областей является Лешуконский район Архангельской области, на территории которого расположены села и деревни среднего течения Мезени и нижнего течения ее левого притока – Вашки (отметим, что почитание обетных крестов на верхней Вашке, населенный коми, отмечалось в работе В.В. Власовой и В.Э. Шарипова (Власова 2008: 233). Данный район является одним из наиболее удаленных и труднодоступных в Архангельской области, с чем, по-видимому, отчасти связана его сравнительно небольшая изученность этнографами и фольклористами, а также сохранение активной традиции почитания святых мест. Автору настоящей работы известно лишь несколько примеров дисциплинарно близких научных исследований в Лешуконье. В 1976 году в Лешуконском и Мезенском районах вела полевую работу С.И. Дмитриева. Летом и зимой того же года, в Лешуконье (как на Вашке, так и на Мезени) работала экспедиция кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ. В 1985–1992 гг. на Вашке проводились экспедиции ГМПИ им. Гнесиных. Их этнографическим результатом стала статья М.А. Егноватовой и О.А. Пашиной «По реке Вашке» (Егноватова 1994), посвященная календарной обрядности региона. В 2009 году в Лешуконском районе проводилась фольклорная экспедиция филологического факультета СПбГУ¹. Насколько автор может судить, тема почитания лешуконских монументальных крестов с разной степенью подробности затрагивалась в рамках указанных экспедиций, однако до сего дня в известных автору публикациях ее коснулась лишь С.И. Дмитриева (2006), причем – короткой строкой. Что касается публикаций участников Севернорусской экспедиции МГУ по Лешуконскому району, то они затрагивали различные аспекты культуры местных жителей, но не сакральной географии (Турский 2009, 2011).

Основным источником для настоящей работы является полевой материал, собранный в рамках Севернорусской этнографической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в Лешуконском районе зимой 2010 года (ПМА 2010а), Пинежском и Лешуконском районах летом 2010 года (ПМА 2010б), а также в Мезенском районе летом 2013 года (ПМА 2013). Исследование состоит из двух частей. В первой части

вводятся в научный оборот обетные кресты и крестовые группы, расположенные в нижнем течении Вашки (данные сакральные объекты были изучены в рамках Экспедиции лета 2010 года и не были описаны ни в одной из известных автору публикаций). Во второй части предпринята попытка анализа ряда аспектов почитания обетных крестов на основе собранного полевого материала, как добавляя аргументы к выводам предыдущих исследователей, так и рассматривая стороны традиции, мало освещенные до сего дня.

Приводя данные об изученных сакральных объектах, мы будем двигаться вниз по течению Вашки согласно маршруту экспедиции: от первой русской *д. Кеба* до *д. Едома*, расположенной близ вашского устья. Сообщение об обетном кресте или группе крестов будет иметь следующую структуру: географическое местоположение, существенные внешние характеристики и внешние следы культовой деятельности, наиболее значимые сообщения информантов о рассматриваемом объекте, включающие (где известно) историю его возникновения и начала почитания, информацию о празднике, к которому приурочено коллективное посещение креста (группы крестов).

В *д. Кеба* расположено четыре обетных креста. Они находятся в центральной части населенного пункта близ устья реки Кеба, левого притока Вашки. На правом берегу Кебы расположена группа из трех крестов, четвертый – на левом, напротив. На момент осмотра обетные приношения у крестов отсутствовали. Один из крестов в группе представляет собой столб с приделанной сверху небольшой двускатной «крышей». Такая форма, наряду с «классическими» крестами, распространена среди надгробных памятников Русского Севера. Кресты в группе характеризуются местными жителями как «старые». В деревню они были перенесены из удаленных от сельского центра мест, поскольку «пожилым людям стало трудно ходить к ним далеко». Согласно сообщениям информантов, эти кресты сгнили, и только спустя некоторое время их восстановили – уже на новом месте (ПМА 2010б: Норина К.И., Смородина Е.В.). Один из старых крестов имеет свою «специализацию» – туда носят «оветы» для здоровья скота: пшено и другие крупы. Просят здоровья для своих коров и лошадей. Сам же крест был поставлен одним из местных жителей, когда у него в лесу заблудилась лошадь, чтобы та нашлась. Что и сбылось, согласно рассказу информанта (ПМА 2010б: Таранина Г.И.). Четвертый, «новый», крест поставлен на левом берегу Кебы по обету местной жительницей К.И. Нориной, которая решила установить крест, чтобы излечиться от астмы, вместо одного из старых, обветшавших, крестов. Крест установлен на месте разрушенной в XX веке церкви Николая Чудотворца. Изготовлен из лиственницы, которая почитается северянами лучшим материалом для крестов в силу своей долговечности. По сообщению информанта, «новый» крест единственный из кебских освящен священником (ПМА 2010б: Норина К.И.). Непосредственным создателем креста стал житель *д. Олема* И.К. Матвеев. Интересно, что себя Исаак Кириллович относит к безбожникам (ПМА 2010б: Матвеев И.К.).

Близ *д. Олема* находятся две группы обетных крестов. Одна из групп расположена в двух километрах к югу от *д. Олема*, в овраге у ручья Студеного, близ впадения в Вашку рек Комша и Олема. В день осмотра крестовой группы – 13 августа 2010 года, ручей был почти пересохшим. Группа на Студеном ручье насчитывает 11 крестов, все они обильно увешаны votivnymi приношениями: косынками, футболками, носками, полотенцами, платками, свитерами и т.п. Местные жители пьют и собирают воду из Студеного ручья, считая ее целебной (ПМА 2010б: Яковлева

Н.Д.). Отметим, что для Студеного ручья упоминается название Крестовый (также называется ручей у второй Олемской крестовой группы) (ПМА 2010б: Матвеев И.К.). Однако название Студеный упоминало больше информантов, причем принадлежащих к старшему поколению, поэтому его следует признать более правильным (ПМА 2010б: Осипова Л.А.). У крестовой группы (как и у многих других крестовых групп или отдельно стоящих обетных крестов) есть «свой» праздничный день, когда она пользуется особенным почитанием и привлекает наибольшее число «овечающихся» и желающих набрать святой воды. Для группы на Студеном ручье этот день – Крестовоздвижение (27 сентября) (ПМА 2010б: Осипова Л.А.).

Вторая олемская группа крестов находится примерно в семи километрах к северу от Олемы, в овраге ручья Крестового, близ места его впадения в Вашку. Сток ручья (непересыхающего) оборудован куском шифера для удобства сбора воды, считающейся целебной. Группа состоит из девяти крестов (десятый обветшал и пал). Столь же обильно, как и на ручье Студеном, на крестах представлены обетные приношения: косынки, шарфы, носки. Часть вещей новые, с этикетками: информанты упоминали необходимость приношения к крестам именно новых вещей. Впрочем, другие предметы одежды имеют потрепанный вид, однако невозможно определить, приобрели ли они его от долгого пребывания на крестах или были принесены уже не новыми. По рассказам местных жителей, монеты раньше прятали под камни, лежащие возле крестов. На поперечных рейках крестов лежат булавки, монетки, гвозди. В связи с удаленностью от деревни эту крестовую группу посещают реже, чем олемскую первую. Праздником группы на Крестовом ручье является Покров (14 октября). (ПМА 2010б: Осипова Л.А., Яковлева Н.Д.). К крестовой группе можно подъехать на автомобиле, однако пожилые женщины деревни считают, что ко крестам нужно ходить непременно пешком (ПМА 2010б: Матвеев И.К.).

В четырех километрах к северо-северо-востоку от д. Резя расположена часовня Георгия Победоносца. Она находится у слияния безымянного ручья и р. Чуласа. Постройка представляет собой небольшой сруб. Внутри находятся выносные стол и две скамьи, чайник, а также два деревянных креста. На стенах висят иконы, небольшие кресты, церковные календари. Кроме того, у правой от входа стены приделана жердь, на которую навешано множество votивных приношений: предметов одежды. Рядом с часовней расположено еще два стоящих деревянных обетных креста и один павший. На кресты одеты пелены (небольшие отрезки ткани с нашитыми на них в виде аппликации восьмиконечными крестами), предметы одежды отсутствуют. Вода из ручья считается целебной, «святой». Черпать ее полагается «по течению» (ПМА 2010б: Смородина Г.А.). Перед тем, как набрать воды, в ручей положено бросать монеты. Воды р. Чуласа также считаются целебными, в связи с чем среди местных жителей бытует поговорка: «Чуласа лечит – Выкомша² калечит» (ПМА 2010б: Опарина М.Ф., Резя и др.). Часовня также является обетной – ее поставили двое братьев, местных жителей, у которых заболела мать (ПМА 2010б: Резя). Паломничество к святому месту положено осуществлять пешком. Как сообщила Г.А. Смородина, всякий раз, когда ее знакомые пытались проплыть туда по реке Чуласе на лодке, – та ломалась (ПМА 2010б). Праздником часовни является Крестовоздвижение (27 сентября). Согласно рассказам информантов, в этот день к часовне съезжается много людей, в том числе и из других деревень. Посетители часовни трапезничают близ сруба, к столу группы паломников усаживаются по очереди. Часовня пользуется особым почитанием у жителей Вашки – о ней, как об «особенно святом»

месте сообщали жители не только близлежащих деревень Резя и Чуласа, но и других населенных пунктов. (ПМА 2010б: Яковлева Н.Д.). Часовня на этом месте существовала в течение длительного времени, несколько раз перестраивалась. Нынешний сруб священником не освящался. Как сообщили жители д. Резя, это место пользовалось почитанием и в советское время. Также часовня нередко используется здешними охотниками и людьми, собирающими грибы и ягоды, для отдыха и обогрева (ПМА 2010б: Резя). Рыбаки также стараются приносить в часовню обеты, в том числе по просьбе родственников (ПМА 2010б: Федулов Н.А.). С.И. Дмитриева в 1976 году также исследовала это почитаемое место. Автор приводит фотографию небольшого сруба, в

Рис. 1. Олемская крестовая группа на Студеном ручье (фото автора, 2010).

котором расположено два обетных креста (Дмитриева 2010: 68). По всей вероятности сруб, запечатленный С.И. Дмитриевой – предыдущая, старая, часовня, располагавшаяся на этом месте. Старый сруб меньше по размерам и имеет более простую конструкцию, чем современный. Автор приводит следующие сведения о святом месте: «По рассказам крестьян из Рези, в дар крестам приносили не только полотенца, но и куклы, а в расположенную поблизости реку бросали монеты. Нам пришлось видеть такие монеты на неглубоком дне реки» (Там же: 70). Также С.И. Дмитриева отмечает, что кресты близ Рези относятся к числу наиболее почитаемых в округе (Там же: 68), что соответствует сообщениям наших информантов.

На проселочной дороге, связывающей деревни Резя и Чуласа, в 2 и 5 км от указанных населенных пунктов соответственно, на берегу реки Чуласа, расположен обетный крест. У креста находится костровое место, вокруг которого сложены кирпичи для удобства готовки еды и кипячения воды. Рядом сложены дрова. Крест был установлен Марией Федоровной Опариной, жительницей д. Чуласа (ПМА 2010б), 9 лет назад (на момент опроса – 5) при помощи ее мужа Александра, изготовившего крест по ее чертежу. На кресте отсутствуют предметы одежды, размещена лишь одна пелена. Как сообщила М.Ф. Опарина, она «старается не разрешать» вешать на крест одежду, поскольку это «языческий ритуал». Одежду иногда складывают рядом, и потом М.Ф. Опарина забирает ее и отдает нуждающимся. Информант также сообщил, что обетные кресты обычно «стараются ставить к ручейку». Совершать установку обетного креста принято тайно, однако зачастую все равно местным жителям становится известно, кто поставил тот или иной крест (ПМА 2010б: Опарина М.Ф.). У креста нет «своего» праздника, когда к нему специально сходились бы люди. Крест не освящен. О своем мотиве установки креста М.Ф. Опарина не сообщила, зато рассказала, что ко кресту приезжали рыбаки, «оветившиеся», что в случае удачной рыбной ловли, они обязательно навесят это место (Там же).

Чуласская группа обетных крестов расположена в 1 км к северу от деревни у проселка, ведущего в д. Русома. Группу составляют 9 стоящих крестов и 1 павший. Кресты огорожены деревянной оградой. У входа внутрь ограды (за ее пределами) стоит столик со скамьями. Группа расположена на Едомском ручье. Сообщений о его почитании нет. На крестах размещены многочисленные обетные приношения одежды (косынки, женские сорочки и др.) и пелены. Праздником, на который к данной крестовой группе сходится много людей является Крестовоздвижение. Один из крестов в группе – новый – был поставлен местной жительницей Анной Андриановой 5 лет назад, когда ее сын не вернулся с охоты (ПМА 2010б: Опарина М.Ф.).

Примерно в 1 км к северо-востоку от д. Чуласа расположен так называемый Худой мост (через овраг). Дорогой через мост местные жители ездили на телегах в Левкин бор собирать мох для коров (ПМА 2010б: Иван). Свое название мост получил за то, что при переезде через него часто ломались телеги или сани, а сам мост – «ненастоящий, шутовый» (ПМА 2010б: Опарина М.Ф.) и «люди много мучились там» (ПМА 2010б: Федулов Н.А.). У моста в прошлом существовала многочисленная крестовая группа. Там, в частности, ставили кресты в случае пропажи людей (ПМА 2010б: Опарина М.Ф.). Однако на момент осмотра у Худого моста находилось лишь два старых павших креста.

Группа, насчитывающая 35 обетных крестов, расположена в 2-3 км от д. Карашелье выше по течению Вашки. Кресты расположены у Крестового ручья, некоторые – в овраге, некоторые на его берегах. В день осмотра крестовой группы – 17 августа 2010 года, ручей был пересохшим. Рядом с крестовой группой находится стол со скамейками. Одежда на крестах отсутствует, на многих висят пелены, есть иконы. На одном – детская погремушка. Как выяснилось, приносимые сюда монеты и одежда изымаются духовенством: одежда раздается нуждающимся, а деньги идут на церковные нужды (ПМА 2010б: Пономарева А.А.). Данная практика возможна ввиду относительной близости Карашелья к райцентру Лешуконское, где находится приходская церковь. В более отдаленных деревнях вотивные приношения не собираются. Карашельская группа широко известна по Вашке. К ней с обетами ходят также жители дд. Едома (ПМА 2010б: Опарина Н.А.) и Русома (ПМА 2010б: Осипова К.И.), а в Крестовоздвижение жители и более отдаленных деревень (ПМА 2010б: Опарина М.Ф., Пономарева А.А.).

В центре деревни Едома расположен высокий крест, поставленный около 130 лет назад (ПМА 2010б: Опарины М.А. и Н.А., Пономарева А.А., Поташева А.В.). Высота креста около 2,5 м. На кресте вырезаны надписи старославянским шрифтом, в том числе титула И.Н.Ц.И. (Иисус Назарянин Царь Иудейский (Овсянников 1990: 75) и С.Н.Б.Ж., а также криптограммы. На основной поперечной перекладине вырезано: «Кресту твоему поклон(яем)ся вл(ады)ко и с(вя)тое воскресение твое славим» (надпись выполнена по дореволюционным нормам правописания). Крест сделан из лиственницы, чем, как указали информанты, обусловлена его долговечность. Бытует легенда, что крест сделан прямо из растущей лиственницы (ПМА 2010б: Поташева А.В.). В настоящее время на кресте заменена на новую только нижняя косая перекладина. Рядом с крестом раньше располагалась часовня, здание которой сохранилось до наших дней. Однако в советское время в ней был устроен клуб, а затем магазин (ПМА 2010б: Пономарева А.А., Поташева А.В.). А.А. Пономарева рассказала, что когда крест пыталась свалить местная молодежь, по рассказам самих участников

действия, он «как будто зазвенел» и их «как будто понесло», после чего они в страхе разбежались. На кресте отсутствуют приношения. По словам А.А. Пономаревой, когда она повесила на этот крест пелену, это вызвало нарекания местных жителей, один из которых перенес ее на кресты «за полями», где принято размещать обетные приношения. Однако А.В. Поташева сообщила, что на едомский крест «первое время вешали пелены, чулочки, а сейчас давно уже нет». Раньше у креста священник проводил службу и кропил скот в Духов день (ПМА 2010б: Поташева А.В.).

В 1,5 км от д. Едома, неподалеку от едомского хутора, на левом берегу р. Вызя расположена группа из 4-х обетных крестов. Группа расположена в густой еловой роще, которая имеет славу «нечистого» места, где «водит»³ (ПМА 2010б: Опарины М.А. и Н.А., Пономарева А.А.). Рядом с крестами к деревьям прибита скамья. На одном из деревьев висит старое кадило. Местные жители кадят им самостоятельно. На одном из крестов была размещена пелена, какие-либо другие приношения на крестах отсутствуют (при этом все опрошенные в Едоме информанты утверждали, что одежду к этим крестам носят). Известны мотивы установки большинства крестов в данной группе: один из крестов был установлен по обету А.Ю. Поташевой после того, как утонула ее двухлетняя дочь, другой – А.А. Пономаревой после пожара в ее доме, третий установил местный житель Прокопий в связи с болезнью жены. Обетные кресты данной группы не освящены. Информанты также упоминали крестовую группу в Ванькином бору, на правом берегу Вызи. Ванькин бор, по поверьям, также «водит» (ПМА 2010б: Пономарева А.А., Поташевы А.В. и А.Ю.). Данная крестовая группа не была нами осмотрена.

Переходя к аналитической части, рассмотрим те аспекты почитания обетных крестов, исследуя которые представляется возможным дополнить выводы предыдущих исследователей, а порой и вступить с ними в полемику. Далее мы будем двигаться от частных проблем, связанных с расположением крестов, их следом в топонимии и т.д., к общим вопросам, касающимся обетной практики как таковой и классификации изучаемых культовых объектов.

Любопытно расположение крестов в деревнях Кеба и Едома в центре «окультуренного пространства» в свете того, что «периферийность» («окраинное положение относительно селения») выделяется в качестве одного из характерных свойств сакральных объектов (Иванова 2009: 29). Отметим, что случаи помещения обетных крестов на территории населенных пунктов и даже в их центре не являются единичными (авторы указанной работы также отмечают, что принципу периферийности отвечает не большинство, а только «свыше трети всех часовен и крестов» (там же). Примеры не периферийной локализации наблюдались нами в ходе экспедиции лета 2013 года в Мезенском районе на р. Пезе (правый приток Мезени): в д. Лобан один из обетных крестов располагался в центре деревни, в д. Калино обетный крест ранее был расположен в центре деревни, но затем по завещанию одного из местных жителей (близ дома которого этот крест располагался), был перенесен на его могилу (ПМА 2013: Гмырин А.А., Гмырин Г.Ф.). На крестах в Кебе и Едоме отсутствовали обетные приношения (в то время как в Лобане они имелись в обычном количестве). Некоторые информанты в ходе бесед подчеркивали, что, так как обеты принято носить тайно, – размещать их на кресте в центре поселения «неудобно». Однако сообщалось, что на крест в Кебе обеты вешают (ПМА 2010б: Норина К.И.), а на едомский крест их вешали раньше (ПМА 2010б: Поташева А.В.). Таким образом,

полевой материал свидетельствует о том, что в рассматриваемом регионе возможно центральное, а не периферийное расположение обетного креста и практика вотивных приношений к нему.

Весьма показателен факт расположения большинства крестовых групп и отдельно стоящих обетных крестов рассматриваемого региона у ручьев и речек: 7 из 9 осмотренных. В большинстве случаев вода из этих водоемов считается целебной, порой она прямо характеризуется как «святая». Таким образом, выявляется связь культа обетных крестов с традициями водопочитания. Данную связь на материале Русского Северо-Запада рассматривал в своей работе Е.В. Платонов. Автор указал на библейские истоки церковных ритуалов водосвятия (Платонов 2008: 329–330). По мнению Е. В. Платонова, во взаимосвязи святой воды и монументального креста «первичная» роль принадлежит последнему ввиду его освящающей функции. В качестве обоснования данного мнения приводится практика освящения воды представителями духовенства с помощью креста во время церковных служб как в монастырях, так и у многих исследованных автором деревенских святынь (там же: 330–333). Народный обычай освящать воду, окатывая ею почитаемый монументальный крест, автор связывает с «механизмом «воспроизводства святости» от креста (там же: 333). Однако у ряда изученных нами на Вашке почитаемых водоемов, составляющих сакральный комплекс с крестовыми группами или отдельными крестами, наблюдаются ритуалы, не имеющие параллелей с канонической церковной практикой. Таков, например, обычай бросать монеты в ручей у часовни в Резе прежде, чем набрать из него целебной воды. Обычай бросать монеты в почитаемые водоемы широко распространен как на Русском Севере, так и за его пределами (см. например: Панченко 1998: 85–86). Нецерковное происхождение имеет и предписание зачерпывать воду из этого ручья по течению. Этот обычай соответствует распространенному магическому ритуалу, который нередко предписывают исполнить больным деревенские знахарки: набрать в каком-либо водоеме лечебную воду по течению или против течения. С рекой Кеба, на которой стоят кебские обетные кресты, связан обычай сбора «немой воды»: больной по указанию местной знахарки должен «три зари собирать в реке воду и относить ей, ни с кем по пути не заговаривая» (ПМА 2010б: Норина К.И.). Сбор «немой воды» из почитаемых водоемов также является распространенной традицией на Русском Севере (см. напр.: Панченко 1998: 85), не имеющей, насколько можно судить, связи с каноническим православием. Отметим, впрочем, что водный ритуал в Кебе упоминался информантом вне связи с обетными крестами. Также важно отметить, что информанты не упоминали проведение обряда освящения воды священником (что связано, помимо прочего, с тем, что в Лешуконском районе есть лишь один приходской священник, служащий и проживающий в райцентре). Не сообщалось и об окачивании водой обетного креста. Очевидно, вода из указанных ручьев и речек воспринимается как целебная и святая вне санкции представителя духовенства и без прямого контакта с крестом. Впрочем, сам обряд сбора целебной воды после окачивания ею монументальных крестов имеет близкую параллель в распространенных ритуалах «скатывания» воды по почитаемым камням (о чем пишет и Е.В. Платонов (с. 321). Широко известен и обычай сбора святой воды из «чашек» и «следков» на почитаемых камнях. Зачастую в таком ритуале не участвует ни священник, ни христианский крест. Данные обычаи находятся вне рамок канонической христианской практики и их корни, по всей вероятности, стоит искать за ее пределами.

Перенос народных способов водосвятия с природных святынь на монументальные кресты представляется более вероятным, чем обратная связь. Наконец, известны почитаемые водоемы, вода из которых считается целебной, а кресты и какие-либо иные атрибуты православного ритуала (иконы, часовни) там отсутствуют. Таков, например, ручей Ялый близ д. Едома Лешуконского района. Известно, в частности, что один из местных жителей пил из него воду для излечения водянки (ПМА 2010б: Пономарева А.А.). Стоит отметить, что водопочитание является весьма широко распространенным явлением в духовной культуре народов мира. Оно было характерно для восточных славян уже в языческую эпоху (упоминание о «молитвах» и приношениях жертв у «кладезей» встречается уже в средневековом «Слове об идолах»). В свете приведенных выше фактов представляется вероятным, что комплекс поверий и ритуалов почитания целебной воды в рамках деревенских сакральных комплексов, включающих обетные кресты и «святой» водоем, имеет немало черт, возникших и существующих независимо от канонической церковной практики. Вполне вероятно, что вода целебных ручьев и речек пользовалась почитанием и до появления рядом с ними крестов и крестовых групп, и, больше того, возможно, именно сакральный статус водоема и обусловил в дальнейшем постановку крестов в этих местах. Впрочем, представляется возможным, что в ряде случаев имела место и обратная зависимость в почитании креста и водоема. На тенденцию ставить кресты к воде указывали и некоторые опрошенные информанты (ПМА 2010б: Опарина М.Ф., Федулов Н.А.).

Обетные кресты оставляют след в местной топонимии. «Крестовое» название порой получают ручьи, на которых они расположены. Таковы Крестовые ручьи Лешуконья, упомянутые выше. Аналогичный способ именования географических объектов известен на коми материале: Креш шор, Перна ель (Мусанов 2002: 165), Перна-шор (перевод всех трех идентичный – Крестовый ручей) и т.п. Известна и р. Крестовка в Усть-Цилемском районе Республики Коми, населенном преимущественно русскими. Помимо водоемов, «крестовые» названия получают урочища, где расположены монументальные кресты, например, ур. Кресты близ с. Мужы Ямало-Ненецкого АО (Ермакова 2011: 168–172) и ур. Крес ув «под крестом» в д. Коптюга на р. Вашка (Удорский район Республики Коми). Известен и случай наименования поселка Крестная (Хресная, ныне нежил.) в Мезенском районе по расположенным здесь в прошлом поклонным крестам (Окладников 2012: 246).

Как уже отмечалось в начале работы, многие исследователи выделяли различные категории монументальных крестов в зависимости от их функций и связанных с ними представлений местного населения. Например, Н.М. Теребихин писал: «Мотивационная» (функциональная) классификация разделяет все кресты на следующие группы: «обетные», приметные (навигационные), поминальные, надмогильные (кладбищенские), поклонные и др. Пространственная классификация крестов предполагает их деление на придорожные, прибрежные, «росстанные», полевые, луговые, лесные и т.п.» (1993: 59). Исследователи обращали внимание на проницаемость и условность границ выделяемых категорий: «Жесткая привязка конкретного креста к тому или иному классификационному типу оказывается затруднительной. Функциональные типы крестов находятся на самом деле в сложных отношениях, иногда взаимно пересекаясь, а иногда входя в иерархические отношения» (Святославский 2000: 30–31). В ходе полевой работы Севернорусской экспедиции МГУ тезисы о принципиальной проницаемости и условности границ выделяемых учеными кате-

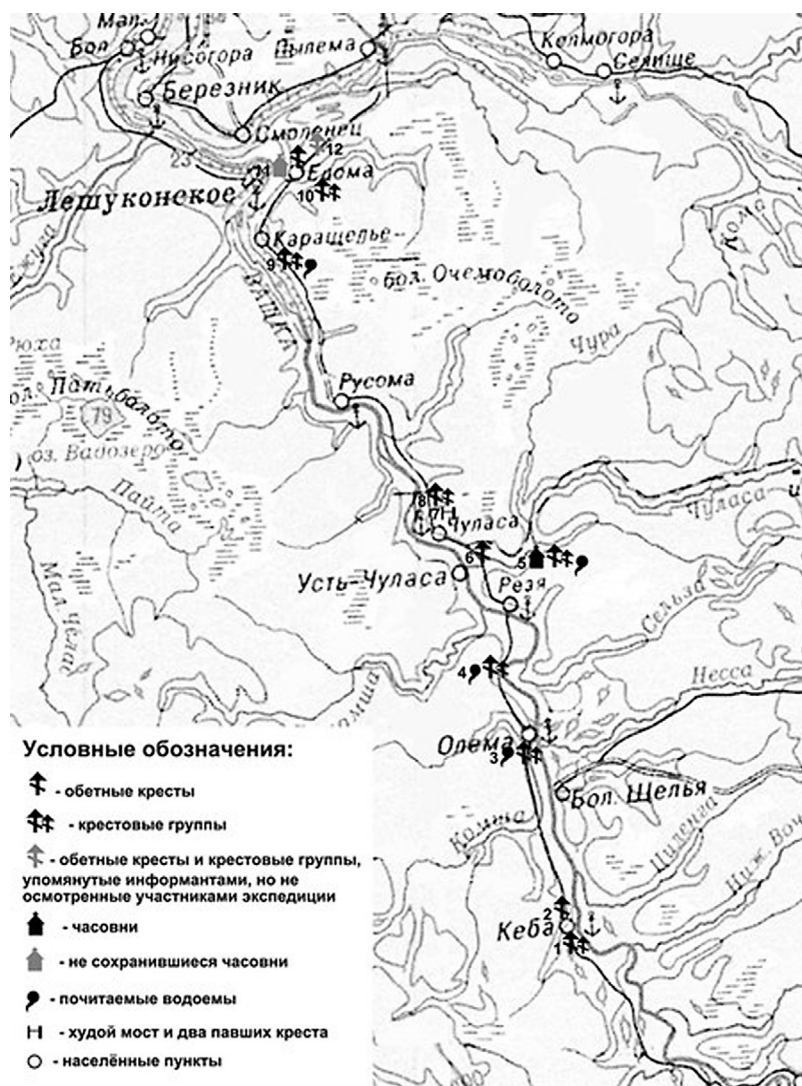

Рис. 2. Карта-схема «Святые места русского Поволжья» (выполнена Петровым Д.Д. и Терениной Я. А. на основе топографической карты Архангельской области).

Цифрами на карте обозначены:

1. Группа свезенных обетных крестов в д. Кеба
2. Обетный крест К. И. Нориной в д. Кеба
3. Первая олемская группа обетных крестов на почитаемом Студеном ручье
4. Вторая олемская группа обетных крестов на почитаемом Крестовом ручье
5. Георгиевская часовня близ д. Резя, обетные кресты и почитаемый безымянный ручей
6. Обетный крест М. Ф. Опариной близ д. Чуласа
7. Худой мост и два павших креста
8. Чуласская группа обетных крестов
9. Каращельская группа обетных крестов на почитаемом Крестовом ручье
10. Крестовая группа близ едомского хутора
11. Поклонный крест и несохранившаяся часовня в центре д. Едома
12. Крестовая группа «на полях» близ д. Едома

горий крестов нашли ряд ярких подтверждений. Крест в деревне Елкино был охарактеризован двумя местными жительницами (матерью и дочерью) как «охранный» (чтобы река Пеза, меняя русло, не затопила деревню). Информанты отметили, что обеты на этот крест носить нельзя, и их «никогда не носили» (ПМА 2013: Елукова Е.И., Елукова Л.Ю.). В то же время другая жительница деревни сообщила, что раньше этот крест стоял на другом месте, и обетные приношения на него вешали (пока их не сняли трактористы) (ПМА 2013: Лимонникова Л.В.). Данный пример свидетельствует, что в рамках деревенского сообщества возможны различия в восприятии одного и того же почитаемого объекта и принятых действий по отношению к нему. Сообщения о елкинском кресте перекликаются с историей о конфликте вокруг обетных приношений на крест в д. Едома Лешуконского района (см. выше), когда одна из местных жительниц посчитала такое приношение возможным, а другие этому воспротивились. Отметим, что и про едомский крест рассказывают, что раньше обеты на нем присутствовали, а теперь их туда не носят.

Один из двух обетных крестов, расположенных у д. Заакакурье Мезенского района, согласно рассказам информантов, был обнаружен на чердаке дома местного священника, подвергшегося репрессиям. Его изначальное назначение неизвестно, однако после обнаружения он был установлен вместе с поднятым из оврага старым обетным крестом и стал также использоваться как обетный (ПМА 2013: Попова В.С., Сыркова Г.И.). Вспомним и обетный крест в Калино, впоследствии ставший намогильным (см. выше). Рассмотренные примеры свидетельствуют, что монументальные кресты в северных деревнях могут как по-разному восприниматься и почитаться местными жителями, так и менять свою «принадлежность» к той или иной «категории» с течением времени. Сами информанты используют такие определения крестов как «обетный», «поклонный», «охранный». Соблазнительно выделить категории крестов на этом основании. Однако в ходе общения становится очевидным, что у указанных эпитетов нет общепринятого толкования. Они могут соседствовать и сменять друг друга по отношению к одному и тому же кресту. Таким образом, функциональные разграничения между крестами, относимыми к разным категориям, на деле нередко оказываются нечеткими и проницаемыми.

Подобная нечеткость функциональных границ характерна и для других аспектов почитания обетных крестов. Порою можно услышать противоречащие друг другу сведения. Так, ряд информантов указывал на то, что приношение обетов должно осуществляться тайно (ПМА 2010б: Опарина М.Ф., Таранина Г.И., Яковлева Н.Д.; ПМА 2013: Елуковы Е.И. и Л.Ю. и др.). Другие, напротив, утверждают, что никакой тайны в данном ритуале нет (ПМА 2010б: Осипова Л.А.). Кроме того, многие информанты охотно делятся сведениями о том, когда и какие приношения они носили к крестам (ПМА 2010б: Норина К.И. и др.) (хотя имеются и обратные примеры), менее охотно сообщаются причины, побудившие информанта «обетиться».

Еще одним ярким примером соседства противоречащих друг другу представлений в рамках деревенского сообщества является отношение к запрету забирать вещи, принесенные по обету. Как правило, изъятие приношений рассматривается как грех, влекущий за собой тяжелое (часто смертельное) воздаяние. Однако встречаются и исключения. Т.Б. Щепанская, основываясь на своем полевом материале, объяснила их следующим образом: «Если брал тот, кто присматривал за часовенкой, либо нищий странник, т.е. Человек, принадлежавший к сакральному миру кризисной сети, — это не было святотатством. Однако совершенно недопустимо считалось взять оттуда

что-нибудь человеку обычному, здоровому, скажем, местному жителю: по поверьям, это могло повлечь за собой ужасные последствия» (1995: 130). В ходе наших изысканий нам лишь изредка приходилось сталкиваться с фигурой «хранителя святого места» (пожалуй, к таковым можно без натяжек отнести лишь М.Ф. Опарину, по обету которой был поставлен крест близ Чуласы, остальные сакральные объекты обихаживаются коллективно или индивидуально, но в разовом порядке, по обету). Не приходилось слышать от информантов и об отсутствии запрета для нищих забирать вотивы. В подавляющем большинстве случаев изъятие приношения характеризуется информантами как тяжкий грех. Часто можно услышать истории о страшной расплате («бог наказал») тех, кто забирал обеты: тяжелая болезнь, увечья, несчастья в жизни или даже смерть. Наиболее распространены сюжеты кражи обетных денег или использования вотивных текстильных изделий трактористами для технических нужд. Фактически рассказы об изъятии приношений и последующим наказании святотатцев относятся к устойчивой и широко распространенной группе сообщений о поругании деревенских святынь. Однако встречается и альтернативный взгляд на данный вопрос. Так, известно, что обетные приношения с карашельской группы крестов изымает лешуконская церковная община (см. выше), тратя деньги на мелкие

Рис. 3. Поклонный крест в д. Едома
(фото автора 2010)

церковные нужды, а одежду распространяя меж нуждающимися. М.Ф. Опарина также забирает одежду, принесенную к ее кресту в д. Чуласа, и раздает нуждающимся (см. выше). При этом немаловажно, что М.Ф. Опарина неодобрительно отзывалась о ритуале вотивных приношений как о «языческом». Таким образом, в обоих рассмотренных случаях обеты изымаются согласно представлениям, характерным для канонического православия, – в целях благотворительности. В первом случае церковь прямо

участвует в судьбе приношений, во втором – представляется правдоподобным предположение, что суждения М.Ф. Опариной об обетных приношениях сложились также под влиянием кого-либо из представителей духовенства или людей, близких к церкви. Вероятно, народным представлениям об обетах свойственна табуация их изъятия, однако данное поверье оспаривается церковью. Под ее влиянием формируется альтернативный взгляд у части представителей сельских сообществ на вотивы: данный ритуал обретает «христианское» содержание, лишь принимая форму богоугодной благотворительности, которая, вероятно, изначально была ему чужда. Пожалуй, в качестве типичной модели такого влияния можно рассматривать сообщение К.И. Нориной из д. Кеба: «Первоначально люди полагали, что принося вещи, они приносят вещи богу. Однако недавно священник Владимир пояснил нам, что богу эти вещи не нужны и нужно, чтобы их забрали нуждающиеся» (ПМА 2010б). Известен и третий вариант регламентации изъятия приношений: «... старыми людьми

ми ведь сказано: там какая тебе вещь понравилась, если тебе понравилась вещь, можешь взять, но только положить денег надо. А так-то, что взять безо всего нельзя» (Скуратова М.К., 1932 г. р., д. Целегора // Голубева 2012: 33). Такой способ «выкупа» жертвенного предмета имеет прямую параллель в ненецких традициях приношений в культовом месте Харв Пад (Козьмин перелесок), расположенном на дороге из ненецких тундр в Мезень: «Покупать надо <...> вот если что здесь висит, тебе понравилось, ты ложишь медную копейку да и забираешь» (сообщение пожилой ненецкой женщины, данные неизвестны, запись находится в личном видео-архиве Н.Ф. Окулова).

Приближаясь к завершению работы, отметим еще одну немаловажную характерную черту, свойственную обетным крестам, почитаемым на Вашке, а также относительно широко распространенную в других регионах их почитания. Большинство изученных нами обетных крестов являются не отдельными почитаемыми объектами, а частью сакрального комплекса. В работе А.А. Ивановой, В.Н. Калущкова и Л.В. Фадеевой приводится уточнение понятия «сакральный комплекс»: «Соседство природных и культурных сакральных объектов позволяет рассматривать их как сакральный комплекс со сложным содержанием» (курсив авторов) (2009: 32). Далее авторы отмечают, что природные компоненты в пинежских сакральных комплексах редки – большинство комплексов составляют несколько крестов или крест и часовня (2009: 33). На распространенность комплексного расположения сакральных объектов в деревенских святых местах указывали почти все авторы, касавшиеся данной темы (см. Макаров 1988, Панченко 1998, Платонов 2008 и др.). Однако доминирующим способом изучения культовых объектов остается их дробление на типы (часовни, монументальные кресты, почитаемые камни, источники и т.д.) и последующее рассмотрение их в рамках данных отдельных категорий. Такой акцент на категориальной «отдельности» культовых объектов представляется не всегда оправданным. Возможно, в ситуации широкого распространения «сакральной комплексности» справедливее было бы уделить больше внимания изучению конкретных групп объектов, различных типологически (например, крест и ручей), но объединенных в рамках одного сакрального комплекса. Из 11 святых мест, изученных нами на Вашке, только 3 представляют собой отдельно стоящие обетные кресты, не являющиеся частью комплекса: крест К.И. Нориной в д. Кеба, крест М.Ф. Опариной близ д. Чуласа и старый крест в д. Едома. При этом чуласский крест размещен у р. Чуласа, вода из которой почитается целебной, хотя и не приурочен к ней в сообщениях информантов, а про едомский информанты сообщают, что раньше рядом с ним располагалась часовня, которая была закрыта в советское время – теперь в ее здании размещается магазин (ПМА 2013б: Поташева А.В.). Остальные 8 являют собой сакральные комплексы, причем в 5 из них включен природный сакральный объект: две крестовые группы при ручьях с целебной водой близ д. Олема, обетные кресты с часовней при ручье с целебной водой близ д. Резя, крестовая группа близ д. Карашелье на Крестовом ручье с целебной водой и крестовая группа близ едомского хутора, расположенная в ельнике, пользующемся славой опасного, нечистого места. Оставшиеся три сакральных комплекса: группа обетных крестов, свезенных из разных мест в центр д. Кеба, крестовая группа у д. Чуласа, расположенная на ручье, о котором информанты не сообщали, что вода из него обладает целебными свойствами, а также поваленные кресты при Худом мосту, являющемся рукотворным объектом, пользующимся дурной славой.

Представляется весьма важным рассмотреть явление духовной культуры, которое легло в основу почитания обетных крестов Русского Севера, – собственно обет. Изучению обета как духовной практики северного сельского населения посвящено сравнительно немного работ. Здесь стоит отметить статьи И.А. Кремлевой (1994) и Н.В. Алексеевой (2008). Заметное место анализу обетных практик отвели в своих исследованиях Т.Б. Щепанская (1995) и А.А. Панченко (1998).

И.А. Кремлева определяла обет как «обязательство, добровольно налагаемое на себя человеком или целой общиной в качестве благодарности Богу за избавление от бед, болезней или иное благодеяние» (1994: 15), «нерушимое слово, обещание перед Богом» (2010: 241), дополняя свое определение следующим утверждением: «Поступки, совершаемые по обету, по форме не были какими-либо особыми религиозными действиями: такие же праздники отмечались, такие же приношения или паломничества совершались и не по обету. Но по существу все, что связано с обетами, выделялось среди повседневных проявлений веры, так как совершалось в дополнение к обычным религиозным обязанностям человека, означало добровольно возложенные на себя дополнительные тяготы». Т.Б. Щепанская также подчеркивала важность «беды» как мотивации обета. По ее определению, обет – «реакция на кризис и знак кризиса» (1995: 18, 19). В работе А.А. Панченко, развивающего мысли А.Б. Островского, содержится существенное дополнение к определению И.А. Кремлевой: наряду с «благодарственной» функцией обета существует и «направляющая», когда обетным приношением не благодарят за благополучное разрешение критической ситуации, а стараются его обеспечить до того, как беда миновала. Больше того, «направляющая» мотивация вотивного приношения встречается чаще «благодарственной» (Панченко 1998: 93, 98). Возможно, стоит согласиться с И.А. Кремлевой в том, что обетные действия не обладают самобытностью (хотя, например, приношение предметов одежды на деревенские святыни сложно себе представить в каком-либо ином контексте, кроме обетной практики, не говоря уже о более «экзотичных» предметах, таких как школьные тетради на обетном кресте в д. Вожгора Лешуконского района, размещаемые там для удачи на школьных контрольных и экзаменах (ПМА 2010а). Так или иначе, обет является вполне самостоятельным «способом коммуникации с сакральным миром» (Панченко 1998: 98) наряду с такими способами как молитва, гадание, заклинание (заговор) и др. Отличительной сущностной чертой обета является именно «добровольное обязательство», «загадываемое» человеком в критической ситуации, неважно в благодарность или во избавление... Важно отметить, что понятием обет жители архангельского Севера определяют все сакрально значимые действия (кроме, разумеется, поругания) по отношению к обетным крестам: установка креста, приношение вотивов, какие-либо другие «благие» дела, как то: ремонт, покраска и т.п. Все эти действия обозначаются словом «оветиться» или «овечаться».

Н.В. Алексеева рассматривает обетные практики как форму покаяния (2008: 149, 150). Заметим, что мотив раскаяния в грехах полностью отсутствовал в сообщениях наших информантов об обетных действиях. Таким образом, если обеты и являются порою связанными с покаянием, то такая связь не является обязательной и не свойственна жителям восточных районов Архангельской области. Весьма интересно, что в ряде случаев обетные кресты были установлены после несчастий без ясно сформулированного «направляющего» мотива. Так, в д. Едома люди, установившие

кресты по обету, в одном случае после пожара (ПМА 2010б: Пономарева А.А.), в другом – после гибели дочери (ПМА 2010б: Поташева А.Ю.) не указывали в качестве мотивации своих действий «чтобы больше такого не случилось». Это не единственные подобные примеры. В такой ситуации речь заведомо не идет о «благодарственной» модели, проблематично говорить и о «направляющей». Соблазнительно домыслить, что «овечающимися» в данном случае руководит желание избежать повторения горя, однако сами информанты, в данном случае, не дают для этого прямых оснований. В подобных ситуациях обетные кресты, вероятно, сближаются по своей функции с мемориальными. Мы не рискуем выделить, наряду с «благодарственной» и «направляющей», третью, «мемориальную», модель обетной практики, однако отметим, что, по-видимому, для жителя Русского Севера «загадывание» и исполнение сакрального обязательства (в данном случае обязательства поставить крест) является устойчивым стереотипом поведения в кризисной ситуации. Данное действие необязательно связано в сознании северянина с благодарностью или стремлением решить ту или иную проблему.

Почитание обетных крестов, несмотря на обвальное сокращение численности сельского населения и общую редукцию духовных практик в течение XX века, остается живой традицией на Русском Севере. По этой причине география сакральных объектов подвижна: изменяется количество крестов в крестовых группах, отдельно стоящие обетные кресты могут со временем забрасываться, и в то же время устанавливаться новые в других местах. Таким образом, учет и картографирование расположения святых мест – процесс перманентный. Однако и «застывшая» картина, полученная на определенный момент времени, представляет несомненную ценность. Сопоставление полевых данных экспедиции МГУ с обширным материалом других исследователей позволило прийти к выяснению ряда аспектов почитания обетных крестов, до сих пор остававшихся в тени. Среди них отметим ярко выраженную связь культа обетных крестов с традициями водопочитания, которые имеют, по-видимому, преимущественно нехристианское происхождение. Весьма любопытна «противоречивость» представлений о неприкосновенности приношений, возможно, связанная с идейным влиянием официального православия. Также немаловажным представляется выделение такого свойства лешуконских крестов, как их «принципиальная комплексность» с другими сакральными объектами.

Может быть, наиболее приоритетным направлением является исследование сущности обета как явления духовной культуры современного сельского сообщества. В этом аспекте мы выделяем «загаданное обязательство» в критической жизненной ситуации как основное сущностное свойство обета, в то время как «благодарность», «покаяние» и иные побуждающие к обету мотивы варьируются.

Примечания

¹ Отчет экспедиции доступен на Веб-сайте «Фольклор и фольклористика в СПбГУ»: <http://www.folk.spbu.ru>.

² Выкомша – река, левый приток Вашки, протекающий в относительной близости от описываемого места. Ряд информантов указывал, что после купания в этой реке можно заболеть.

³ Понятием «водит» применительно к лесу на Русском Севере обозначают опасность заблудиться в том или ином лесу, которая, согласно поверьям, исходит от нечистой силы, бесов, лешаков и т. п.

Источники и литература

- Алексеева* 2008 – *Алексеева Н.В.* Обетная практика русского крестьянства в системе сакральной географии и топографии православных объектов Европейского Севера России // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 149–162.
- Власова* 2008 – *Власова В.В., Шаранов В.Э.* Местночтимые сельские святыни в религиозной традиции современных православных коми // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 231–241.
- Голубева* 2012 – *Голубева Л.В.* «Женщины все больше носили, тряпки висили»: относ пелен как женская религиозная практика // Речевая и обрядовая культура Русского Севера / сост. И.С. Веселова, А.А. Степихов. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 29–38.
- Голубкова* 2009 – *Голубкова О.В.* Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009.
- Громыко* 1991 – *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Дмитриева* 2006 – *Дмитриева С.И.* Традиционное искусство русских Европейского Севера. Этнографический альбом. М.: Наука, 2006.
- Егноватова* 1994 – *Егноватова М.А., Пашина О.А.* По реке Вашке // Живая старина, 1994. № 2. С. 50–52.
- Иванова* 2009 – *Иванова, Калущков, Фадеева* 2009 – *Иванова А.А., Калущков В.Н., Фадеева Л.В.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009.
- Каргополье* 2009 – Каргополье: фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / под общей ред. А.Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009.
- Кремлева* – *Кремлева И.А.* Обеты в народной жизни // Живая старина, 1994. № 3. С. 15–17.
- Кремлева* – *Кремлева И.А.* Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа / Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М.: Наука, 2010. С. 241–284.
- Леонтьева* 1998 – *Леонтьева С.Г.* Материалы о народном почитании крестов на Северо-Западе России / Антропология религиозности (Альманах «Канун». Вып. 4). СПб., 1998. С. 376–385.
- Макаров* 1998 – *Макаров Н.А., Чернецов А.В.* К изучению культовых камней // Советская археология, 1988. № 3. С. 79–90.
- Мильчик* 1974 – *Мильчик М.И.* Обетные кресты Мезени / Декоративное искусство СССР, 1974. № 2. С. 50.
- Мусанов* – *Мусанов А.Г.* Отражение религиозных верований, легенд и преданий в коми топонимии // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сыктывкар: СыктГУ, 2002. С. 164–167.
- Овсянников* 1990 – *Овсянников О.А., Чукова Т.А.* Северные деревянные кресты: К вопросу о типологии // Язычество восточных славян. Л.: Изд-во Министерства культуры СССР, 1990. С. 60–76.
- Окладников* 1998 – *Окладников Н.А.* Мезенские деревни: Исторические очерки. Архангельск: Правда Севера, 2012.
- Панченко* 1998 – *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: «Алетейя», 1998.
- Панченко* 2012 – *Панченко (Яшкина) В.Б.* «Праздновать праздники святому пророку Божию Или и святителю Христову Николаю Чудотворцу»: одна исчезнувшая традиция / Этнические традиции в культуре / Музей. Традиции. Этничность. СПб., 2012. № 2. С. 21–36.
- Платонов* 2008 – *Платонов Е.В.* Почитание каменных крестов на Северо-Западе России в контексте литургической практики: К постановке вопроса // Поморские чтения по семиотике

- культуры. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 320–339.
- ПМА 2010а – По материалам автора, собранным в ходе работы Севернорусской экспедиции кафедры этнологии МГУ зимой 2010 года в д. Вожгора Лешуконского района Архангельской области.
- ПМА 2010б – По материалам автора, собранным в ходе работы Севернорусской экспедиции кафедры этнологии МГУ летом 2010 года в Лешуконском районе Архангельской области.
- ПМА 2013 – По материалам автора, собранным в ходе работы Севернорусской экспедиции кафедры этнологии МГУ летом 2013 года в Мезенском районе Архангельской области.
- Святославский 2000 – Святославский А.А., Трошин А.А. Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлехранилище, 2000.
- Семенов 1993 – Семенов В.А. Камни-следовики в культурной традиции народов Ингермандии / Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар: Пермский университет, 1986. С. 118–123.
- Теребихин 1993 – Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1993.
- Турторский 2009 – Турторский А.В. Заметки об обычае «фюла» в Лешуконском районе Архангельской области // Живая старина, 2009. № 3 (63). С. 41–42.
- Турторский 2011 – Турторский А.В., Кочерженко М.Н. Бытование календарных и метеорологических примет // Живая старина, 2011. № 1. С. 44–47.
- Шевелев 1992 – Шевелев В.В. Культовые камни в Каргополье // Российская археология, 1992. № 2. С. 57–65.
- Щепанская 1995 – Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) / Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 110–176.
- Яшкина 1998 – Яшкина В.Б. Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. / Антропология религиозности (Альманах «Канун». Вып. 4). СПб., 1998. С. 336–374.

Список информантов

По материалам экспедиции лета 2010 года (ПМА 2010б)

- Иван, отчество и фамилия неизв., г. р. неизв. (средних лет), д. Чуласа Лешуконского района Архангельской области.
- Матвеев Исаак Кириллович, 1930 г. р., д. Олема Лешуконского района Архангельской области.
- Норина Клавдия Ивановна, 1955 г. р., д. Кеба Лешуконского района Архангельской области.
- Опарин Максим Алексеевич, г. р. неизв. (средних лет), д. Едома Лешуконского района Архангельской области.
- Опарина Мария Федоровна, 1938 г. р., д. Чуласа Лешуконского района Архангельской области.
- Опарина Наталья Аркадьевна, г. р. неизв. (средних лет), д. Едома Лешуконского района Архангельской области.
- Осипова Клавдия Ивановна, 1931 г. р., д. Русома Лешуконского района Архангельской области.
- Осипова Людмила Александровна, 1927 г. р., д. Олема Лешуконского района Архангельской области.
- Пономарева Антонина Афанасьевна, 1944 г. р., д. Едома Лешуконский р-н Архангельской области.
- Поташева Алевтина Васильевна, 1913 г. р., д. Едома Лешуконский р-н Архангельской области.
- Поташева Анна Юрьевна, 1955 г. р., д. Едома Лешуконский р-н Архангельской области.
- Резя (коллективное интервью в д. Резя). В процессе расшифровки аудиозаписи часто не удается определить, кто именно из опрошенных ведет разговор. В интервью принимали участие информанты: Пономарева Татьяна Игнатьевна, 1949 г. р., д. Резя; Седых Ульяна Леонидовна, 1954 г. р., д. Резя; Смородина Галина Ивановна, 1945 г. р., д. Чуласа; Соколова Магдалина Сергеевна, 1937 г. р., д. Резя. Смородина Галина Александровна, 1950 г. р., пос. Усть-Чуласа Лешуконского района Архангельской области.

Смородина Евдокия Васильевна, 1925 г. р., д. Кеба Лешуконского района Архангельской области.
Таранина Галина Ивановна, 1948 г. р., д. Кеба Лешуконского района Архангельской области.
Федулов Николай Аркадьевич, г. р. неизв. (средних лет), д. Чуласа Лешуконского района Архангельской области.

Яковлева Нина Дмитриевна, 1939 г. р., д. Олема Лешуконского района Архангельской области.
По материалам экспедиции лета 2013 года (ПМА 2013)

Гмырин Александр Афанасьевич, 1931 г. р., д. Калино Мезенского района Архангельской области.
Гмырин Геннадий Федорович, 1959 г. р., д. Мосеево Мезенского района Архангельской области.
Елукова Евлина Ивановна, 1937 г. р., д. Елкино Мезенского района Архангельской области.
Елукова Любовь Юрьевна, дочь Елуковой Е.И., г. р. неизв., д. Елкино Мезенского района Архангельской области.

Лимонникова Лидия Васильевна, 1939 г. р., д. Елкино Мезенского района Архангельской области.
Попова Вера Семеновна, 1933 г. р., д. Заакакурье Мезенского района Архангельской области.
Сыркова Галина Ивановна, 1934 г. р., д. Заакакурье Мезенского района Архангельской области.

Petrov D.D. Votive crosses of Leshukonye.

Article includes fieldwork data of Northern Russian expedition of Lomonosov MSU ethnology department collected in Leshukonskoye district, Arkhangelsk oblast in 2010. Fieldwork results from Leshukonskoye and Meze district (2013) are compared with data and conclusions of previous researchers on sacral geography of Russian North. Author considers a number of aspects of votive cross worshipping, which haven't attracted enough attention before. During research it became clear that votive cross cult connected with sacred waters veneration. There are also evidences of mostly «complex» character of local sacred places. Author discloses «contradiction» in the custom of «votive inviolability» and attempts to move forward to knowing of the «vote» as a phenomenon of Northern spiritual life.

Key words: Russian North, sacral geography, votive crosses, sacred natural sites, sacred places, spiritual culture, folk religion.

УДК 392.9

© Ю.М. Черноокая

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЛДАТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВЕРБАЛЬНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ КОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛОРУССИИ)

В данной статье рассматриваются дембельский и солдатский альбомы как специальный фольклорный текст (в семиотическом понимании), представленный в визуальном и вербальном кодах. Посредством названных кодов на страницах альбомов выражается солдатское мироощущение, раскрываются особенности восприятия действительности. Как показало исследование, все это воздействует на конструирование солдатской идентичности, на соответствующий социализационно-интеграционный процесс.

Ключевые слова: письменный фольклор, альбом, солдат, вербальный и визуальный коды.

Альбомная словесность – одна из основных форм современного письменного фольклора – разнообразна и в целом практически не изучена белорусскими учеными. Данная статья построена на материалах, собранных автором. Объектом данного исследования являются рукописные солдатские и дембельские альбомы, владельцами которых являются жители Белоруссии. В теоретико-методологическом плане я опираюсь на наработки современных российских исследователей, в частности М.Л. Лурье, М.В. Калашниковой, С.Ю. Неклюдова, В.В. Головина, Е.В. Кулешова, К.Л. Банникова, А.В. Чекановой.

Специфика альбома как особой формы рукописного фольклора неоднократно отмечалась рядом исследователей, несмотря на это все выработанные дефиниции базировались только на отдельных признаках альбома (в первую очередь, половозрастной среде бытования, полижанровости). Определение термина «альбом» давалось такими учеными, как В.П. Аникин, С.Б. Борисов, М.В. Калашникова и др. Нужно согласиться с М.В. Калашниковой, которая трактует альбом не как собрание случайных текстов, а как целостный текст, обладающий определенной структурой и отличающийся особой поэтикой. Он функционирует в специфической культурной среде и отражает мировосприятие представителей данной субкультуры. Альбом выполняет ряд функций, которые связаны с художественным самовыражением составителя, его социализацией в группе (Калашникова 2004: 25). А.В. Чеканова предложила универсальную дефиницию для всех разновидностей альбома (солдатский, девичий, тюремный): альбом – рукописный сборник, представляющий собой комплекс вербальных и невербальных составляющих. Он обладает качествами полижанровости (присутствие в составе альбома текстов различных жанров и форм), синкретичности (взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов), коммуникативности (установка на создание диалогового пространства между читающим альбом и пишущим в него), лиричности (сосредоточенность на выражении чувств и эстетических пристрастий пишущего) (Чеканова 2006: 20).

Черноокая Юлия Михайловна – студентка V курса Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Эл. почта: juliya_che@mail.ru.

Альбом – основная форма фиксации фольклора военнослужащих. Несмотря на общность терминологии, считаю необходимым различать солдатский и дембельский альбомы. Такого же мнения придерживаются Ж.В. Кормина, А.С. Каргин, М.Л. Лурье, А.В. Чеканова, которые подчеркивают важность разграничения этих альбомных разновидностей. Дембельский альбом – альбом фотографий, где письменные тексты выполняют лишь роль комментария к визуальному ряду. Он готовится непосредственно к окончанию службы и, в отличие от блокнота, имеет большой формат и торжественный вид (Чеканова 2006: 23). Дембельский альбом тщательно украшается. При этом используются не только фотографии и рисунки, но и вещественные знаки принадлежности к армейскому миру: автоматные гильзы, шинельное сукно, разнообразие значки и т.д. Дембельский альбом содержит минимальное количество вербальных текстов из тех, которые встречаются на страницах солдатских альбомов, что позволяет ученым называть солдатский альбом «черновиком» для дембельского (Калашникова 2004: 47). Вместе с тем, солдатский альбом – не просто «черновик» дембельского альбома, как справедливо отметила А.В. Чеканова, их отличает сама позиция составляющих: в первом случае это «разглядывание» службы изнутри, ее осмысление, во втором – уже со стороны, с высоты двух (полтора) лет (Чеканова 2006: 23). Значимость и знаковость дембельского альбома, по сравнению с солдатским, настолько высоки, насколько сам «дед» в армейской иерархии выше «духа». Дембельский альбом служит маркером причастности солдата к армейскому миру и направлен не столько на «внутреннюю» часть коллектива, сколько на «гражданку», является своеобразным оформлением перехода «деда» в другой, неармейский мир.

Солдатский альбом представляет собой рукописный сборник текстов армейского фольклора (стихи, афоризмы, песни), составление которого начинается уже после первого полугодия службы (когда солдат переходит из низшей ступени иерархии на более высокую и получает право распоряжаться своим свободным временем). Некоторые исследователи, в частности А.Н. Чеканова, М.В. Калашникова, М.Л. Лурье и др., солдатские альбомы дефинируют в соответствии с выбором военнослужащими материального носителя фиксации фольклора – блокнот, записная книжка – поэтому среди ученых нет строго определенной дефиниции этого фольклорного факта. Данный тезис можно подтвердить следующим высказыванием М.В. Калашниковой: «Записная книжка курсанта или солдата срочной службы может напоминать альбом, поскольку, помимо сугубо деловых записей (расписания занятий, домашних заданий, записей дневникового характера), иногда содержит тексты, характерные для альбомной традиции. Важным при разведении явлений альбома и записной книжки является признак функциональный: записная книжка не создается для того, чтобы быть представленной какому-либо другому лицу. В альбоме (солдатском блокноте) эта функция прямо декларируется» (Калашникова 2004: 47–48). М.Л. Лурье определяет солдатский альбом как «небольшие блокноты или записные книжки, что обусловлено необходимостью прятать их от прапорщиков и офицеров» (Лурье 2008: 158). В этой же работе альбом исследователь определяет как «небольшую записную книжку, которую удобно носить в карманах форменной одежды. Обычно она имеет алфавитные отметки на краях страниц, то есть рассчитана на запись адресов, однако алфавитный порядок не используется, так как основная часть блокнота отведена под рукописный сборник стихов. Вместо этого адреса родных, друзей и будущих работодателей помещаются в самом конце, реже в начале» (Лурье 2008: 28). Таким образом, многие ученые не разграничивают понятия «альбом», «блокнот», «записная книжка».

На основании приведенных наблюдений, я определяю альбом как структурированный в соответствии с определенными жанровыми законами текст (в семиотическом значении), который в вербальном и визуальном кодах, с одной стороны, транслирует, а с другой – моделирует картину мира соответствующей субкультуры и имеет письменную форму. Соответственно солдатский альбом – это своеобразный гипертекст, который включает в себя блокнот, записную книжку, изредка тетрадь с деловыми записями и является маркером принадлежности юноши к армейской среде, средством адаптации внутри коллектива. Поскольку дембельский альбом является своеобразной выжимкой из солдатского альбома, тексты дембельского альбома также выступают предметом моего исследовательского интереса. Вербальные тексты солдатского альбома находят свое воплощение в визуальных текстах дембельского альбома, образуя с ними единое целое. Учет этой «симбиотичной», взаимодополняемой функциональности позволяет более полно изучить механизмы трансляции солдатского мироощущения, которая происходит с помощью вербального и визуального кодов.

Изменения, произошедшие в последние десятилетия в экономической, социальной и технической сферах, обусловили серьезные сдвиги в культурных основах современного общества. Появилась новая платформа взаимодействия людей – всемирная компьютерная сеть Интернет – платформа, где сосуществуют различные субкультуры, фольклор которых подан в непривычной до недавнего времени, «постфольклорной» (Неклюдов 2014) форме – электронной. Специфика электронного альбома заключается в том, что исчезают границы между солдатским и дембельскими альбомами. Фиксируя вербальный или визуальный тексты военной тематики на своей странице в социальной сети или в специальной тематической группе, солдат «презентует» себя в мире «гражданки» как члена армейской общности (такая прагматика ранее была присуща только дембельскому альбому). Через вербальные и визуальные тексты (после «визуального поворота» память все сильнее опирается на зрительные образы) в электронных альбомах солдат осмысливает все новое (для него), что присуще военной среде, выражает свое отношение к нему (это характерно для прагматики солдатского альбома). Виртуальный альбом сегодня становится основной формой бытования фольклора военнослужащих.

Следует также отметить, что ведение как рукописного, так и виртуального альбома обусловлено многими факторами: традиция части, отношение к данной традиции непосредственно старослужащих, отношение к названному феномену культуры самого солдата. Некоторые исследователи, в частности В.В. Головин, М.Л. Лурье, Е.В. Кулешов, отмечают, что «ведение блокнота, так же, как и изготовление альбома, обязательно для каждого солдата или курсанта и идентифицирует его как члена общности; соответственно, пренебрежение этой традицией воспринимается как вызов сложившимся в армейской среде обычаям и возможно только как выражение сознательного протеста против диктата этих обычаев, справедливо ассоциирующихся с “духом армии”» (Головин и др. 2003: 218). По сведениям информантов, не все срочники вели солдатский альбом. Это как раз было обусловлено именно традицией части. Что касается виртуального альбома, то тут большую роль играло личное отношение солдата к общению посредством информационных технологий. Обязательным является скорее изготовление дембельского альбома.

Как показывает анализ собранных мною альбомов, картина мира, которая репре-

зентируется армейским фольклором, бытовой семиотикой и неофициальной ритуалистикой, во многом организуется тремя базовыми идеологемами. Это, во-первых, противопоставление армейской службы и гражданской жизни. Во-вторых, оппозиционность субкультурной традиции солдатского общества по отношению к системе уставных положений. В-третьих, представление о срочной службе как о действующем институте социополовой инициации (Головин и др. 2003: 187). Все эти обстоятельства непосредственно отразились как на тематике текстов, так и рисунков солдатских и дембельских альбомов. Попытка конструирования солдатской идентичности непосредственно связана с рассмотренными ниже ее аспектами.

Особенности армейского мировосприятия

Оценочная направленность текстов, отражающих армейскую жизнь, характеризуется амбивалентностью. Официально-пропагандистские клише, представляющие армейскую службу как «почетную обязанность» и акцентирующие внимание на общественной значимости солдатской миссии, могут как полностью приниматься (рис. 1). *Лишь тот достоин уваженья // Кто службу в армии познал // Кто долю юности счастливой // Вдали от дома потерял* (ПМА: Усов), так и полностью опровергаться армейским фольклором (рис. 2). *Так хотел обуть я боты // Стать солдатом, мужиком // Как попал сюда я понял // Наша армия д у р д о м* (ПМА: Швед); *Отслужил – гордись. // Откосил – радуйся. // Идешь служить – вешайся* (ПМА: Демидюк).

На протяжении всей службы в армии солдата сопровождают различные трудности, о чем непосредственно говорится в произведениях армейского фольклора. Испытания, выпавшие на долю служащего, позволяют лучше осмыслить такие общечеловеческие ценности, как свободу и родительскую любовь (рис. 3): *Я не забуду эти годы // И цвет казарменной стены // Кто не терял хоть раз свободы // Тот не поймет ее цены* (ПМА: Демидюк); *Любите мать, любите как свободу // Любите больше чем себя // Она нам жизнь дала и воспитала // Любите мать она у нас одна; Лишь когда я стал солдатом // Я до конца сумел понять // Как много значит для меня // Родной отец, родная мать* (ПМА: Вольф).

Жизнь и солдатский быт в армии

Уроки армейской службы тяжелы. Преодоление возникающих трудностей, противостояние личности солдата несправедливостям окружения – лейтмотивы армейской афористики. Соответственно вырисовывается и образ лирического героя: он – постоянная жертва, объект инициации. Период службы (начиная с момента получения повестки) характеризуется «тотальным произволом» со стороны офицеров, «дедов», военкомата, который осудил юношу на пребывание вне «нормальной» жизни. Характерно, что при описании момента призыва особенно подчеркивается беспомощность лирического героя (рис. 4, 5): *Я жил спокойно вдруг повестка // Прощай друзья прощай невеста // Я еду в дальние края // Где водку пьют лишь дембеля* (ПМА: Вольф).

Ощущение собственного бессилия не оставляет солдата и во время службы: он не может влиять ни на что, его активность – никчемная: *Будешь искать правду в*

армии, // *Найдешь наряд вне очереди* (ПМА: Демидюк). Время армейской службы заполнено бессмысленной деятельностью (рис. 6). *Армия – это такое место, // где ничего не делают, // и без дела не сидят!* (ПМА: Усов), и основное желание солдата заключается в том, чтобы это время пролетело как можно скорей. Поэтому важным для армейской афористики является мотив сна (рис. 7): *Солдат спит // Служба идет* (ПМА: Вольф); *Солдат запомни // И передай другому // Чем больше спишь // Тем ближе к дому* (ПМА: Демидюк).

Неизбежный ход времени мотивирует и позитивные изменения: срок службы проживается как отдельная жизнь, где есть свои «рождение» и «смерть» (эти состояния соответствуют статусам «духов» и «дембелей») (рис. 8): *Я «салага», ну и пусть // Разгоню тоску и грусть // Вот придет приказ весной // И я стану «молодой» // Вот и осень подойдет // И опять приказ придет // Снег ложится за окном // Становлюсь я «черпаком» // Ходит ветер иногда // И опять весна пришла // За весной и лето следом // Станут звать меня все «дедом» // Лето жаркое пройдет // И не тягот не забот // Ждем пока придет приказ // Чтоб уволиться в запас* (ПМА: Вольф).

Интересно характеризуют солдата и тексты, составленные на основе двухчастных местоименно-соотносительных конструкций «кто не..., тот не...» (Лурье 2003). Синтаксис данных высказываний соответствует их основному назначению – обозначить границы престижной группы в обществе и идентифицировать себя как ее члена, при этом отгородиться от «профанного мира» (рис. 8): *Не тот орел // Кто с девушкой в постели // А тот, кто в сапогах // И в серенькой шинели* (ПМА: Демидюк); *Кто не слышал тревоги // Не хватал на ходу автомат // Не топтал сапогами дорогу // Тот не может сказать «Я солдат»* (ПМА: Вольф).

Особенную роль в этих своеобразных иницирующих текстах играют те, в которых срочная служба показана не просто как особый и важный жизненный опыт, но и как условие приобретения некоторых гендерных качеств (Лурье 2003) (рис. 9): *Кто не был солдатом, // Кто пыль не глотал // Кто в дождь и метель // На плацу не стоял // Он разве мужчина? // Он жизни не знал // Спокойно под маминым // Крылышком спал!..* (ПМА: Демидюк).

Женщина и любовь в жизни солдата

«Женская тема» – единственная из неармейских, «общечеловеческих» тем, которая активно разрабатывается в армейской афористике. Несомненно, женский образ исключительно важный для армейской картины мира, является ее неотъемной частью. Специфика разработки женского образа также выполняет по отношению к лирическому герою идентифицирующую функцию. При этом парадоксально сочетаются преувеличенные циничные отношения к женщине с трепетно-романтичными: очевидно, что первый вариант реализует стереотипы «гусарского» поведения, второй – конструирует идеализированный образ юноши, вынужденного жить далеко от своей возлюбленной (Лурье 2003). Женщина в «гусарских» текстах предстает развращенным и непостоянным существом (рис. 10): *Девушка – это костер, чтобы он не погас, // В него надо подбросить пару палок* (ПМА: Демидюк); *Девушка как консервная банка // Вскрывает один, а пользуются все* (ПМА: Усов).

Женская развращенность, с одной стороны, принимается в армейском фольклоре за абсолютную догму, с другой – поведение девушки оценивается неоднозначно. Из-

мена любимой вызывает презрение: *Меня ты обещала ждать // Свои глаза слезами заливая // Тебе бы по еб...у дать // Моими сапогами!* (ПМА: Демидюк). В то же время девушка – один из центральных образов «условной утопической гражданки» (Калашникова 2008: 20): именно мотив женской развращенности придает этой утопии ярко выраженный эротичный оттенок (рис. 11): *Девушка – это золото, а что за // Золото без пробы* (ПМА: Усов); *Девушка – это звезда, // А звезды хороши только ночью* (ПМА: Швед). В текстах, где речь ведется о любимой солдата, которая осталась на «гражданке», то же презрение сочетается с трагическим подтекстом: лирический герой абсолютно не верит в верность своей девушки: *Повесть: парень повстречал девушку. Роман: они любили друг друга. Драма: парень ушел в армию. Сказка: девушка ждала парня* (ПМА: Вольф); *Девушка ждет солдата ровно столько, сколько ей нужно времени что бы найти нового парня, солдату этого времени не хватит даже на то, чтобы подииться...* (ПМА: Демидюк). Но есть и исключения, где образ верной девушки возвышенный, романтический (рис. 12): *Девчонку ту, что в дни разлуки // Сумела верность сохранить // И не ушла в другие руки // Достоиню буду я любить* (ПМА: Швед); *Не грусти любимая о моей судьбе // Отслужу я в армии и вернусь к тебе* (ПМА: Усов).

Взаимоотношения со старшими по званию и с «дедами»

В вербальных и визуальных текстах данной группы показан так называемый «неуставняк» – неуставные отношения между «дедами», офицерами, прапорщиками и солдатами – «антиповедение как субкультурная норма» (Головин и др. 2003: 198). Так, «деды», офицеры, прапорщики обычно в солдатских текстах маркируются знаком «минус», представляются как отрицательные персонажи. Это обусловлено так называемой «дедовщиной» – иерархической системой субкультурной группы, в которой положение солдат определяется согласно тому, сколько времени он уже прослужил: *Только в армии молодые // хотят поскорее стать стариками* (ПМА: Вольф). В таких текстах критикуется устав, который часто не действует в повседневной армейской жизни (рис. 13). *Самая сексуальная книга – это устав // Еб...т на каждой странице* (ПМА: Усов), некоторые армейские клише (рис. 14). *Старшина мне мать родная // Прапор нам отец родной // Нах.. мне родня такая // Лучшие буду сиротой* (ПМА: Демидюк), неуставные взаимоотношения (рис. 15). *Кто не служил // Тому не понять // Как хочет солдат // Сержанту въеб...ть; Ночью дух под одеялом // Точит шоколадку с салом // Лучшие ночью отожрусь // С дедом я не поделюсь* (ПМА: Демидюк); *Здесь могут нас назвать собакой // Презрев достоинство и честь, // А мы пошлем всех гордо нах..., // И как всегда ответим ЕСТЬ!!!* (ПМА: Усов).

Неуставная иерархическая система армии и связанные с ней атрибуты, ритуалистика, лексика основаны на идее постепенного движения солдата срочной службы от момента призыва в армию до увольнения в запас. С увеличением срока службы и сокращением отрезка времени, который остался до демобилизации, возрастает иерархический статус солдата, что сопровождается увеличением его прав и уменьшением количества его обязанностей. Весь срок службы, согласно «неуставняку», ранее делился на четыре основных периода, которые отмежевывались друг от друга моментами выхода очередного Приказа Президента РФ «Об увольнении в запас военнослужащих срочной военной службы и резервистов и призыве граждан

на срочную военную службу, службу в резерве», издающийся два раза в год. С сокращением длительности срочной службы (с двух до полутора лет) соответственно уменьшилось количество периодов (три основных периода, несколько подпериодов):

- солдаты, которые служат первые полгода (от призыва до первого приказа): *духи, душманы, салаги, сланы, маладые, зеленки*;
- солдаты, которые еще не приняли присягу: *запахи*;
- солдаты, которые служат вторые полгода (от первого до второго приказа): *черепа, черпаки, сланы, гуси, фазаны, пупки*;
- солдаты, «дембеля» которых уже уволили, а «маладые» еще не пришли: *ежары, катлы, паддухи, тупарылые, развадящие*;
- солдаты, которые служат от года до полутора (до приказа о своем увольнении): *деды (дедушки), старики*;
- солдаты, которым до увольнения осталось сто дней: *гражданские, дембеля*.

Приведенная периодизация непосредственным образом влияет на идентификацию и, соответственно, на картину мира солдат, что отчетливо проявляется в вербальном и визуальном кодах. Изменение указанных статусов мотивирует соответствующие сдвиги в солдатской картине мира (рис. 8). Служащий, согласно этим мировоззренческим изменениям, корректирует свой кодекс поведения, в частности манеру одеваться (рис. 16), соответствующим образом строить коммуникацию с сослуживцами и начальниками. К.Л. Банников отмечает: «Дедовщина как саморазвивающаяся и живая система основана как раз на идее перехода человека из «ничто» в «нечто», воплощенной переходной обрядностью. Принявший условия дедовщины может быть уверен, что завтра его статус будет выше, чем сегодня. Не принявший – таких гарантий не имеет» (Банников 2014).

Дембель

Демобилизация – та заветная ступень, в ожидании которой находится каждый солдат с самого начала службы. Аббревиатура ДМБ является известной и даже в определенном смысле сакральной для каждого солдата (рис. 17): *Ты верь солдат, взойдет она // Звезда пленительного счастья // Мы крикнем «Дембель» и тогда // Заплачут девушки от счастья // Казармы рухнут и у входа // Нас встретит радостно свобода // И на обломках КПП // Напишем буквы: // ДМБ* (ПМА: Вольф).

Обязательным «атрибутом» «утопической гражданки» (Калашникова 2004: 20) являются девушки, друзья, спиртное (рис. 18): *Если только я дождусь // Той родной гражданки // Обязательно напьюсь // С трехлитровой банки* (ПМА: Демидюк).

Дембельский поезд – один из наиважнейших элементов неуставной эмблематики, которая непосредственно символизирует возвращение солдата со службы на «гражданку» (рис. 19): *И вот 1,5 года позади // И поезд мчится вдаль // Друзья, гражданка впереди // А в памяти печаль* (ПМА: Усов).

В заключение отметим, что дембельский и солдатский альбомы вместе образуют структурированный в соответствии с определенными жанровыми законами специальный фольклорный текст (в семиотическом понимании), представленный в визуальном и вербальном кодах. В этих кодах моделируются представления о сложностях армейской жизни, назначении армейской службы, ее уроках, раскрываются темы солдата-жертвы, его бессилие и, вместе с тем, вовлеченность в престижную

группу, противоположную «профанному миру», актуализируется тема любви и отношений с девушками, выявляются неуставные отношения и предвкушение демобилизации. Таким образом, посредством названных кодов на страницах альбомов, впитывающих и аккумулирующих различные культурные паттерны, смыслы, представления, в том числе отраженные в некоторых жанрах традиционного фольклора, выражается солдатское мироощущение, раскрываются особенности восприятия действительности. При этом происходит как аккумуляция образов и ценностей более широкого социального масштаба, так и их переоценка, трансформация. Все это воздействует на конструирование солдатской идентичности, на соответствующий социализационно-интеграционный процесс – рассмотренные коды в синхронии и диахронии фиксируют, сохраняют и транслируют смыслы, образцы, представления, ценности, сложившиеся в солдатской среде.

Рис. 1. Из альбома Евгения Васильевича Василюка (Личный архив автора)

Рис. 2. Из альбома Виктора Владимировича Мазука (Личный архив автора)

Рис. 3. Из альбома Валерия Сергеевича Михалика (Личный архив автора)

Рис. 4. Из альбома Геннадия Михайловича Кендыся (Личный архив автора)

Рис. 5. Из альбома Виктора Владимировича Мазурука (Личный архив автора)

Рис. 6. Из альбома Николая Алексеевича Брухана (Личный архив автора)

Рис. 7. Из альбома Валерия Николаевича Вольфа (Личный архив автора)

Рис. 8. Из альбома Виктора Сергеевича Кухты (Личный архив автора)

Рис. 9. Из альбома Геннадия Михайловича Кендыся (Личный архив автора)

Рис. 10. Из альбома Виктора Владимировича Мазурука (Личный архив автора)

Рис. 11. Из альбома Николая Алексеевича Брухана (Личный архив автора)

Рис. 12. Из альбома Виктора Владимировича Мазурука (Личный архив автора)

Рис. 13. Из альбома Виктора Владимировича Мазурука (Личный архив автора)

Рис. 14. Из альбома Виктора Владимировича Мазурука (Личный архив автора)

Рис. 15. Из альбома Геннадия Михайловича Кендыся (Личный архив автора)

Рис. 16. Из альбома Юрия Александровича Вронского (Личный архив автора)

Рис. 17. Из альбома Валерия Николаевича Вольфа (Личный архив автора)

Рис. 18. Из альбома Виктора Владимировича Мазурука (Личный архив автора)

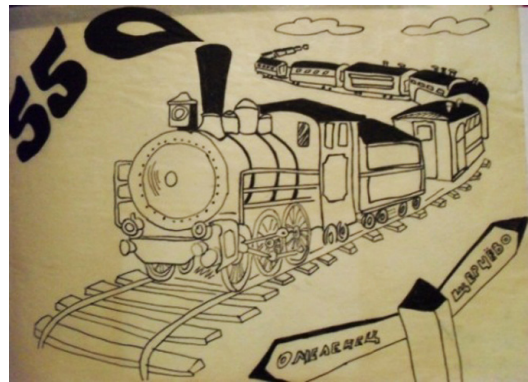

Рис. 19. Из альбома Николая Алексеевича Брухана (Личный архив автора)

Источники и литература

- Банников – Банников К.Л. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии / Интернет ресурс: <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/bannikov-01-antropolog.shtml>. Дата обращения: декабрь 2014.
- Головин и др. – Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. Сб. научн. ст. / отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 186–230.
- Калашикова 2004 – Калашикова М.В. Современный альбом: Типология, поэтика, функции. Дисс... к. филол. н. Тверь, 2004. 265 с.
- Лурье 2008 – Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из собрания «Боян» Андрея Бройдо, Джаны Кутьиной и Якова Бройдо) / сост. и ред. М.Л. Лурье. М.: ОГИ, 2008. 568 с.
- Неклюдов – Неклюдов С.Ю. Несколько слов о «постфольклоре» / Интернет ресурс: RUTHENIA: <http://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm>. Дата обращения: декабрь 2014.
- ПМА – Полевые материалы автора, собранные на протяжении 2009–2014 гг. на территории Брестчины (Белоруссия). Информанты – Вольф В.Н., 1980 г. р.; Демидюк Д.Д., 1986 г. р.; Кендысь Г.М., 1971 г. р.; Михалик В.С., 1961 г. р.; Усов А.С., 1986 г. р.; Швед И.В., 1968 г. р.; Василюк Е.В., 1952 г. р.; Мазурук В.В., 1973 г. р.; Брухан Н.А., 1975 г. р.; Кухта В.С., 1961 г. р.; Вронский Ю.А., 1980 г. р.

Чеканова 2006 – Чеканова А.В. Рукописный девичий альбом: Традиция, стилистика, жанровый состав. Дисс... к. филол. н. М., 2006. 192 с.

Chernookaya Yu.M. Construction of soldier identity by means of the verbal and visual codes (on the materials of Belorussia).

This article discusses dembelsky and soldiers' albums as a special folklore text (in the semiotic sense), which is presented in visual and verbal codes. Through the mentioned codes there are soldiers' attitude expressed and the peculiarities of perception of reality are described. As the research showed all these affect formation of soldier's identity and the appropriate socialization-integration process.

Key words: *written folklore, album, soldier, verbal and visual codes.*

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 394.9

© Д.Д. Тумаркин

КОНДОМИНИУМ ИЛИ ПАННДЕМОНИУМ?
СОВЕТСКИЕ ЭТНОГРАФЫ НА ОСТРОВЕ ЭФАТЕ

Часть I

В статье рассказывается о посещении в 1971 г. группой советских этнографов меланезийского острова Эфате (архипелаг Новые Гебриды). Рассмотрено соотношение традиционных и «западных» черт местной культуры, функционирование англо-французского кондоминиума на Новых Гебридах, развитие национально-освободительного движения на этом архипелаге.

Ключевые слова: история и этнография Меланезии, остров Эфате.

В 1971 г. состоялся 6-й рейс научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев», в котором участвовала группа этнографов. Это был первый экспедиционный выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Миклухо-Маклая. Кульминацией рейса – не только для этнографического отряда, но и для экспедиции в целом – стала высадка в новогвинейской деревне Бонгу, увековеченной в трудах Миклухо-Маклая (*На Берегу Маклая* 1985).

Мне уже довелось рассказать о предыстории этого рейса, его маршруте и составе этнографического отряда (Тумаркин 1972: 120–128, 2013: 285–324). В первом номере «Вестника антропологии» опубликована моя статья об одном из эпизодов экспедиции – посещении микронезийского атолла Фунафути (Тумаркин 2014: 179–198). Нынешняя статья посвящена пребыванию советских этнографов на меланезийском острове Эфате. Как и предыдущая, она основана на публикациях участников экспедиции, но прежде всего на моих неопубликованных полевых материалах.

Исторический экскурс

Остров Эфате расположен в центральной части меланезийского архипелага Новые Гебриды, который состоит из более чем 80 больших и малых островов. Площадь Эфате – 899,5 кв.км. Подобно подавляющему большинству островов этого архипелага Эфате – гористый остров вулканического происхождения. Горы покрыты влажными лесами. Вдоль берегов остров опоясывает узкая низменность. Здесь, а также в предгорьях расположены деревни аборигенов и поселки европейцев. Город Вила, который располагает хорошей гаванью, способной принимать большие морские суда, находится в южной части острова.

Открытие островов этого архипелага европейцами растянулось почти на два столе-

тия. В 1606 г. сюда проникли корабли португальского навигатора П.Ф. Кироза, находившегося на испанской службе. Он обнаружил остров, который назвал Землей Святого Духа (Эспириту-Санто) и принял за часть гипотетического Южного материка. Поиски Земли Святого Духа развернулись в середине XVIII в., в период обострения англо-французского соперничества, проявлявшегося в борьбе за господство в Южных морях. В 1768 г. французский мореплаватель Л.А. Бугенвиль подошел к Земле Святого Духа, убедился, что она не является частью материка, а омывается со всех сторон океаном, и открыл четыре небольших острова в северной части архипелага. Через шесть лет прославленный английский мореплаватель Дж. Кук, продолжив изыскания Бугенвиля, прошел вдоль всего архипелага, открыл множество островов в центральной и южной части, в том числе Амбрим

Рис. 1. Обитатели острова Амбрим в традиционном наряде (Фото Ж. и П. Эсно / *New Hebrides*, 1870: 92).

и Эфате, и назвал эту островную группу Новыми Гебридами. В открытие и исследование архипелага внес вклад русский мореплаватель-кругосветник В.М. Головнин, который, побывав в 1809 г. на острове Танна, дополнил сведения, собранные Куком и его спутниками (*Свет* 1966: 95–98, 156, 222).

Ко времени появления на Новых Гебридах европейцев островитяне находились на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества. Далеко зашла социальная дифференциация, существовали деревенские и племенные вожди, кое-где ставшие уже наследственными. Рядовые общинники выполняли различные повинности в пользу вождей (*Пучков* 1968: 80–82).

Регулярные посещения Новых Гебрид чужеземцами начались в 30-х годах XIX века. Первоначально это были европейские и американские китобои, заходившие в защищенные от ветров естественные гавани для отдыха, пополнения запасов пресной воды и продовольствия. Для обслуживания китобоев в деревнях, расположенных вблизи от этих гаваней, поселились английские и французские торговцы, ремесленники, трактирщики, содержатели борделей и т.д. Постепенно эти деревни превращались в поселки, со смешанным населением, а на Эфате деревня Вила в бухте Меле – главной гавани архипелага – к началу XX века стала небольшим городом Порт-Вила (теперь Вила), по населению и архитектуре преимущественно европейским.

Иностранные моряки и торговцы познакомили новоггебридцев с такими «благами» западной цивилизации, как алкогольные напитки, венерические и другие остро-заразные болезни, прежде отсутствовавшие на островах, а также с огнестрельным

оружием. В 1768 г. французский мореплаватель Л.А. Бугенвиль подошел к Земле Святого Духа, убедился, что она не является частью материка, а омывается со всех сторон океаном, и открыл четыре небольших острова в северной части архипелага. Через шесть лет прославленный английский мореплаватель Дж. Кук, продолжив изыскания Бугенвиля, прошел вдоль всего архипелага, открыл множество островов в центральной и южной части, в том числе Амбрим

оружием. Распространение последнего по островам архипелага сделало межплеменные войны гораздо более кровопролитными.

Вслед за китобоями, моряками и торговцами на Новые Гебриды устремились английские протестантские миссионеры. Первые их попытки обосноваться на островах были неудачными. Более того, несколько проповедников и их помощников были убиты в отместку за злодеяния других белых людей. Но к середине XIX века миссионеры-протестанты сумели закрепиться на нескольких островах архипелага, в том числе на Эфате. Вслед за ними на Новые Гебриды начали проникать католические патеры – посланцы французских миссионерских обществ. На некоторых островах миссионеры обратили в новую веру местных вождей и с их помощью – большинство рядовых общинников. Но христианство было воспринято новогбридцами поверхностно, в соответствии с традиционными представлениями, и уживалось или переплеталось со старыми верованиями. Миссионеры, главным образом

протестантские, сделали немало полезного: пытались защитить свою паству от насилиев со стороны других чужеземных пришельцев, разработали письменность на одном из местных языков, который превратили в *lingua franca*, и использовали буквари и богослужебные тексты на этом языке в открытых ими начальных школах. Но, подрывая веру в старых богов, проповедуя христианство и связанные с ним моральные нормы, рассказывая о преимуществах европейской цивилизации, эти миссионеры – независимо от личных устремлений – подавляли волю к сопротивлению и подготавливали почву для установления колониального режима.

В 1863 г. началась вербовка новогбридцев и обитателей некоторых других островов Меланезии на плантации, созданные на Фиджи и в Квинсленде (северо-восточная Австралия). На деле это было похищение островитян силой или обманом (реже – покупка их у вождей) с целью продажи владельцам плантаций, т.е. едва замаскированная работорговля. До 1880 г. такими методами было «законтрактовано» около 20 тыс. молодых мужчин и юношей – значительная часть мужского населения архипелага (Holthouse 1969; Vanuatu 1980: 26–27).

Большой вклад в борьбу с работорговлей на Тихом океане внес Н.Н. Миклухо-Маклай. В 1879 г. на англо-австралийской торговой шхуне он посетил несколько островов Новогбридского архипелага, в том числе Эфате, где наблюдал за бесчинствами вербовщиков и записывал свидетельства островитян и европейских поселенцев, а по прибытии в Брисбен собрал подробные сведения о положении на квинслендских

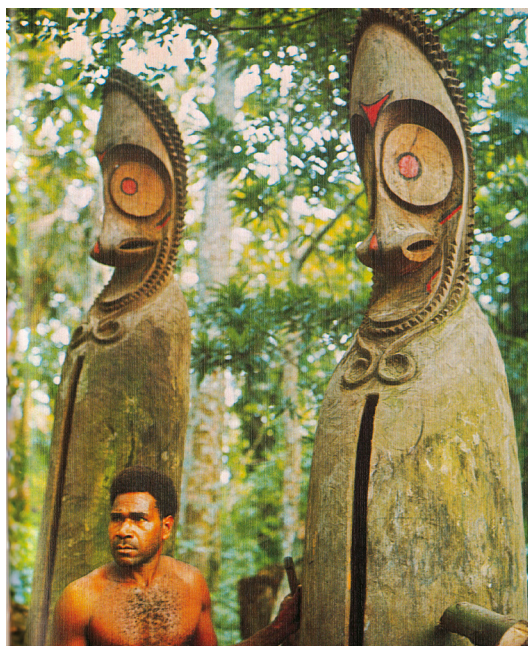

Рис. 2. Ритуальные целевые барабаны, увенчанные антропоморфными украшениями. Остров Амбрим (Фото Ж. и П. Эсно / *New Hebrides* 1870: 95).

сахарных плантациях. Собранные материалы, их оценку и свои предложения Миклухо-Маклай в апреле 1881 г. изложил в открытом письме командующему британскими военно-морскими силами в юго-западной части Тихого океана коммодору Уилсону, который разделял его взгляды по этому вопросу.

Рис. 3. В деревне на острове Эроманга (Фото Ж. и П. Эсно / *New Hebrides* 1870 : 88)

По предложению Уилсона Миклухо-Маклай в октябре того же года подготовил подробную «Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана», которую коммодор вместе со своим рапортом

отправил в Лондон. В результате с «Запиской» ознакомились британские министры и члены правительства, и она была включена в парламентскую публикацию по этому вопросу. Помимо мер, призванных, если не прекратить, то хотя бы ограничить и сделать более «цивилизованной» торговлю людьми на Тихом океане, Миклухо-Маклай рекомендовал заключить международное соглашение, так как «преступные деяния шкиперов, плавающих не под британским флагом», вообще находились вне юрисдикции британских властей. Более того, он предлагал сформировать международные военно-морские силы для защиты островитян, наделенные полномочиями останавливать для досмотра подозрительные суда и в случае обнаружения серьезных нарушений передавать виновных судебным органам. Но в Лондоне и других европейских столицах не прислушались к рекомендациям русского ученого (Миклухо-Маклай 1996: 514–523; Тумаркин 1981: 228–236). Вывоз «законтрактованных» рабочих с Новых Гебрид и других островов Меланезии прекратился только в начале XX века.

Аннексия Фиджи Великобританией в 1874 г. положила начало череде колониальных захватов в южной части Тихого океана. Новые Гебриды занимали стратегически важное положение на морских путях, обладали большими природными ресурсами (ценные породы леса, полезные ископаемые и т.д.) и массивами плодородных земель, пригодных для создания крупных плантаций и скотоводческих хозяйств. Англо-французское соперничество за обладание этим архипелагом началось фактически сразу после открытий, сделанных здесь Бугенвилем и Куком. Со временем оно переместилось со страниц сочинений путешественников и заседаний географических обществ в правительственные канцелярии, стало предметом переговоров между правительствами Франции и Великобритании. Колониальная экспансия этих держав в Африке, Юго-Восточной Азии и некоторых других регионах нередко при-

водила к серьезным конфликтам, угрожавшим войной. На этом фоне, чтобы уменьшить напряженность, английские и французские дипломаты договорились в 1886 г. о компромиссе по новогейбридскому вопросу: обе страны отказались от аннексии этого архипелага и создали объединенную морскую комиссию, в которую вошли командиры нескольких английских и французских военных судов, чтобы сообща отстаивать свои интересы на Новых Гебридах. Фактически с этого времени архипелаг превратился в совместное владение (кондоминиум) двух держав. Чтобы юридически оформить создавшееся положение, Великобритания и Франция подписали в 1906 г. конвенцию о создании кондоминиума на Новых Гебридах.

Согласно конвенции на архипелаге параллельно действовали английские и французские административные органы, возглавляемые двумя резидент-комиссарами, которые сообща решали все важные дела. Филиалы этих административных органов во главе с окружными комиссарами имелись в каждом из четырех округов, на которые были разделены Новые Гебриды. В стране функционировали две судебные системы (для английских и французских подданных), имели хождение две валюты, каждая администрация имела свою полицию, применялись французская (метрическая) и английская системы мер и весов. Официальными языками были объявлены английский и французский; ими должны были владеть все государственные служащие. Но большую роль играл новогейбридский вариант пиджина – *бислама* (от фр. *bichelamar*), на котором общались члены различных племен, а также поселившиеся здесь европейцы с аборигенами.

Дуализм проявлялся и в религиозной сфере: действовали английские протестантские и французские католические миссионерские организации и состоявшие при них школы. И лишь в одной сфере колониальные власти вынуждены были установить единообразие. Как известно, во Франции (и в других европейских странах) принята правосторонняя, а в Англии и связанной с ней Австралии (а также в Японии) – левосторонняя система уличного движения. Чтобы избежать аварийных ситуаций, стороны после жарких дебатов ввели английскую систему.

Коренные жители не получили в кондоминиуме никаких прав. «Туземными делами» занималась особая структура – Объединенная администрация, возглавляемая двумя резидент-комиссарами и состоявшая из французских и британских чиновников. При ней действовал специальный суд, в компетенцию которого входили споры между коренными и некоренными жителями, а также преступления, совершенные островитянами против чужеземцев.

Как отмечали исследователи и публицисты, изучавшие колониальную политику европейских держав в Меланезии, на Новых Гебридах кондоминиум – единственный во всем мире – оказался менее эффективной и притом еще более неприемлемой для островитян формой организации власти, чем управление, осуществляемое одной державой (*Deschamps, Guiart 1957*). В делах царил неразбериха. Для решения любого, даже незначительного вопроса требовались многочисленные согласования, отнимавшие уйму времени. Чиновники двух держав нередко враждовали и перекладывали друг на друга заботы о строительстве дорог, развитии просвещения и здравоохранения. Один журналист в шутку сравнил кондоминиум с пандемониумом (адом крошечным). Эта шутка получила широкое распространение и, как я убедился при посещении Эфате в 1971 г., термин «пандемониум» вошел в местный политический лексикон, причем его употребляли как колониальные чиновники (разумеется, в неофициальной обстановке), так и лидеры разгоравшегося национально-освободительного движения.

Установление кондоминиума вызвало приток на Новые Гебриды английских и французских любителей легкой наживы, так как их жизнь и собственность там были теперь более надежно защищены. Власти кондоминиума не ввели запрет на отчуждение земель у коренного населения и, контролируя этот процесс, создали режим наибольшего благоприятствования для подданных «своих» государств. В результате более половины плодородных земель и огромные лесные массивы были скуплены за бесценок спекулянтами, связанными с колониальными чиновниками, и затем, поделенные на участки, выгодно перепроданы плантационным, скотоводческим, лесоторговым и горнопромышленным компаниям, а также отдельным колонистам. Особенно «прославился» некий Дж. Хиггинсон, англичанин с французским паспортом, который, не гнушаясь спаиванием вождей и различными мошенническими уловками, сумел захватить около 300 тыс. га земли, которую сбыв пяти тысячам юридических и физических лиц.

Коренные жители архипелага, оказавшиеся «чужими» в своей стране, в большинстве своем продолжали вести полунатуральное хозяйство. Они добывали деньги для уплаты налогов и покупки металлических орудий труда, отдельных предметов одежды из хлопчатобумажных тканей и т.д., главным образом продажей скупщикам копры (сушеной мякоти кокосовых орехов). Расхищение земель вызывало возмущение островитян и спровоцировало активное сопротивление, которое сначала имело стихийный характер, но постепенно приобрело более организованные формы. Идеологическую основу этих

протестных направлений составляли различные варианты *культы карго* – причудливого сочетания своеобразно понятых догматов христианства с традиционным почитанием предков и магическими ритуалами. Основная идея этих культов, которую независимо друг от друга проповедовали лидеры *культистов* (нередко – бывшие помощники миссионеров) заключалась в том, что великие предки посылают с небес своим потомкам материальные блага – *карго* (англ. – корабельный груз), но белые перехватывают эти дары. Вот почему европейцы имеют хорошую пищу и одежду, холодильники, ружья, радиоприемники, автомобили и т.п., а новоггебридцы лишены этих благ. Чтобы получить *карго* (на корабле, самолете или в виде зарытого в землюклада), утверждали предводители культистов, островитяне должны начать кампанию неповиновения колониальным властям, прекратить посещение церквей, отозвать детей

Рис. 4. Английские и французские администраторы и судья Объединенного суда, созданного управляющими державами на Новых Гебридах (Фото Ж. и П. Эсно (*New Hebrides* 1870: 19))

из миссионерских школ и усердно выполнять магические ритуалы. В сходной колониальной ситуации такие протестные движения в конце XIX – первой половине XX века возникали и на некоторых других архипелагах Меланезии, а также на Новой Гвинее (Бутинова 1973: 81–92).

Английских и французских администраторов кондоминиума особенно беспокоило то, что культисты от пассивного неповиновения властям постепенно переходили к активной борьбе с «похитителями карго». Они стали нападать на колонистов и поджигать их имущество. Особенно боевым и массовым было движение Джона Фрума, которое началось в 1940 г. на большом острове Танна, расположенном в южной части Новых Гебрид, и перекинулось на острова Амбрим и Малекула. Это движение было так названо потому, что его участники надеялись получить *карго*, выполняя указания сверхъестественного существа Джона Фрума, имя которого в разные годы приняли четыре их лидера¹. За религиозно-мистической оболочкой скрывалось стремление вернуть захваченные земли, изгнать чужеземных пришельцев и начать новую жизнь, пользуясь материальными благами, прежде доступными только европейцам. Когда надежда получить *карго* с помощью магических ритуалов не оправдалась, участники движения перешли к решительным действиям. Их лидеры, не отменяя ритуалов, начали готовить вооруженное выступление. В конце 1941 г. Япония, вступив в союз с гитлеровской Германией, начала войну на Тихом океане, намереваясь захватить колонии западных держав. Поэтому власти кондоминиума приняли чрезвычайные меры, чтобы не допустить восстания. Лидеры движения были арестованы и заключены в тюрьмы, а одного из них объявили умалишенным и упрятали в психиатрическую лечебницу.

Восстание удалось предотвратить, но в послевоенный период движение вновь активизировалось. Вместе с тем, не отказываясь от религиозно-мистической идеологии движения, его новые лидеры, более молодые и образованные, решили включиться в политическую борьбу, которая развернулась на Новых Гебридах, когда под влиянием демократических перемен во Франции и Великобритании и начавшегося краха колониальной системы в мировом масштабе, власти кондоминиума начали идти на уступки освободительному движению.

В 1957 г. был создан Консультативный совет под председательством двух резидент-комиссаров. В его состав вошли 14 назначенных членов, в том числе 4 от коренного населения. Делая дальнейшие мелкие уступки, власти постепенно увеличивали численность совета и представительство в нем островитян. В 1969 г. число членов совета было доведено до 30, причем 14 стали избираться. По этому закону в совете должны были заседать 12 новогебридцев; половина из них избиралась², остальные – вожди, тесно связанные с администрацией, – назначались резидент-комиссарами. Но функции совета не изменились. Он остался чисто совещательным органом, а потому фактически не имел никаких прав (*New Hebrides* 1977: 20–21).

Известный английский этнограф-океанист П. Уорсли писал, что «главная тенденция в развитии культовых движений заключалась в переходе от апокалиптического мистицизма к светской политической организации, от религиозного культа к политической партии и кооперативам» (Уорсли 1963: 287). Эта тенденция проявилась и на Новых Гебридах. Здесь борьбу за независимость архипелага и его дальнейшее развитие в интересах коренного населения, с должным учетом культурных традиций обитающих тут народов, возглавила группа молодых людей, окончивших миссионерские школы на Новых Гебридах, а затем богословские колледжи в Окленде (Новая Зелан-

дия) и Хониаре (Соломоновы острова). Они оставались верующими людьми и в боль-

Рис. 5. Один из лидеров движения «Джон Фрум» (Vanuatu 1980: 224)

шинстве своем собирались стать англиканскими или пресвитерианскими священнослужителями. Но при этом они были патриотами, националистами в хорошем значении этого термина, а потому решили начать и возглавить борьбу за независимость Новых Гебрид. Эти молодые люди считали культ *карго* глубоким суеверием и договорились вести политическую борьбу такими методами, с которыми они познакомились в Новой Зеландии и Австралии. В 1968 г., перед возвращением на свои острова, группа выпускников двух богословских колледжей, приехавших с Новых Гебрид и других английских колоний в Океании, устроила совещание в Окленде, на котором договорилась об издании журнала на пиджине для пропаганды освободительных идей среди коренного населения региона. Редактором

журнала был выбран У. Лини – неформальный лидер этой группы.

Уолтер Лини (1942–1999) родился в семье вождя невысокого ранга на новогеебридском острове Амбрим. Человек несомненно одаренный, он с отличием окончил начальную и среднюю миссионерские школы, освоил английский язык и был послан в Окленд для подготовки к церковной службе. За три года, проведенные вне Новых Гебрид, он превратился в бескомпромиссного борца с колониализмом. Прослужив в 1969 г. несколько месяцев дьяконом в англиканском кафедральном соборе, он был назначен окружным проповедником. У молодого священника открылись широкие перспективы продвижения в церковной иерархии. Но уже в 1970 г. Лини, сохранив свой сан, перестал заниматься религиозной работой, чтобы полностью сосредоточиться на политической деятельности (Lini 1980: 11–15, 23–24).

В 1969–1971 гг. обстановка на Новых Гебридах начала становиться взрывоопасной, так как именно тогда спекулянты, скупившие огромные земельные массивы, стали широко распродавать их небольшими блоками французским, английским, австралийским и американским компаниям и колонистам. Тысячи островитян, ранее не слышавших о покупке земель или не понимавших смысла этих сделок (по традиционным представлениям земля неотчуждаема), увидели, что рабочие (вьетнамцы и жители других островов Океании), привезенные новыми владельцами, ставят изгороди, обозначающие границы участков. Реакция новогеебридцев была предсказуемой. Усилились все виды протеста и стихийного сопротивления (нападения на колонистов, неповиновение властям, бойкот миссионерских школ и т.д.), активизировалось движение Джон Фрум и

другие традиционалистские движения. Среди них наиболее важную роль предстояло сыграть движению Нагриамель, которое возникло в 1963 г. на большом острове Эспириту-Санто, расположенном в северной части архипелага.

Этим движением руководил Джимми Стивенс – сын шотландца и тонганки, родившийся и выросший на Эспириту-Санто. У Стивенса было немало сторонников на этом острове и прилегающих островах, так как на первых порах он призывал к борьбе за возрождение старинных обычаев и возврат земель, «купленных», но не используемых чужеземцами. Но вскоре выяснилось, что он скорее всего был «засланным казачком», который действовал под контролем французской администрации кондоминиума и крупной французской плантационной компании, предоставившей ему землю для строительства поселка – штаб-квартиры движения. Стивенс устраивал громкие пропагандистские акции, а на деле раскалывал национально-освободительное движение на Новых Гебридах.

Власти кондоминиума, обеспокоенные размахом народного движения, приняли законы, затрудняющие продажу земель и поселение иностранцев на Новых Гебридах, а также обещали разработать программу постепенного увеличения роли коренных жителей в управлении архипелагом. Однако их уступки предотвратили взрыв, но не внесли успокоения. В этой обстановке У. Лини, встречаясь со своими единомышленниками на основных островах, выяснял возможность создания политической партии. В июне 1971 г., за два месяца до захода в Вилу «Дмитрия Менделеева», он с двумя ближайшими соратниками основал Новогебридскую культурную ассоциацию – ядро будущей партии, которая, опираясь на местные традиции и опыт, наработанный национально-освободительными движениями молодых государств «третьего мира», должна была повести обитателей Новых Гебрид по пути независимости. В начале августа 1971 г., когда «Дмитрий Менделеев» стоял у причала в гавани Вилы, там заканчивались последние приготовления к съезду (*New Hebrides* 1977: 23–24; *Lini* 1980: 24–25).

Регулярно читая в спецхране Ленинской библиотеки австралийский журнал «Pacific Islands Monthly», в котором публиковались подробная информация и аналитические статьи о всех океанийских архипелагах, я кое-что знал о развитии событий на Новых Гебридах и деятельности Уолтера Лини. Но когда я уезжал во Владивосток для участия в экспедиции, в библиотеку поступил апрельский выпуск «РІМ», а потому мне не было известно о создании Новогебридской культурной ассоциации. Я очень хотел встретиться с Лини, но это оказалось невозможным.

Приход в Вилу. Встречи с английскими и французскими чиновниками

Посетив после Берега Маклая остров Науру, ставший в 1968 г. независимым государством, «Дмитрий Менделеев» взял курс на Эфате. Накануне высадки в конференц-зале судна состоялось общее собрание, на котором участники экспедиции были ознакомлены с основными особенностями Эфате и других островов архипелага. О природе (климате, рельефе, прибрежных водах и т.д.) сделал сообщение известный геоморфолог проф. О.К. Леонтьев, мне же было поручено рассказать об истории архипелага, административном устройстве и политической обстановке. Я сообщил, что по приблизительным подсчетам население Новых Гебрид составляло тогда 90 тыс. чел., из них 78 тыс. – меланезийцы, говорившие на нескольких де-

сятках языков и диалектов. Полинезийцы, которые обитали на нескольких маленьких островках, насчитывали около 3 тыс. чел. Примерно столько же – европейцы (преимущественно французы и англичане). Остальные – китайцы (торговцы и ремесленники), вьетнамцы, а также жители других островов Океании, привезенные для работы на плантациях и ранчо. Население Эфате достигало 11 тыс. чел. Здесь проживали 2,5 тыс. европейцев. Что же касается административного центра, Вилы, то в нем жили 9 тыс. чел., в том числе 2 тыс. европейцев. Я объяснил, почему кондоминиум нередко называют пандемониумом, и предупредил, что между английскими и французскими чиновниками наблюдаются неприязнь и соперничество, которые порождают сплетни, склоки и взаимную слежку. В заключение коротко рассказал о протестных движениях, подрывающих устои колониального режима на Новых Гебридах. Закрывая собрание, начальник экспедиции А.А. Аксенов предупредил всех, кто съедет на берег, о необходимости – с учетом обстановки – проявлять максимальную бдительность, передвигаться по городу только группами, избегать разговоров на политические темы и т.д.

Утром 29 июля 1971 г. «Дмитрий Менделеев» вошел в залив на южной оконечности Эфате, по берегам которого живописно раскинулась Вила. От припортовой площади улицы уходили полого вверх по склону холма, выше начинались леса. В заливе вблизи от берега располагались три маленьких островка. В бинокль можно было рассмотреть католический собор и пресвитерианскую церковь, здания английской и французской администрации, окруженные тенистыми парками, большой

Рис. 6. Джимми Стивенс – лидер движения «Нагриамель» (Vanuatu 1980 : 181)

отель ультрасовременной постройки с собственным пляжем. В соответствии с международным обычаем на нашем корабле подняты английский и французский флаги. По указанию лоцмана «Дмитрий Менделеев» не пришвартовался к причалу, а бросил вблизи от него якорь. Как объяснил мне один из помощников капитана, так местной полиции легче контролировать контакты прибывших с новогеебридцами. Впрочем, никаких ограничений на высадку нам сообщено не было и после выполнения нескольких таможенных формальностей корабельный катер, спущенный на воду, начал возить на пристань группы моряков и ученых. По протоколу руководству экспедиции надлежало нанести визиты местным правителям. Учитывая двоевластие, Аксенов, взяв с собой меня и несколько ученых-«береговиков», отправился

к английскому резидент-комиссару Ч. Аллену, а капитан М.В. Соболевский с соответствующей свитой – к французскому «боссу» Э. Ланглуа.

Английская резиденция – большое одноэтажное здание, построенное в класси-

ческом колониальном стиле, с опоясывающими террасами и внутренним двориком, находилась в парке. Но с одной стороны к ней примыкала большая тщательно подстриженная лужайка для спортивных игр, как положено в «доброй старой Англии». В «РІМ» я прочитал, что Аллен – высокий мужчина средних лет – в свое время окончил Австралийскую школу тихоокеанской администрации, где много внимания уделяется этнографии (социальной антропологии) народов Океании. Поэтому решил задать ему несколько вопросов о межэтнических отношениях на Новых Гебридах. Но беседа приняла другой оборот.

Узнав от Аксенова, что я руковожу группой этнографов, Аллен обратился ко мне с такими словами: «Не понимаю, что вы будете изучать на Эфате. Здесь мало что сохранилось от самобытной культуры. Иное дело такие острова, как Амбрим или Малекула. Там некоторые племена еще живут по обычаям предков, в традиционных хижинах, носят традиционную одежду, т.е. разгуливают почти нагими». Я не стал отвечать, что мечтаю поработать на таких островах, но пока это невозможно, что этнографы – «бедные родственники» на корабле науки и высаживаются там, где предусмотрено программой преимущественно океанографической экспедиции. Но, не кривя душой, сказал, что я и мои коллеги хотели бы ознакомиться на Эфате с «social and cultural change» – с социальными и культурными изменениями, происходящими под натиском западной цивилизации и ее носителей – миссионеров, торговцев, плантаторов и, пардон, администраторов кондоминиума.

Аллен нахмурился: «В Лондоне и Париже разрешили заход вашего судна в Вилу. Я бы этого не допустил. Но со мной и французским резидент-комиссаром не посоветовались. На Новых Гебридах сейчас неспокойно. Европейцы принесли сюда английский и французский языки, христианство, школы, современную технику. Кондоминиум вступил в период быстрых перемен: увеличивается роль аборигенов в управлении архипелагом, ведется большое строительство (половина современных домов в Виле построена за последние шесть лет), через год-два появится телевидение. Но многие новоггебридцы проявляют недовольство. Одни впадают в мистицизм и ждут *карго*. Другие, находящиеся под влиянием левых новозеландских и австралийских интеллектуалов, требуют немедленного предоставления независимости архипелагу, возврата земель, проданных компаниям и переселенцам, изгнания всех крупных земельных собственников-иностранцев. А есть и такие (правда, небольшая группа), кто вообще отвергает капитализм и грезит «меланезийским социализмом». И, обращаясь не только ко мне, но и к Аксенову, Аллен предупредил: «Если нам станет известно, что люди с “Дмитрия Менделеева” ведут политические разговоры с аборигенами и ищут контакты с их лидерами, мы потребуем, чтобы корабль немедленно покинул территориальные воды кондоминиума. А явных агитаторов, если таковые окажутся, закон позволяет задержать и отдать под суд. Пожалуйста, не обижайтесь на меня за это предупреждение. Но известны советские попытки экспорта революции в страны третьего мира. Добросовестных ученых мое предупреждение не касается. Я горячий приверженец развития научных исследований и сам в свободное время веду археологические раскопки на Эфате».

После визита к Аллену Андрей Аркадьевич вызвал меня в свою каюту и, прикрыв дверь, сказал: «Предупреждение, сделанное Алленом, касается главным образом вас. Помню, вы рассказывали о молодом новоггебридском пастыре, который стал чуть ли не революционером... Поймите, вы можете сильно навредить не только себе, но и всей экспедиции». После таких предупреждений я, разумеется, не стал искать

встречи с Уолтером Лини, хотя, как потом выяснилось, он в эти дни находился в Виле, готовя первый съезд своей партии.

На двух островах, Фила и Меле, расположенных в заливе близ Вилы, несколько веков тому назад появились полинезийские «колонии». Один из помощников Аллена мне сказал, что Меле был настолько перенаселен, что его обитатели с разрешения властей перебрались на Эфате и создали прибрежную деревню с тем же названием в предместье Вилы. После обеда, съехав на берег, я взял такси и вместе с И.М. Меликсетовой и Б.Н. Путиловым отправился в Меле, чтобы ознакомиться с этой деревней и определить перспективы ее изучения. Мы увидели поселок городского типа, многие дома в нем были похожи на европейские, насчитали с десятка легковых автомобилей-малолитражек и маленьких грузовиков и примерно столько же мотоциклов. На одном краю деревни стоял маленький католический храм, а возле него франкоязычная начальная школа, на другом – протестантская церковь и англоязычная начальная школа. По Меле бродили австралийские туристы, приехавшие на большом автобусе, которые активно покупали сувениры у местных жителей. Традиционный жизненный уклад был, по-видимому, основательно подорван. Но мы все же решили посвятить хотя бы два дня на работу в Меле и на расположенном поблизости острове Фила, чтобы проследить эффект колониально-капиталистической вестернизации на традиционное общество.

Руководители английской и французской администрации были приглашены прийти вечером с ответным визитом на борт «Дмитрия Менделеева». И тут приоткрылись любопытные особенности повседневной жизни и личных качеств английских и французских чиновников в Виле. Первыми в назначенное время, в 8 часов вечера, на борт прибыли французы – резидент-комиссар Э. Ланглуа с женой и 16-летним сыном, и директор его канцелярии А. Валле, тоже с женой и 20-летней дочерью. Их сопровождал известный ученый – профессор экономической географии университета Монпелье и советник по экономическому планированию управления французскими заморскими территориями в Океании Ф. Дюманж с молодой женой-японкой.

Всеобщим вниманием овладела супруга Валле – красивая женщина, изящно одетая и причесанная, с обильным, но не чрезмерным *make up* на лице, притом очень общительная, веселого нрава. Она выглядела гораздо моложе своих лет, но подлинный возраст угадывался по присутствию взрослой дочери. Почувствовав себя «душой» компании, эта дама щебетала без умолку, то и дело переходя с французского на английский. «Друзья прозвали меня Биш (фр. лань – *D.T.*), – заявила она, – и я всех прошу так меня называть». Биш рассказала, что раньше ее муж и Ланглуа служили во французских колониях в Северной Африке. Тогда она часто приезжала в Париж, чтобы следить за модой, театральными премьерами, любила посещать русские рестораны. Но теперь Марокко, Алжир и Тунис стали европейскими государствами, и колониальных чиновников отправили в отставку или послали выслуживать пенсию в последние осколки колониальной империи в Океании. «Так мы оказались в захолустье, на краю света, – сказала Биш, – живем скучно, питаемся слухами, а потому я очень рада заходу иностранного корабля в Вилу».

Аксенову, видимо, понравилась Биш. Сидя с ней рядом за накрытым столом, он галантно потчевал француженку напитками и разными деликатесами. Выбор был довольно широкий, так как в распоряжении начальника экспедиции был специальный продовольственный набор для угощения почетных гостей, включающий разные напитки, черную и красную икру, балык, крабовые консервы, лучшие сорта шоколадных конфет и т.д. Когда начались тосты, Биш предложила выпить за здоровье

кардинала Пафа и объяснила, что это застольная игра, позволяющая весело и с шутками слегка опьянеть всей компанией. Никто не возражал. Но, конечно, мы не только сидели за столом, а показывали гостям судно и много беседовали, по молчаливому уговору избегая политических проблем.

В 10 часов вечера французы покинули «Дмитрий Менделеев». Только тогда к борту подошел катер под английским флагом, который с выключенным мотором долго маячил недалеко от нашего корабля, явно ожидая отъезда французов. Сам Аллен не пожелал посетить «Дмитрий Менделеев» и, сославшись на недомогание, послал одного из своих помощников, Хатчинсона – английского комиссара центрального округа кондоминиума. Хатчинсон, старый холостяк, прибыл с довольно пестрой компанией, которая включала некоего англичанина с женой-мулаткой, совершавших кругосветное плавание на маленькой яхте, полуфранцуза-полуармянина, занимавшегося куплей-продажей земли, и лавочника-венгра, бежавшего из Будапешта после того, как там к власти пришли коммунисты. Вечером на заливе задул сильный ветер. Наши визитеры продрогли, пока судно покинули «треклятые галлы», и «для сугрева», как они сказали, приняли на грудь немало пива и виски, так что на борт поднялись уже «тепленькие». Капитан не пожелал с ними встречаться, так как не принято посещать иностранные суда после 10 часов вечера. Но Аксенов, первый помощник капитана и я, как специалист по Новым Гебридам, приняли их в салоне и усадили за стол, на котором оставалось еще немало еды и напитков. Гости энергично принялись за них.

Общий разговор не клеился. Англичанин рассказывал о своей яхте, полуармянин, родившийся во Франции, говорил, что собирается по туристической визе посетить Армению, венгр отмалчивался, а Хатчинсон, изрядно захмелев, что-то бормотал о мужской дружбе и женском коварстве. Наконец англичанин, наиболее трезвый из них, сказал, что пора возвращаться в город. Около полуночи гости добрались до выхода на штормтрап. Но тут Хатчинсон вцепился в рубашку Аксенова и заявил, что завтра в 6 часов вечера будет ждать его и пять других наиболее уважаемых участников экспедиции на пристани, чтобы отвезти в первоклассный бордель. «Там девочки на любой вкус – белые, черные, коричневые. Вы запомните этот вечер на всю жизнь». Хатчинсон повторял свое приглашение и расхваливал красоток до тех пор, пока венгр, который уже спустился вместе с другими гостями в катер, не поднялся обратно по штормтрапу, оторвал «босса» от Аксенова и с помощью моториста катера, благополучно уложил его в подпрыгивающее на волнах суденышко.

На следующее утро, завтракая в кают-компании, участники экспедиции с солеными шутками обсуждали визит Хатчинсона. Начали даже составлять сборную команду, которая достойно представит советскую науку в «веселом доме», причем нелестно обсуждали физические качества кандидатов. Разумеется, никто туда ехать не собирался, памятуя строгие инструкции выездных органов, но повеселились вволю. Тут через большие иллюминаторы кают-компания мы увидели, что от пристани к нашему кораблю приближается катер под английским флагом. На носу стоял молодой новогбридец в тропической полицейской форме – в фуражке с серебристым галуном, голубой рубашке с короткими рукавами, черных шортах, но без обуви. В руках он держал большой конверт. Поднявшись на борт, прибывший на довольно хорошем английском языке заявил, что должен вручить конверт самому начальнику экспедиции. Получив конверт, Аксенов, который хорошо говорил по-французски, но недостаточно знал английский, сказал мне: «Даниил Давыдович, англичане – боль-

шие формалисты. Посмотри, пожалуйста, в каком костюме этот старый греховодник рекомендует отправиться в элитный бордель». Я внимательно осмотрел прежде всего конверт. В его верхней части было напечатано крупным шрифтом: «On Her Majesty Service» («На службе королевы»), и от руки, чернилами указан адресат: «Prof. Aksenov. Personally». Вскрыв конверт, я обнаружил небольшое письмо, написанное угловатым, но четким почерком. Андрей Аркадьевич сохранил это письмо как сувенир, но разрешил мне переписать его текст в дневник. Привожу письмо в переводе:

Вила, 30 июня 1971 г.

Дорогой профессор Аксенов!

Большое спасибо за сердечное гостеприимство, которое Вы оказали мне и моим спутникам на борту «Дмитрия Менделеева». Возможно, я сказал что-нибудь неподобающее. Пожалуйста, извините меня и забудьте об этом.

Искренне Ваш У. Хатчинсон

«Раз посещение борделя отменено, – улыбаясь сказал мне Аксенов, – нужно придумать другую культурную программу. Меня и тех ученых, с которыми он познакомился на “Дмитрии Менделееве”, профессор Дюманж сегодня приглашает в ресторан. Но нужно позаботиться о досуге экипажа судна и тех ученых, которые не будут заниматься исследованиями во время стоянки в Виле. К этнографам это не относится. Но прошу тебя, Давыдыч, потратить утро на рекогносцировку в Виле: найди выставки, музеи и другие культурные очаги, разыщи туристическое агентство, которое организует автобусные экскурсии по острову. В смете экспедиции деньги на это имеются. Вообще-то организацией досуга на суше должен заниматься первый помощник капитана (Н.Г. Тур, по сути замполит. – *Д.Т.*), но он в отличие от тебя не говорит ни по-английски, ни по-французски и настороженно относится к автобусным экскурсиям».

Осмотр Вилы. Поездка на северо-восточное побережье Эфате

С первым же катером я отправился в Вилу вместе с этнографом В.Н. Басиловым и географом В.Н. Степановым. Уже у берега возле пристани мы увидели Новогвинецский культурный центр, открытый в 1956 г. в ознаменование пятидесятилетия договора о кондоминиуме. В нем была развернута музейная экспозиция о природе и людях этого архипелага. Демонстрировались образцы традиционного искусства, оружия, орудий труда, одежды, лодок и домашней утвари, дополненные картами и фотографиями. Хорошо представлен был животный мир. Запомнились искусно выполненные чучела местных птиц, коллекции кораллов и раковин. При центре работала библиотека с книгами на английском и французском языках. В одном из залов демонстрировалась временная выставка картин французского художника Лакутюра на океанические сюжеты. В то утро в центре не было ни одного посетителя.

От небольшой площади у гавани на холм поднималось несколько похожих улиц. Мы пошли по одной из них. Вблизи от площади располагалось несколько невысоких офисных зданий, занимаемых различными департаментами английской и французской администрации. Далее мы увидели клубы, кафе, магазины, аптеки, юриди-

ческие конторы и т.п. На высоте примерно 100 м от уровня моря начался квартал изящных вилл чиновников и негоциантов. Затем картина начала меняться. Показались гаражи, склады, ремонтные мастерские, а за ними строения барачного типа с дощатыми стенами и крышами из рифленого железа. Здесь большими семьями жили новогейбридцы племени, владевшего землями, на которых вырос город Вила.

Не найдя туристической конторы, мы вернулись к гавани и пошли по широкой приморской улице, которая извивалась, повторяя береговую линию. По табличкам, прибитым к стенам домов, мы узнали, что находимся на улице Хиггинсона, названной так властями после смерти знаменитого земельного спекулянта³. Оказалось, что на этой улице расположены универмаги и новогейбридские филиалы крупнейших иностранных компаний. Уже в нескольких шагах от пирса наше внимание привлекло изящное двухэтажное здание филиала старейшего австралийского торгово-промышленного концерна «Бэрнс Филп» – колониального спрута, протянувшего свои щупальцы ко многим островам Океании. Рядом представительства его «дочек» – авиационной и туристических компаний и нескольких других австралийских и новозеландских фирм. Через 200 м французский деловой кластер – филиалы Индокитайского банка, «Компани франсэз дэ Нувель Эбрид» и авиаконцерн «Эр Франс», а также туристический центр. Зашли туда. Нас встретила Элен – очаровательная француженка средних лет. Увидев, что мы измотаны зноем, который особенно утомителен при высокой влажности (несмотря на сухой сезон, моросил дождь), она усадила нас в удобные кресла вблизи от кондиционера и угостила ароматным чаем, печеньем и фруктами. Элен очень обрадовалась, узнав, что мы с «Дмитрия Менделеева»: «Господи, у меня никогда не было советских клиентов». Созвонившись с транспортной компанией, она быстро согласовала с нами сроки и маршруты автобусных экскурсий, выписала счет «с беспрецедентной скидкой» и попросила оплатить его в Индокитайском банке. «Кстати, – сказала Элен, – знаете ли вы, что вблизи от Вилы, на берегу лагуны Эракор, находится ателье известного художника мсье Мишутушкина, вашего компатриота? Туда можно доехать за четверть часа по прекрасному, опоясывающему весь остров шоссе, построенному американцами в годы войны с Японией». Я кое-что слышал о Мишутушкине, но не планировал его посетить, так как не знал, где именно он живет на Новых Гебридах. Узнав все подробности у Элен, я решил, несмотря на плотный график этнографических работ, потратить несколько часов на встречу с этим художником.

Пообедав на корабле, я со всем этнографическим отрядом, наняв три такси, отправился на северо-восточное побережье Эфате в деревню Сивери, которую рекомендовал в качестве объекта для изучения Уолтер Туланги, один из помощников Хатчинсона. Уолтер сказал, что здесь еще сохранились некоторые элементы традиционной духовной культуры и социальной организации, к тому же вечером состоится свадьба. Выйдя из такси, мы сразу же начали наблюдения, каждый по своей тематике. Н.А. Бутинова, М.В. Крюкова и Н.М. Гиренко интересовали семейно-родственные отношения и системы родства, В.Н. Басилова – жилища сиверян, их орудия труда и хозяйственная утварь, Б.Н. Путилов как фольклорист стремился записать мужские, женские и детские песни, И.М. Меликсетова расспрашивала о школе и церкви, я совместно с Павловским собирал общие сведения о деревне, о занятиях сиверян, о степени проникновения в деревню товарно-денежных отношений.

Как сообщил деревенский вождь Калпран Науи, которого известил о нашем визите Туланги, в Сивери обитало около 300 человек. Традиционные занятия – рыбо-

ловство и земледелие (таро, ямс, маниока, папайя, бананы и др.). Основная кормилица – кокосовая пальма. Ее древесина используется в строительстве, листья идут

Рис. 7. Улица в европейской части Вилы (Фото Ж. Эсно и П. Эсно. *New Hebrides...*)

на плетение матов, незрелый орех содержит питательное и вкусное кокосовое «молоко», мякоть зрелого ореха идет в пищу в отварном виде, продажа сушеной мякоти (копры) – главный источник денежных доходов. Раньше скупщики приобретали копру за бесценок, теперь появился снабженческо-сбытовой кооператив, который платит за нее дороже и продает своим членам металлические орудия труда, керосин, рис, сахар, одежду. Но покупают мало, так как приходится платить налоги, вносить плату за обучение детей в школе. Несколько сиверян работают грузчиками в порту Вилы и приезжают домой в уикэнд и на праздники. Благодаря их заработкам в деревне появились велосипеды и транзисторные радиоприемники.

Молодой островитянин, назвавшийся Томасом, отозвав меня в сторону, стал жаловаться на политику колониальных властей: они уничтожают традиционную культуру, сделали вождей своими приспешниками. По его словам, когда появится достаточное количество образованных новогбридцев, они возьмут судьбу архипелага в свои руки. Вспомнив предостережение Аллена, повторенное Аксеновым, я постарался поскорее закончить беседу с Томасом, тем более, что начиналась служба в пресвитерианской церкви, на которую были приглашены все члены отряда. Только потом я подумал, что Томас, возможно, провоцировал меня на «подрывные» высказывания по заданию Туланги.

Церковь – легкое дощатое строение с кровлей из рифленого железа, прямоугольное в плане. У входа висел огнетушитель, заменявший колокол. В церкви полутемно, в дальнем конце – стол и кафедра, остальное пространство занято врытыми в землю скамьями. Женщины с детьми сидели слева от прохода, мужчины – справа. Пастор-новогбридец в строгом черном костюме, обслуживавший несколько деревень, приветствовал наш отряд на английском языке и в частности сказал: «Я не знаю ваших имен, но фактически все люди – братья». Затем он начал проповедь на языке *бислама*, несколько раз прерывавшуюся псалмами, которые довольно стройно

исполняли певчие, сидевшие на передних скамьях. Наступил момент венчания. Пастор подошел к жениху и невесте. Они встали, обменялись кольцами и расписались в регистрационной книге. Пастор вернулся на кафедру, снова раздалось монотонное пение и служба, продолжавшаяся около 40 минут, закончилась.

На этом завершилась официальная часть свадебной церемонии. Пастор исчез, а молодожены с родственниками и друзьями отправились к сооруженному поблизости продолговатому навесу, под которым стоял праздничный стол, окруженный скамьями. Процессия двигалась нарочито медленно, несмотря на сильный дождь. Впереди шли три парня, двое с *укулеле* (маленькими гитарами), один с балалайкой. Пританцовывая и аккомпанируя себе, они запели на родном языке отнюдь не псалом, а веселую, прерывавшуюся громкими возгласами песню, которую подхватили все участники процессии. Б.Н. Путилов определил ее как величальную и традиционную, хотя и исполняемую с использованием заимствованных музыкальных инструментов, и поспешно включил портативный магнитофон, прикрыв его плащом от дождя. Под навесом собрались примерно 50 человек. Нас пригласили принять участие в торжестве. Но жаль было терять время. Поэтому, посоветовавшись, почти все члены отряда ушли, сославшись на занятость, а чтобы не обижать хозяев, попросили остаться меня и И.М. Меликсетову. Угощение было обильным, но состояло из традиционных блюд – ямса, таро и батата, отваренных в кокосовом молоке, фруктов, а также курятины и свинины, приготовленных в земляных печах. Покупного продовольствия, кроме чая, я не заметил. Мы получили на корабле «сухой паек» – несколько буханок пшеничного хлеба, испеченного в судовой пекарне, рыбные и мясные консервы. Свою долю Ирина Мануэловна и я принесли из такси и поставили на праздничный стол. Хозяева не удивились этому поступку и приняли наш «пай» с благодарностью. Особенно понравился им хлеб, действительно вкусный и душистый. Нам объяснили, что, как правоверные пресвитериане, присутствующие не употребляют алкоголь. В качестве напитка подавали чай, сдобренный кокосовым молоком.

Надо отметить, что пресвитерианство уживалось у местных жителей с дохристианскими верованиями и обычаями. Как рассказал мой сосед по столу, с дохристианских времен сохранилась плата за невесту. Раньше платили свиньями, теперь – деньгами, которые помогают собирать родственники жениха.

За три часа В.Н. Басилов описал и сфотографировал жилища, а Н.А. Бутинов, Н.М. Гиренко и М.В. Крюков собрали путем опроса сведения о социальной структуре деревни. Ее населяли шесть экзогамных матрилинейных кланов с тотемическими названиями (осьминог, кокосовый орех, ямс и три разновидности таро). Один день в неделю *сиверяне* работали на деревенского вождя и делали ему традиционные подношения. Вождь представлял интересы деревни в переговорах с властями и иностранными предпринимателями и должен был по обычаю заботиться о нуждающихся. Не терял времени и Б.Н. Путилов. Он собрал группу ребятишек, дал им послушать запись величальной песни и уговорил спеть несколько детских песенок.

Уезжая из Сивери, мы заметили на другом конце деревни католическую часовню. Значит, и здесь проявился англо-французский дуализм в религиозной сфере. Но католики в Сивери, если и были, то в явном меньшинстве.

По дороге в порт мы заехали в деревню Онесуа, где находилась средняя школа-интернат, созданная пресвитерианской миссией, но получавшая небольшую субсидию от английской администрации кондоминиума. Нас приветливо встретил директор

Ками Шинг – сын японца от новогребридки, окончивший педагогический колледж в Австралии. Оттуда приехало и большинство учителей. Преподавание велось на английском языке. В коридорах висели плакаты, призывавшие учеников не говорить на *бисламе*.

Рис. 8. Хижина в деревне Сивери
(Фото автора 1971)

Шинг показал нам общежития – одно для мальчиков, другое для девочек – деревянные бараки с цементным полом, обставленные очень бедно; дети спали на циновках с традиционными деревянными подголовниками вместо подушек, накрывались байковыми одеялами. Столь же бедно выглядели классные помещения и мастерские, размещенные в нескольких одноэтажных домиках. Вероятно, заметив наше удивление, Шинг сказал, что школа плохо финансируется и, чтобы прокормить учеников, даже завела подсобное хозяйство (кокосовую плантацию, огород и стадо крупного рогатого скота), в котором трудятся сами учащиеся. В одном из помещений находилась библиотека. На полках лежали англоязычные книжки для детей и подростков, на столе – австралийские журналы. На стенде у входа бросалась в глаза книга «Шпион. Миссия из Москвы» в яркой глянцево-обложке. Достаточно было прочитать

резюме, напечатанное на задней стороне обложки, чтобы установить ее антисоветскую направленность. Шинг, пояснил, что библиотека комплектуется австралийскими и новозеландскими религиозными организациями. «Шпион» – единственная публикация о России, попавшая в Онесуа, и он попросил прислать в школу «неполитические» книги о нашей стране, разумеется, на английском языке.

Мы вернулись на корабль поздно вечером и опоздали на ужин, но сердобольные морячки, еще прибиравшие камбуз, нас обильно накормили. Перед сном мы собрались в лаборатории, отведенной этнографическому отряду, чтобы обсудить итоги дня и наметить работу на ближайшие дни. М.В. Крюков сообщил, что познакомился с жителями Филы и Меле, работающими в порту, они рассказали много интересного и посоветовали, прежде всего, посетить местных вождей, которые пользовались большой властью в этих деревнях не только как традиционные правители, но и как начальники, назначенные колониальной администрацией. Следовало рассказать им о наших намерениях и сделать в знак уважения какие-нибудь подарки. Получив от вождей соответствующие указания, жители будут охотно отвечать на наши вопросы и помогать в проведении исследований.

Договорились, что шесть членов отряда сосредоточатся на Меле, посетят Филу, а я и В.Н. Басилов поедem к Н.Н. Миштушкину, познакомимся с его картинами и этнографическими коллекциями, расспросим о культуре народов Новых Гебрид. Миштушкин и его друг художник-полинезиец Алой Пилиоко оказались настолько интересными собеседниками и информированными людьми, что я два дня провел в их «ателье» (Басилов на второй день предпочел присоединиться к другим чле-

нам отряда, работавшим в Меле), а потом с помощью Николая Николаевича занялся приобретением экспонатов для МАЭ. Поэтому мне не довелось еще раз побывать в Меле, и следующий раздел статьи, который будет опубликован в очередном номере журнала, основан не столько на наблюдениях, сделанных 29 июля, во время краткого посещения этой деревни, сколько на дневниковых записях, в которых зафиксированы рассказы коллег на вечерних собраниях в отрядной лаборатории и отрывочных сведениях, содержащихся в их научно-популярных книжках об экспедиции на «Дмитрии Менделееве» (Бутинов 1975; Меликсетова 1976; Путилов 1978).

Примечания

- ¹ Как выяснили исследователи, Фрум – искаженное английское слово broom (метла). Подразумевалось, что эта метла выгонит чужеземцев с острова Танна (Уорсли 1963: 191).
- ² Список избирателей-аборигенов составлялся чиновниками и утверждался резидент-комиссарами. В него входили вожди, священнослужители и их помощники, а также мужчины, окончившие как минимум начальную школу.
- ³ После превращения кондоминиума в независимое государство новые власти переименовали улицу Хиггинсона – главную транспортную артерию Вилы – в автомагистраль Кумул.

Литература

- Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1975.
- Бутинова 1973 – Бутинова М.С. Культ карго в Меланезии (К проблеме миллениаристских движений) // СЭ, 1973. № 1. С. 81–92.
- Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // ЭО, 2010. № 2. С. 97–106.
- Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 - 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.
- Иванова 2011 – Иванова Л.А. «Русский полинезиец» Алой Полиоко (к 75-летию со дня его рождения) // ЭО, 2011. № 1. С. 167–180.
- Кребс 1959 – Кребс Е.М. На «Витязе» к островам Тихого океана. М., 1959.
- Крюков 1989 – Крюков М.В. Этот таинственный остров Эроманга. М.: Наука, 1989.
- Кузнецов 2002 – Кузнецов О.А., Алейник Д.Л. Научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» и его экспедиции 1969–1993. М., 2002.
- Меликсетова 1976 – Меликсетова И.М. Встреча с Океанией 70-х годов. М., 1976.
- Миклухо-Маклай 1996 – Миклухо-Маклай Н.Н. Записка о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Наука, 1996. С. 514–523.
- На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.
- Павловский 1972 – Павловский О.П. Личное знакомство с Океанией // Вопросы антропологии, 1972. Вып. 42. С. 185–192.
- Павловский 1973 – Павловский О.П. Сто лет спустя. Очерк антропологии папуасов Берега Маклая // Наука и жизнь. 1973, №8. С. 118–122.
- Павловский 1985 – Павловский О.П. Бонгуанцы (Антропологический очерк) // На Берегу Маклая (Этнографические очерки) М., 1985. С. 61–86.
- Путилов 1978 – Путилов Б.Н. Песни Южных морей. М., 1978.
- Пучков 1968 – Пучков П.И. Формирование населения Меланезии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968.
- Свет 1966 – Свет Я.М. История открытия и исследования Австралии и Океании. М.: Мысль, 1966.

- Тумаркин 1972 – Тумаркин Д.Д. По островам Океании (Этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») // СЭ, 1972. № 2. С. 120–128.
- Тумаркин 1981 – Тумаркин Д.Д. Из истории борьбы Н.Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей / Расы и народы. Вып. 11. М.: Наука, 1981. С. 228–236.
- Тумаркин 2011 – Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011.
- Тумаркин 2014 – Тумаркин Д.Д. На атолле Фунафути // Вестник антропологии, 2014. №1. С. 179–198.
- Тумаркин 2013 – Тумаркин Д.Д. За морем телушка – полушка, да рубль перевоз (о двух этнографических экспедициях на острова Океании) // Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2013. С. 285–324.
- Уорсли 1963 – Уорсли П. Когда вострубит труба. Исследование культов карго в Меланезии. Пер. с англ. М., 1963.
- Deschamps 1957 – Deschamps H., Guiart J. Tahiti, Nouvelle-Caledonie, Nouvelles-Hebrides. Paris, 1957.
- Holthouse 1969 – Holthouse H. Cannibal Cargoes. Adelaide, 1969.
- Lini 1980 – Lini W. Beyond Pandemonium. From the New Hebrides to Vanuatu. Wellington, 1980.
- New Hebrides. Islands of Ashes and Coral. Tokyo, 1970.
- New Hebrides. The Road to Independence. Ed. C. Plant. Suva, 1977.
- Vanuatu. Ed. H. Lini, B. Weightman. Christchurch, 1980.

Tumarkin D.D. Condominium or pandemonium? Soviet Ethnographers on the Efate Island.

A visit to the Melanesian Efate Island (New Hebrides) in 1971 by a group of Soviet ethnographers is described in the paper. Correlation between traditional and «western» components of the local culture is put into consideration. The author considers also the functioning of Anglo-French Condominium in the New Hebrides and the development of national liberation movement in this archipelago.

Keywords: *history and ethnography of Melanesia, Efate Island.*

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 93/94

© Л.М. Варданян

**К 150-ЛЕТИЮ С.Д. ЛИСИЦИАНА: ИЗ ИСТОРИИ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В АРМЕНИИ**

Статья посвящена важной странице в истории кавказоведения, крайне слабо освещенной как в армянской, так и в российской историографии, – антропологическим исследованиям Армении, осуществленным в середине 1930-х годов силами московских антропологов под руководством проф. В.В. Бунака. Сохранившиеся в архиве С.Д. Лисициана письма и отчеты В.В. Бунака раскрывают интересные подробности и результаты этой работы, дают яркое представление о сотрудничестве двух крупных ученых в деле реализации интереснейшего исследовательского проекта.

Ключевые слова: антропология, исследования в Армении, С.Д. Лисициан, В.В. Бунак.

В сентябре 2015 г. исполняется 150 лет со дня рождения видного армянского ученого, педагога и общественного деятеля Степана Даниловича Лисициана (1865–1947). Представитель плеяды выдающихся деятелей науки и культуры конца XIX – первой половины XX века, отличавшихся энциклопедичностью знаний и универсальностью интересов, он почти 60 лет своей напряженной творческой жизни посвятил служению науке и просвещению армянского народа. Его многолетняя деятельность была столь обширна и многогранна, являла собой столь единый сплав науки, педагогики, просветительства, писательского труда и издательского дела, что трудно однозначно определить, кем был С.Д. Лисициан в большей степени: в нем одинаково успешно сплелись историк, этнограф, географ, краевед, организатор науки, педагог, детский писатель, литературовед, переводчик научной и художественной литературы, издатель, общественный деятель (Варданян 1986: 59–69). Себя он считал арменоведом в широком смысле этого слова.

Особенно велик вклад С.Д. Лисициана в становление и развитие этнографической науки в Армении. Начав вплотную заниматься этнографией с 1920-х годов, он сразу осознал специфику текущего момента. С одной стороны, на сознание людей оказывали влияние недавние трагические события – геноцид армян 1915 г. и последовавшее массовое переселение армянских беженцев из Западной Армении, а затем и репатриации в 1920-е годы из Сирии, Ливана, Персии, Греции и других стран. С другой стороны, происходили стремительные изменения традиционного быта в условиях коренных социалистических преобразований. Поэтому, какой бы сферой деятельности ученый ни занимался (сотрудник Кавказского историко-археологического

института в Тифлисе, руководитель Центрального бюро краеведения Армении, зав. этнографическим отделом Государственного исторического музея Армении), одной из первоочередных и безотлагательных задач он считал сбор и фиксацию материала в условиях столь важных для общества процессов.

Результатом интенсивной экспедиционно-собирательской работы С.Д. Лисициана в 1920–1930-е годы стал огромный полевой и иллюстративный материал, а также создание корреспондентской сети на местах. Параллельно с этим среди армянских беженцев из Сасуна, Шатаха, Мокса, Эрзерума и многих других историко-этнографических регионов им был собран и тем самым спасен от забвения огромный этнографический материал, к сожалению, до сих пор остающийся неопубликованным. Полевые материалы ученого легли в основу его капитальных трудов, ставших основополагающими не только армянской, но и кавказской этнографии (Лисициан 1946, 1955, 1969, 1981, 1992). Не менее значителен его вклад в этнографическое образование и подготовку кадров. Он приложил огромные усилия для утверждения статуса этнографии в качестве самостоятельной дисциплины в высшей школе республики, а также в структуре академической науки и оформления ее организационных форм.

Научный и общественный вес С.Д. Лисициана были известны далеко за пределами Армении. К его опыту ученого и организатора науки по самым различным вопросам постоянно обращались армянские, грузинские, российские, зарубежные коллеги, о чем свидетельствует многолетняя переписка с ними, с научными институтами, издательствами и различными ведомствами Еревана, Тбилиси, Москвы, Ленинграда и других городов. Об этом же свидетельствует и огромное количество книг в его архиве с теплыми дарственными надписями авторов – известных специалистов самого широкого профиля, с большинством которых ученый был знаком лично¹.

В ноябре 1928 г. С.Д. Лисициан возглавил этнографический отдел Государственного исторического музея Армении (ныне – Музей истории Армении). Приняв отдел в «хаотическом состоянии», новый заведующий встал перед неотложной задачей в короткий срок сформировать его фонд. Прежде чем перейти к пополнению коллекций с помощью систематических этнографических экспедиций как в самой Армении, так и в местах компактного поселения армян за ее пределами, летом 1929 г. С.Д. Лисициан предпринял научную командировку в Тбилиси, Москву и Ленинград для всестороннего изучения постановки дела в крупнейших музейных центрах страны. Отчет о командировке и многочисленные записи в блокнотах и записных книжках свидетельствуют о том, насколько тщательно он ознакомился с научно-исследовательской, экспозиционной, реставрационной, экспедиционной, культурно-просветительской работой этнографических отделов в Музее Грузии, Русском музее, МАЭ, Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии МГУ, Центральном музее народоведения, Историческом, Толстовском, Коммунальном и других музеях. Поскольку командировка эта была предпринята ученым практически «по горячим следам» апрельского (1929 г.) совещания этнографов в Ленинграде, ставшего поворотным этапом в развитии советской этнографии, для С.Д. Лисициана немаловажное значение имело участие в заседаниях ГАИМК и Яфетического института, а также общение на месте со своими коллегами – Н.Я. Марром, И.А. Орбели, Б.А. Куфтиным, Е.М. Шиллингом, Д.К. Зелениным, А.Н. Генко и многими другими учеными, с которыми он поддерживал многолетние научные и личные дружеские связи. Тогда же, в 1929 г., он познакомился с профессором В.В. Бунаком.

Это знакомство не было случайным. Дело в том, что в Наркомздраве Армении был поставлен вопрос о создании в республике кабинета антропологии, «которым должен пользоваться и этнографический отдел нашего музея» (НАА: Д. 228. Л. 2 об.). Поэтому, выезжая в командировку, С.Д. Лисициан был намерен подробно вникнуть в постановку не только музейного дела, но и антропологической работы в ведущих научных центрах страны. Примечательно, что в обстоятельно составленном отчете о командировке в части, касающейся московских учреждений, первым значится Институт антропологии и этнографии МГУ (руководитель В.В. Бунак). Здесь, кроме изучения вопросов, связанных с экспонатами и экспозицией, С. Д. Лисициана интересовало, «в какой форме и в какой степени институт обеспечивает практические занятия студентов» (Там же: Л.1 об.). Свои исследования в этом направлении он продолжил затем в Ленинграде в отделе антропологии МАЭ.

Между тем, знакомство С.Д. Лисициана с выдающимся отечественным антропологом вылилось в многолетнее плодотворное сотрудничество, основанное на общности научных интересов и большого взаимного уважения друг к другу. Бунака и Лисициана объединяла бескорыстная преданность науке, широта научных интересов и тот огромный вклад, который каждый из них внес в свою отрасль науки. Если В.В. Бунак стал основателем советской антропологической школы (Дубов 2001), патриархом отечественной антропологии (Васильев, Урысон 2004), то С.Д. Лисициан – основоположником советской этнографической школы в Армении (Варданян 2004: 544–576).

Интерес С.Д. Лисициана к антропологии был отражением его общетеоретических взглядов. При широком арменоведческом охвате исследуемых проблем, этнографию ученый рассматривал в контексте смежных исторических дисциплин. Он неоднократно подчеркивал, что «изучение должно вестись комплексным методом в связи с изучением географическим, экономическим, антропологическим и лингвистическим» (НАА: Д. 222. Л. 3), что «необходимо озаботиться организацией, параллельно и в дополнение к этнографической работе, и работой антропологической» (НАА: Д. 189. Л. 10). Он был убежден, что «в армянской этнографии следует искать путей к выявлению, совместно с археологией, лингвистикой и антропологией, вопроса о происхождении армянского этноса, о скрещивании культур на Армянском нагорье, о взаимном влиянии различных этнических групп» (Там же. Л. 15). Примером того, как сам С.Д. Лисициан использовал данные антропологии в своих исследованиях, служит его фундаментальный историко-этнографический труд «Армяне Зангезура», в котором он на основании лингвистических и антропологических данных ставит вопрос об этногенезе армян этого самобытного региона, опираясь, в частности, на новейшие исследования В.В. Бунака (Лисициан 1969: 22–24)².

В рамках вышеизложенного нетрудно понять, почему С.Д. Лисициан со свойственной ему активностью принял самое деятельное участие в организации и проведении антропологических исследований в Армении силами московских коллег, что было особенно важно при отсутствии в тот период собственных кадров в республике. Несмотря на свою чрезмерную занятость, С.Д. Лисициан с готовностью откликался на все просьбы В.В. Бунака; он немало времени и сил уделил подготовке и организации экспедиции московских антропологов в Армению и приложил максимум усилий для их наиболее эффективной работы на месте. По просьбе В.В. Бунака С.Д. Лисициан взял на себя согласование всех формальностей: благодаря его ходатайству Наркомзд-

равом республики были отпущены средства на проведение двух антропометрических экспедиций, он также помог с подбором местных кадров, уточнением маршрута экспедиции и решением многих других научно-организационных вопросов.

В то же время следует отметить, что В.В. Бунак сам также был весьма заинтересован в организации антропологических работ в Армении. Его письма С.Д. Лисициану свидетельствуют о том, какие широкие обобщения делает он на армянских материалах, а также выявляют научно-организационные, финансовые, бытовые сложности этой работы. Подчеркнем, что уже одна из его ранних монографий «*Scania Armenica*», ставшая классической, основана на исследовании еще в 1913–1917 гг. армянского населения разных областей русской и турецкой Армении, в частности, на собранной им «достаточно обширной коллекции черепов, принадлежащей современному армянскому населению Мушского санджака Битлисского вилайета» Турции (Бунак 1927: 8)³. Однако, его дальнейшие научные изыскания в сфере армянской антропологии в последующие годы, связанные с неослабевающим интересом к Армении (см. напр. Бунак 1929), в силу ряда причин остались как бы в тени той широко развернувшейся разносторонней деятельности, которую ученый осуществлял в других областях антропологии.

Следует подчеркнуть, что письма В.В. Бунака в более широком аспекте отражают дух своей эпохи. Они относятся к тому периоду, когда по методике, разработанной самим ученым, проводились систематические сборы антропологического материала, охватившие почти всю территорию СССР, широко развернулись исследования антропологического состава населения России и других республик СССР, вопросов физического развития, конституции, возрастной морфологии, антропологической стандартизации (Дубов 2001: 121). В свете этих исследований важно было провести антропологические работы в Армении.

Обследование Армении московскими антропологами было осуществлено в 1934 г. и 1935 г. Первая экспедиция состоялась в историко-этнографический регион Лори в северной части Армении, но, к сожалению, в публикуемых письмах В.В. Бунака о ней почти нет никаких упоминаний. Однако довольно ценные сведения содержатся о второй экспедиции в Ахтинский (Разданский), Севанский, Дилижанский, Кироваканский (Ванадзорский) и Апаранский районы Армении в 1935 г. Примечательно, что в тот же полевой сезон 1934–1935 гг. в Лори состоялись и экспедиции сотрудников этнографического отдела Государственного исторического музея под руководством С.Д. Лисициана, собравшие огромный вещевой, иллюстративный, а также археологический материал⁴. В своем отчете он отметил и работу московских антропологов И МГУ в лорийских селах летом 1934 г. (АМИА: 8–9).

Таким образом, благодаря активной деятельности С.Д. Лисициана всестороннему комплексному антрополого-этнографическому обследованию был подвергнут один из конкретных регионов Армении. Ученый придавал большое значение подобным совместным проектам и смог реализовать его на примере Лори. Не случайно, в 1936 г., подводя итоги этнографического изучения республики за первые полтора десятилетия советского периода, он отдельно выделил результаты антропологических работ: «В тесной координации с этнографическими работами в Армении находятся антропологические обследования, ведущиеся по линии Наркомздрава, который вот уже который год проводит по определенному плану порайонные обмеры по конституционной и расовой антропологии при ближайшем участии научных сил Ин-

ститута антропологии I Московского государственного университета. Так, прошлым летом экспедиция, состоявшая из сотрудников института гг. Зенкевича и Башкирова и местного врача т. Сарксиана, объехала весь Лорийский район. До того, в предыдущем году, антропометрическими измерениями были охвачены часть арагацких (алагязских) предгорий и прилегающий район на Араратской долине. Еще раньше под руководством доктора С.П. Нанасиана были произведены обмеры на 10-15 тысячах призывников. Этим летом Наркомздравом намечено подробное обследование по расширенной программе под руководством и при непосредственном участии профессора В.В. Бунака всего Зангезур-мегринского района. Эти данные, вместе с данными археологическими, этнографическими, фольклористическими и лингвистическими, дадут возможность вплотную подойти к выяснению вопроса о генезисе армянского народа, одного из основных вопросов истории культуры Армении» (Лисициан 1936: 274). К сожалению, как явствует из Докладной записки С.Д. Лисициана в Институт истории АрмФАНа, ему «не удалось получить из того же учреждения ассигнования на новую экспедицию, <...> хотя Институт Антропологии и были выделены научные сотрудники для этой цели» (НАА . Д. 189:10). Материалы же двух предыдущих экспедиций «обработаны проф. В.В. Бунаком, рукописи давно представлены Наркомздраву, но не опубликованы» (Там же).

Письма В.В. Бунака дают представление о масштабах и результатах этой работы⁵. В этом непростом начинании ему значительную помощь и поддержку оказал С.Д. Лисициан, в лице которого он нашел соратника и полного единомышленника. В.В. Бунак высоко ценил эту бескорыстную помощь: практически в каждом письме он выражает признательность и благодарность С.Д. Лисициану за «содействие антропологической науке и за доброе отношение» к нему самому, «за содействие и помощь в начинаниях по изучению Армении», а по завершении экспедиции спешит познакомить своего армянского коллегу, «как доброго гения антропологических работ в Армении», с ее итогами. Через год, в декабре 1936 г., высылая С.Д. Лисициану свою статью, подготовленную по результатам армянских экспедиций, известный ученый просит высказать о ней свое мнение.

Хотя по содержанию это деловые письма, однако, они не носят сухой официальный характер: их дружественный тон свидетельствует о теплых доверительных отношениях двух коллег, несмотря на значительную разницу в возрасте⁶. Помимо обсуждения широкого круга научных и организационных проблем, связанных в частности, с подготовкой предстоящей экспедиции, В.В. Бунак делится с С.Д. Лисицианом своими планами, сообщает о ходе работ на Северном Кавказе среди чеченцев, осетин и ингушей, занятиях на кафедре, печатании своих трудов за границей и т.д., постоянно интересуется делами своего армянского коллеги. В своих письмах В.В. Бунак обосновывает необходимость организации в республике Антропологического бюро, а также поднимает не менее важный для Армении вопрос подготовки кадров в области антропологии, в связи с чем предлагает прислать к нему в Москву одного-двух аспирантов из молодых врачей, которым он был готов оказать всяческое содействие. К сожалению, в силу ряда причин этот проект В.В. Бунака осуществить не удалось.

Публикуемые материалы дают яркое представление о сотрудничестве двух крупных ученых в деле реализации интереснейшего исследовательского проекта. Они составляют замечательную страницу в истории кавказоведения, к сожалению крайне слабо освещенную как в российской, так и армянской историографии. Все ука-

занные материалы вводятся в научный оборот впервые. Существование их в архиве С.Д. Лисициана, за исключением очень узкого круга даже армянских специалистов, вплоть до настоящего времени практически оставалось неизвестным.

Приложение

ПИСЬМА В.В. БУНАКА С.Д. ЛИСИЦИАНУ⁷

1

Владикавказ, 11-VIII-29

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Возвратившись только сегодня из Куртатинского ущелья, я нашел Ваше любезное письмо, за которое спешу принести Вам сердечную благодарность<...>.

Хотя я и не имею до сих пор официального отношения Н[ар]К[ом]Здрава, но, видя Ваше доброе отношение, я надеюсь, что материальный вопрос мог бы быть урегулирован по приезду моем в Эривань. К сожалению, однако, встретились другие препятствия к моей поездке: я задержался в горах, а вернувшись, нашел извещение из Москвы о невозможности дальнейшего моего путешествия. Ехать в Эривань на 12–15 дней, мне кажется, значит злоупотребить добрым ко мне отношением моих эриванских друзей. В этот срок сделать серьезные дела нельзя. Поэтому, скрепя сердцем и к искреннему моему сожалению, я должен на этот раз отказаться от любезного предложения и точнее говоря, просить Вас перенести намеченное содействие на следующий сезон.

Пока остается только другой путь, о котором мы говорили: присылка в Москву на 2-3 месяца молодого Акопяна. М[ожет] б[ыть] на это можно использовать те самые средства, которые предназначались для оплаты моей работы, хотя их будет недостаточно ввиду дороговизны помещения в Москве. Лично я готов сделать все, чтоб потренировать Вашего кандидата как в области антропометрии, так и анатомии и социальной гигиены, ему будут открыты двери соответственных институтов.

Вы окажете мне большое одолжение, глубокоуважаемый Степан Данилович, если передадите мою глубокую благодарность за готовность помочь моей работе Н[ар]К[ом]Здр[аву] Армении и всем работникам, содействовавшим организации моей работы.

Прошу Вас лично принять мою сердечную признательность и извинения за причиненное беспокойство. Буду рад иметь от Вас вести в дальнейшем.

Глубоко уважающий Вас В. Бунак.

Л. 1–2 об.

2

Москва 14-IV-31

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Давно следовало б поблагодарить Вас за дружеское письмо, полученное мною в конце февраля, но мне хотелось поделиться с Вами результатами переговоров с т.т. Богда-

сарианом и Гардашианом, которых я поджидал со дня на день. Намеченный срок уже прошел, но никаких вестей от них не имею. Предполагаю, что план организации института или моего привлечения к этому делу претерпел обычные изменения и находится в состоянии пересмотра. Дело это действительно трудное, и я буду очень рад, независимо от моего участия, если биологическое изучение населения Армении получит базу для своего развития, хотя бы и не сразу, в санаторных или иных институтах.

По поводу намечавшихся Вами экспедиций на летние месяцы я говорил с Е.М. Шиллингом и Б.Г. Жуковым. По их словам ни Центральный Музей народоведения, ни Антропологический Институт Университета никаких отрядов в Армению не отправят, да и не могут сделать этого по финансовым и организационным причинам. Участие московских специалистов в антропологическом изучении Армении возможно только в порядке приглашения их со стороны эриванских организаций. Лично я с большей готовностью принял бы участие в предполагаемом Вами исследовании Зангезура, если бы оно бы состоялось, но конечно отсюда никакой дотации для этой цели я не получу⁸.

Из Эривани время от времени получаю некоторые научные запросы, из которых вижу, что некоторый кадр работников у Вас имеется и материал [неразборчиво]. Методологически он, к сожалению, не всегда на должной высоте.

В Музее Народоведения за последнее время обозначились заметные персональные и организационные перемены, в Антропологическом институте пока все по – прежнему. Что нового у Вас? Готовится ли что к печати, как музей, каково Ваше самочувствие? Искренне благодарю Вас за участие и содействие моим планам и имею пожелание полного успеха эриванским научным собраниям.

Преданный Вам В. Бунак.
Л. 4–4 об.

3

22–XI–31
Москва
Д-ру С. П. Наносян,
Эривань

Уважаемый товарищ!

<...> В Эривани для Антропологического Бюро несомненно широкое поле деятельности и притом в любом учреждении, при котором такое Бюро будет организовано. При Институте социальной гигиены естественно сосредоточиться на антропометрии социальных групп, формирующихся кадрах индустриального пролетариата, студенчества и пр. Антропометрическое Бюро при Институте охраны детства найдет много задач в изучении процесса освоения школы городскими и сельскими детьми, в учете физкультурной коррекции, в изучении отсталого ребенка, пораженном социальными болезнями и пр. Антропометрия при Клиническом институте может дать многое в помощь диагностике и прогностике специфических для Армении болезненных явлений и в области общетеоретических проблем конституции, учении о предрасположении наследственности. В этом направлении работает кабинет, имеющийся при Московском Медико-биологическом институте. Соответственно, организация при НарКомЗдраве с наибольшим успехом, мне думается, может быть присоединена к разделу медицинской статистики и сосредоточиться в первую очередь на территориальном изучении отдельных районов – винодельческого, хлоп-

кового, высокогорного, индустриального, районов с сложным развитием малярии, также групп с значительным туберкулезом. Конкретная задача мне мыслится как установление норм физического развития и их сравнительное изучение. Попутно может идти обработка детского, военного, физкультурного материала, м[ожет] б[ыть] профконсультационного, хотя эта проблема теперь требует осторожного подхода. Весьма важны специальные измерения для установления штандартов [неразборчиво] номеров. Если у Вас наладиться дело, постараюсь связать Вас с соответствующими индустриальными центрами в Москве. Теоретико-антропологические задачи, мне кажется, следует учесть лишь попутно. В штат необходимо включить 1-2 специалистов измерителей с расходами на поездки (непрерывно), 2-3 вычислителей, знакомых с вариационной статистикой, кроме руководящего персонала. Желательно создать совет, объединяющий представителей заинтересованных учреждений, со включением в него представителей центра и периодическими исследованиями. Вот, что могу вам посоветовать, учитывая имеющийся опыт. Вы знаете мою заинтересованность Арменией, и потому не стесняйтесь всякими обращениями. Буду рад, если удастся побывать в Э[ривани] и помочь инструктажем. От С.Д. Лисициана сведений не имею. Шлю ему поклон и всем искренне пожелание успеха.

Ваш В. Бунак.

Л. 5-5 об.

4

Москва,
ул. Фрунзе, д. 4, кв. 6,
27-XI-31

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Большое спасибо Вам за содействие антропологической науке и за доброе отношение ко мне. Ваша мысль о создании антропологического центра в Армении при НарКомздраве кажется мне вполне правильной. Хотя такая организация не достаточно широко охватывает возможности антропологии, но при надлежащей постановке дела программа работ всегда может быть построена так, чтобы охватить не только медицинские задачи, но и проблемы расовой истории, этнографии, демографии, физиологии и прочее – впрочем, едва ли существует между ними теоретическая и практическая граница. Во всяком случае, проектируемый Вами антропологический центр может работать в тесной связи с Вами. Учитывая, однако, положение вещей, я думаю, что целесообразней придать Вашему начинанию наиболее приемлемую для Н[арком]здравских деятелей форму. В частности, так как в связи с общим идеологическим пересмотром Института в Москве центральное антропометрическое бюро больше не существует как таковое, может быть лучше назвать новый орган Комитетом, Комиссией и т.д. по статистике физического развития. Форма достаточно объективная.

Посылаю Вам и одновременно д-ру Наносян у в качестве материала набранные мною тезисы. Они включают помимо устава в узком смысле также и декларативную часть, необходимую во всех таких заявлениях. Подчеркнув необходимость изучения «освобожденной женщины Востока», впервые идущего в школу ребенка, «формирующегося пролетариата» и пр. под углом зрения успехов строительства, можно отстаивать актуальность, практичность и независимость новой организации от Н[арКом]Здрава. Все, это разумеется, материал не более, располагайте им по Вашему усмотрению.

Очень хотелось бы поближе узнать о Ваших работах в Зангезуре. Есть ли что но-

вое в печати? Приедете ли на съезд⁹? Сейчас организация его лежит на директоре Антроп[ологического] Ин-та Гремячком и дир[екторе] музея Плисецком, они поехали в Ленинград выяснять срок и форму. Как только узнаю что-нибудь положительное, напишу. Мне удалось наконец-то разгрузиться от административных и прочих работ по Антропол[огическому] Ин-ту, и я состою теперь в качестве мало связанного службой консультанта, что, конечно, неблагоприятно для моего бюджета, но дает известную свободу во времени, которой пользуюсь, чтоб подвести итоги накопленному материалу. Жду выход из печати за границей нескольких работ, которые Вам вышлю¹⁰. Шлю пожелания отдохнуть и успеха в работе. Жду дальнейших вестей.

Преданный Вам В.Бунак
Л. 6–6 об.

5

Общие положения

Огромные успехи Советской власти в разных областях строительства социалистического общества, <...> быстро развивающаяся революция труда и быта ставит новые задачи – и с особой силой в национальных областях – перед органами Здравоохранения. Но если <...> учет естественного движения населения и патологической пораженности занимают прочное место в работе Наркомздрава, нельзя сказать того же о <...> статистике физического развития населения, остающейся распыленной между отдельными учреждениями, не использующей имеющиеся возможности, и не дают целостной картины происходящих социальных сдвигов. Между тем, антропометрические показатели имеют признанное, во всяком случае, не меньшее значение для характеристики социального здоровья, чем другие отрасли. В ССР Армении с ее разнообразными природными, экономическими и бытовыми условиями антропометрические материалы дают ценное орудие для выяснения влияния этих условий и вместе с тем базу для правильной организации Здравоохранения, санитарно-просветительской работы, физкультурного воспитания, охраны материнства и младенчества и прочих мероприятий советской медицины <...> Все это решительно ставит на очередь организацию при Наркомздраве ССР Армении особого органа для объединения и разработки статистики физического развития.

Л. 7–7 об.

6

Москва,
ул. Фрунзе, д. 4. кв. 6
16–II–32

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Месяца два назад, в ответ на Ваше письмо я отправил Вам (в Кисловодск) и д-ру Нанояну (в Эривань) свои соображения относительно организации центра по изучению физического развития. Ответа от Вас не имел, но интересуюсь судьбой этого проекта и вот по какому поводу. Я составил по данным 1927 г. карту в губернском масштабе рождаемости, полового состава и ранней детской до 1 года и до 1 месяца смертности. Материал выяснил очень любопытные закономерности, но, к сожалению, сведений по

Армянской ССР в Москве достать не мог. Я предполагал лично съездить в Эривань на одну-две недели, чтоб собрать этот материал, а равно и другой, меня интересующий, но не имея к этому финансовой возможности, хочу просить Вас, нельзя ли получить эти данные через намечавшееся Бюро или если его нет, или оно этим не занимается, через Управление нар. хозяйств. учета (бывш. ЦГУ)? Может быть, что эти данные имеются в Вашем Музее или даже опубликованы на месте? Для точности повторю их. Для армян 1927 г.: 1-2 – число родившихся мальчиков, девочек в сельск[ой] мест[ности]; 3-4 – число умерших до 1 месяца; 5-6 – число умерших до 1 года; 7 – число многоплодных родов (близнецов, тройней и т.д.)

Хотя я в настоящее время и не связан с Антропологическим институтом и занят главным образом литературным трудом, моя работа по антропологии Кавказа подвигается слабо, так как шансов на печатание почти нет. Вообще чисто антропологические работы приходится, по-видимому, отложить, но не желая прерывать своих кавказоведческих занятий, я их проектирую теперь в других планах, в частности, веду кое с кем переписку об организации специальных спелеологических работ, т.е. исследования пещер. Обильные пещеры армянского плато, мне кажется, могли бы дать первостепенной важности материал для палеоантропологии, ибо очень многие данные говорят за то, что связь вновь найденного в Китае вымершего рода людей – синантропа (близкого к питекантропу) с европейскими донеандертальскими формами – гейдельбергским человеком – осуществлялась именно через Кавказ и всего вероятнее, через Закавказье. Армянские пещеры должны, мне кажется, содержать в себе фаунистические и прочие следы этой связи, систематические исследования главнейших пещер в порядке рекогносцировки были бы, мне кажется, стоящей внимания задачей. Конечно, получение на это средств от центра совершенно безнадежно. И я веду об этом переговоры с местными организациями, впрочем, положительного пока мало. Очень советовал бы и Вам поставить у себя эти рекогносцировки.

Простите за беспокойство. Очень обяжете исполнением моей просьбе о статистическом материале. Шлю Вам лучшие пожелания и дружеский привет.

Уважающий Вас В. Бунак

Л. 8–8 об.

7

Владикавказ,

17–VII–33

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Разрешите обратиться к Вам с просьбой о небольшом совете, а м[ожет] б[ыть] содействию. В настоящее время я нахожусь во Вл[адикавказе], куда я прибыл по приглашению местных организаций для антропологических обследований ингушей и чеченцев. Этим заполняется последнее звено в антропологии С[еверного] Кавказа от Анапы до Дагестана и открывается возможность подведения итогов, обещающих много интересного. Я уже заключил договор о напечатании работ по ингушам и осетинам в дополнении к идущей в печать за границей общей статье. С С[еверным] Кавк[азом] пока покончено. На очередь становится после долгого перерыва, вынужденного разными обстоятельствами, продолжение работ по Армении. Я полагаю, что не могу рассчитывать в этом деле на материальную помощь в Эривани, но теперь без этого можно обойтись: я перенес свою базу в Москве в Медико-Биологический ин-т, который заинтересован в производстве

генетических и конституционных работ в Армении, и если бы удалось уговориться и об организационной поддержке, на будущий год можно было бы развернуть в Армении интересную работу. Поэтому я собираюсь в начале августа, оставив завершение здешних работ моим сотрудникам, выехать дней на 10 в Эривань для того, чтобы 1) договориться о возможности совместной работы, 2) подготовить почву для нее привлечением участников на месте путем прочтения докладов по разным вопросам – генетики человека, конституции, роста, акклиматизации, антропо-этнологии, 3) собрать необходимый для моей работы секционный материал, т.е. при вскрытии трупов получить куски кожи, внутрисекреторных желез и 4) наконец, при возможности осмотреть один небольшой контингент, напр. военный и т.п.

Мне хотелось бы знать, смогу ли я в середине августа это сделать, т.е. найти людей, чтобы договориться о работе, чтобы организовать лекции или беседы, хотя бы в небольшом кругу, найти врачей - суд. медиков и т.п., а главное познакомиться с состоянием разных работ и поговорить с Вами. Хотелось бы знать также, как и где удобнее найти пристанище в Эривани кроме очень дорогих гостиниц. С просьбой информировать меня по этим пунктам я и обращаюсь к Вам в надежде, что она Вас не затруднит. Если бы Вас в этот период не оказалось в городе, м[ожет] б[ыть] Вы могли бы оставить мне где-нибудь небольшую инструкцию. В виду крайности остающегося срока ответ Ваш хотелось бы иметь возможно скорый, т.к. только 10 августа я предполагаю быть в Эривани. Буду очень рад с Вами встретиться и обсудить ряд вопросов, которые теперь приобретают для меня большую актуальность.

Шлю искренний привет, с глубоким уважением В. Бунак

Мой адрес до 5 августа: (Орджоникидзе) г. Владикавказ, Ингушский институт краеведения¹¹.

Л.10-11 об.

8

4-VI-35

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Примите нашу благодарность за содействие антропологическим работам. Я уже не рассчитывал на продолжение антропологического обследования в Армении в текущем году, и наметил иную расстановку сил для предстоящего лета. Пришлось перестроиться, чтобы осуществить главную линию наших интересов – расоведение Армении. Это, однако, потребовало времени (почему я и задержал ответ), ибо бюджет в 5000 р. очень сжат, а район исследования велик. Затруднение в том, что сократить состав до двух работников – значит сильно сузить исследование. Крайне важно собрать кровь, дактилоскопию, некоторые функциональные пробы, измерения, фото. В прошлом году значительная часть этого плана была выполнена двумя работниками, но все же не с полным охватом всего нужного и в пределах более сжатого по площади района. Кроме того, я по своим силам не смогу заменить сотрудника, выполняющего утомительную физическую работу с измерениями, фото и пр. Поэтому, кроме меня и другого квалифицированного сотрудника необходим достаточно подготовленный помощник. При этих условиях, также, если мы изыщем в Москве нужные материалы, инструментарии и пр., не ставя этого в счет Н[ар]К[ом]З[драва] Армении, на разъезды на местах останется не более 300 рублей, как видно из прилагаемой сметы. Вы согласитесь, что она составлена более чем скромно, даже если придерживаться официальных ставок суточных и пр. Вопрос сво-

дится к тому, справимся ли мы с расходами по маршруту в пределах 300 рублей? И если нет, то может ли Н[ар]К[ом]З[драв] покрыть дефицит? В надежде на утвердительный ответ я прилагаю проект соглашения, который желательно утвердить официально. Чтобы работа стала на реальные рельсы, нужно, чтобы ответ был получен до 20–25-го июня. Потому что я рассчитываю прибыть в Эривань не позже 15 июня, в противном случае мы не управимся в отпущенное время со всей работой. Застану ли я Вас в городе в это время? Очень хотелось бы получить от Вас более подробные инструкции о маршруте, включая ознакомление с пещерами, а также наметку о сотруднике – враче. В надежде на скорую встречу жму Вашу руку и шлю искренний привет

В. Бунак
Л.13–13 об.

9

Смета Бунака 1935 г.

Лорийские материалы: а) санитарная конституция – 391, б) тема расовые признаки – 377.20, в) проч. расходы – 590, [итого] 1358 руб. 50 коп.

Новая экспедиция Зангезур-Мегри: I. организац[онные] расходы, фотоматериалы, реактивы, транспорт, упаковка, ремонт и приспособление инструмент[ария], [итого] 500 р.; II. оплата труда персонала за два месяца: руководитель – 1500руб., сотрудники – 1200 руб., проездные – 800 руб., [итого] 3500 руб.; III. операционные: транспорт на месте – 800 руб., транспорт багажа и непредвид[енные] – 200 руб., [всего] 5000 руб.
Л. 15

10

Москва,
14 сентября 1935,
ул. Фрунзе, 4, кв. 6

Многоуважаемый Степан Данилович!

К сожалению, нам не удалось встретиться в Эривани и поговорить о планах и перспективах намеченных работ¹². Поэтому, прежде всего, хочется познакомить Вас, как доброго гения антропологических работ в Армении, с результатами экспедиции. Как Вы вероятно знаете, нам пришлось видоизменить намеченный маршрут: Н[ар]К[ом]З[драв] не подготовил мандатов (нужна санкция из Москвы) для поездки в пограничный район Зангезур-Мегри. Мы остановились на районах средней Армении и маршруте Ахта – Севан – Дилижан – Кировакан – Апаран, который тесно прилегает к обследованной в прошлом году области и вместе с моими прежними материалами дает почти полную порайонную антропологическую съемку значительной части Армении. Для каждого из этих районов имеется компактная масса исследований, позволяющая выяснить наличие порайонных различий и дополнить общую характеристику. Предварительное впечатление, впрочем, не говорит о существенных различиях, впрочем, это может быть только мое субъективное «впечатление». Как предварительный результат хочется также отметить проскальзывание ясных элементов «средиземноморского», вероятно древнейшего расового типа и сравнительно слабую прослойку типичных ассириодных элементов, которые, по-видимому, нужно искать далее на восток. На севере, как это ни странно, чувствуются элементы азиатского монголоидного влияния. Интересно насколько подтвердятся эти соображения - анализом кровяных групп, дактилограм. Успехом я считаю также привлечение к нашим работам д-ра Сарксян

и обещание составить статьи ряда других товарищей. Если ли бы только Наркомздрав действительно гарантировал издание «сборника», он имел бы большой вес на международном рынке.

Я хотел уже пустить привезенный материал в статистическую обработку силами И-та, но решил подождать до ответа Н[ар] [Ком] Здр[ава] кредита для этой цели. Если кредит будет, мы сможем всю экспедицию провести под флагом Армении, что мне, как большому другу Армении, казалось бы очень желательным. Если тов. Гевондян откажет, тогда решим вопрос иначе.

Не может ли Накромздрав прикомандировать в Ан[тропологический] Ин-т одного-двух аспирантов из молодых врачей, кто заинтересовался бы генетикой, расами и подобными вопросами. Здесь им можно было обеспечить прием, стипендию и пр.

Чтобы быть Вам в курсе дел, я позволяю себе послать Вам копию моих писем в Н[ар] К[ом] Здр[ав]. Посодействуйте бронировке сборника, теперь уже пора подводить итоги, хотя бы для успеха страны. Буду рад иметь от Вас вести и узнать о Вашем самочувствии и дальнейших планах. Шлю искренний привет,

уважающий Вас В. Бунак
Л. 16–16 об.

11

18–III–36 г.
Москва

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Спешу ответить на Вашу открытку – первую весть, которую я получил от Вас за последние месяцы. Обработка материалов, собранных этим летом, идет полным ходом и к указанному в договоре сроку я надеюсь прислать в готовом для печати виде опыт расового анализа, основанный на всех собранных материалах, преимущественно по С[еверной] Армении. Надеюсь, Вы посодействуете его изданию вместе со статьями, которые будут присоединены д-ром Саркисян и м[ожет] б[ыть] другими. Как долго Вы будете в Эривани в летние месяцы?

Москва продолжит свои темпы в работе, на мне это сказалось сильным упадком здоровья, настал и мой черед думать о летних курортах, вероятно Железноводск. Мое участие в экспедиционной работе в этом году будет исключено. Но я мог бы организовать и направить к Вам группу для обследования, не знаю еще, в каком составе, но, во всяком случае, надежную. Используя имеющийся опыт, нашу группу из 2-х лиц нужно дополнить врачом, и в 2-х месячный срок она сможет проехать по Зангезурскому району. Смета около 4000 рублей. Маршрут разработаете на месте. Очень важно, чтобы не было срыва из-за несвоевременной присылки денег, ибо срок работы ограничен отпускным периодом, и получение денег позже 15-го июня не только отражается на подборе и подготовке персонала, но и непосредственно на работе. В положительном случае это письмо может служить официальным подтверждением согласия продолжить работу по примеру двух предыдущих поездок, и Н[ар]К[ом]Здраву достаточно подтвердить со своей стороны это решение и гарантировать высылку аванса в сумме 2000 рублей не позже 15 июля. В этом случае 1-го июля в Ваше распоряжение будут отправлены 2 (или 3) сотрудника, которых Вы и направите по усмотрению. Разумеется, они буду в полном контакте со мной, и их работу я контролирую. Итоги северокавказских работ обещают скоро (к осени) выйти из печати.

Спасибо за Ваше неизменное содействие и участие в антропологических делах. Шлю привет и искреннее пожелание хорошей поправки здоровья.

Преданный Вам В. Бунак.
Л.17–17 об.

12

5–XII–36г.

Глубокоуважаемый Степан Данилович,

Одновременно посылаю Вам заказной бандеролью статью мою о расовых типах Армении, результат работ наших экспедиций, и отношение в Наркомздрав, которое разъяснит Вам ход дела. Я разделил работу на две части: 1) антропометрическую, которая представляет скорей медицинский интерес и пригодна для напечатания в медицинском журнале, являясь так сказать ответом на непосредственное задание Н[ар]К[ом]Здрава, которым оправдывается его финансовая и организационная помощь; 2) часть расоведческая, которая Н[ар]К[ом]Здрав едва заинтересует и которая является как бы побочным продуктом, но, тем не менее, самостоятельным. Эту работу, направляемую Вам, я стремился очень сжать, не входя в исторические и этнологические детали, чтобы не давать повода для лишней дискуссии о расовых теориях. Я говорю умышленно о происхождении физического типа, а не народа. Полагаю, что так, как у меня написано, можно смело представить любому критику. С другой стороны, если бы этнолог воспользовался моим материалом как вспомогательным для освещения вопросов отдаленной этнологии, я был бы очень удовлетворен. Самую концепцию мою я долго обдумывал в связи со всем кавказским материалом. Очень был бы рад знать о ней Ваше мнение. Представляется возможность напечатать эту работу в Армении в каком-нибудь издании (конечно, не медицинском)? Для пользы дела я бы это очень приветствовал. Не откажите в любезности посодействовать этому делу. Конечно, со временем я опубликую работу и здесь, но это не то. Я бы ничего не возражал и против появления ее на армянском языке¹³.

Мне кажется, что антропологическую съемку Армении можно считать законченной только вчерне. Если теперь продолжать, то в первую очередь и единственно нужно избрать Зангезур, где можно ожидать много интересного и нового. Но эту работу нужно ставить на иных началах и не в летнее время. На очереди также изучение анатомического материала.

Заканчивая первый, очень продолжительный этап работы, я сознаю, что мог сделать это только благодаря Вашему участию и вниманию. Примите, дорогой Степан Данилович, искреннюю благодарность за Ваше содействие.

Буду рад получить от Вас известие и узнать о Вашем здоровье и работах. Лично я вновь занят кафедрой и всем, что с этим связано.

Шлю привет. Преданный Вам В. Бунак
Л. 19–19 об.

13

В Наркомздрав Армении

Одновременно с этим письмом высылаю Вам заказной бандеролью мою статью «Физическое развитие населения Армении» и статью «Расовые типы Армении»; последняя адресована мною для предварительного ознакомления тов. Лисициану С.Д.

Эти две статьи являются результатом работ, ведшихся мной и моими сотрудниками в 1934–1935 гг. на средства Наркомздрава, а также моих личных работ в предшествующие годы. Статьи являются одновременно отчетом об этих работах. Некоторая задержка в их оформлении вызвана желанием предварительно ознакомиться с результатами разработки данных о призывных¹⁴, ведшейся по Вашему заданию Антропологическим

институтом. Ознакомление с этим материалом, конечно, гораздо большим, чем мой, подтвердило пригодность собранных ранее материалов. Само собой разумеется, что в своих работах я не затрагивал данных обследования призывных, которое предполагал взять на себя д-р Нанасян С.П. Научная разработка этого материала должна составить особую задачу, которую целесообразно поручить местным работникам. Я был бы очень рад, если статьи будут опубликованы в местной печати, первая – о физическом развитии – в медицинской, вторая – в этнологической. Прошу сообщить мнение по этому вопросу. В случае надобности статьи будут дополнены графиками, диаграммами, фотоснимками. Полагаю, что на данном этапе СРР Армении включается в число областей Союза, исследованных в антропологическом отношении, и прошу принять мою благодарность за содействие и активную помощь в моих работах, которые я неизменно встречал со стороны Наркомздрава.

С искренним уважением Профессор М.Г.У. (подпись) В.В. Бунак

Л. 21

7–XII–36

14

Кисловодск.

7 сент. 1937

Глубокоуважаемый Степан Данилович,

В середине истекшей зимы моя связь с Арменией порвалась: Наркомздрав Армении оставил без ответа несколько обращений по поводу посланных материалов. Не знаю, чем объяснить это молчание: переменой руководства, вновь возникшим предубеждением против антропологии или качеством материала, не удовлетворившего требованиям. Последнее обстоятельство легче всего устранимо: я стремился, соблюдая минимум обязательных методических положений, возможно полнее учесть интересы местных деятелей; в случае надобности я готов внести нужные пояснения или сократить статьи. Перед началом нового академического года мне хотелось бы внести ясность в этот вопрос. Я буду очень благодарен Вам за информацию, а также сведения об этнологической работе: какое отношение встретили мои статьи, предполагается ли их напечатать, ведутся ли этнографические работы, соответствуют ли их результаты антропологическим, не предвидится ли издание материалов совместно?

Мои интересы к Армении далеко не исчерпаны. В частности, мне хотелось бы собрать материал по микро-анатомии и биохимии растущего организма, собрать препараты и испробовать некоторые методические приемы. Об этом я пишу д-ру С.П. Нанасяну (одновременно), и если бы моя мысль встретила сочувствие, я готов в декабре месяце лично приехать в Эривань для собирания материала. Попутно можно было бы провести занятия с аспирантами и научными сотрудниками, но это, конечно, не главное и не обязательное.

Надеюсь, Вас не затруднит ответ на это письмо, и заранее благодарю Вас. С 1-го октября я в Москве, сентябрь буду в Кисловодске <...> Шлю искренний привет и пожелание здоровья и успехов в работе.

Уважающий Вас В. Бунак

Л. 22–22 об.

15

28–ХІІ–37г.,
Москва

Глубокоуважаемый Степан Данилович!

Сегодня я принял окончательное решение отложить поездку в Ереван до более благополучного времени. Спешу поблагодарить Вас за Ваше содействие и помощь в моих начинаниях по изучению Армении. Обстоятельства складываются так, что работу в будущем нужно поставить на иных началах. Может быть, удастся прислать аспиранта или сотрудника на долгий срок. Буду это иметь в виду, хотя нелегко такую поездку устроить.

Не подрастают ли у Вас кадры? Как идут Ваши работы, предполагается ли публикация антропологических работ, имеющихся в портфеле Вашем или Н[арком]здр[ава]?

Если соберетесь в Москву, надеюсь Вас увидеть у себя. Поздравляю с Новым годом и шлю пожелания здоровья и успехов.

Преданный Вам В. Бунак
Л. 24–24 об.

16

В Наркомздрав ССР Армении

Согласно пункту 8 «Соглашения» препровождаю предварительный отчет о проделанных в текущем году медико-антропологических работах. Как видно из отчета, задание, поставленное «Соглашением», перевыполнено и в отношении количества обследованных и в отношении программы исследования.

Считаю долгом засвидетельствовать, что успешным ходом работы экспедиция в значительной степени обязана прикомандированному Наркомздравом д-ру Г. Л. Азаряну. Д-р Г.Л. Азарян не только неутомимо и чрезвычайно тщательно вел медицинскую работу, обеспечив ценный и оригинальный материал для характеристики патологических симптомов, но вместе с тем широко и умело оказывал медпомощь и снискал экспедиции авторитет и сочувствие населения. Благодаря его такту и энергии в сношениях с местными организациями, экспедиция работала бесперебойно и в возможно благоприятных условиях. Размаху работ экспедиции содействовало также участие в ней д-ра А.Б.Саркисян. Тов. Саркисян в короткий срок сумела приспособить сложную лабораторную методику к условиям походной работы и собрать ценный материал для установления гематологических стандартов местного населения, что, несомненно, должно получить практическое применение в деятельности лечебных учреждений Республики. В целом собранный материал не только продолжает порайонную характеристику физического типа населения Армении, полученную в прошлые годы, но и дополняет ее многими существенными элементами, до настоящего времени не разработанными на массовом материале. На очереди стоит разработка материала, прежде всего техническая – печатание фото, статистические вычисления, графики и пр. Лишь по выполнению этой технической работы персонал экспедиции сможет приступить к научному анализу собранных материалов.

Ввиду того, что намеченный «Соглашением» маршрут экспедиции был заменен несколько более кратким, из отпущенной в мое распоряжение безотчетной суммы я имел возможность сделать небольшое сбережение, которое было обращено на выполнение наиболее срочных предварительных работ, проявление негативов, регистрацию материала и т.п. Для выполнения основной части технической разработки требуется однако

специальный кредит (оплата технических сотрудников) согласно прилагаемой смете в сумме не менее 2000 руб.

Так как Нарком Здравоохранения признал желательным опубликование научных результатов произведенных работ от имени Наркомздрава Армении и выразил согласие отпустить для этого необходимую сумму на разработку материала, я позволяю себе препроводить соответствующую смету с просьбой о скорейшей ее реализации. Техническая разработка потребует 3-4 месяцев, научная интерпретация и литературное оформление такого же срока. Если к работе можно будет приступить с октября месяца, то к концу академического года Наркомздраву может быть представлен небольшой сборник научных работ, подводящих итоги произведенным исследованиям.

Руководитель экспедиции
Профессор (подпись) В. Бунак.
Л.26–26 об.
14-IX–35. Москва

17

Отчет о медико-антропологических работах 1935 года

Согласно выработанному Наркомздравом плану, работы происходили в 4-х смежных районах средней полосы Армении: Ахтинском (Севанском), Дилижанском, Кироваканском и Апаранском. Обследованием было охвачено коренное население, его наиболее многочисленный социальный слой, занятый сельско-хозяйственным трудом. С этой целью работы были приурочены к небольшим поселениям сельского типа, в городских поселениях исследования не проводились. Общее количество исследованных армян: Севанский (Ахтинский) район – 236 мужчин, Дилижанский – 116, Кироваканский – 154, Абаранский – 103, итого 609 мужчин. В целях сравнения физиологических норм (гемоглобин и пр.) обследованию было подвергнуто также и русское население Кироваканского района в количестве 150 человек. Дополнительно было исследовано в виде опыта 33 женщины-армянки Севанского района. Общее количество обследованных – 793 человека. Распределение их по районам, как видно из списка, вполне обеспечивает возможность сравнительной территориальной характеристики.

Минимальная программа, выполненная на всем материале, включает 26 наиболее важных измерительных и описательных признаков и систематическую характеристику патологических симптомов, кроме того у 200 субъектов произведены подробные измерения пропорции тела, сделаны дактилограммы, определена структура подкожных капилляров, взяты мазки крови, гемоглобин, оседаемость эритроцитов и их резистентность к гипотическим растворам. В последнюю группу включены только относительно здоровые субъекты (без патологических симптомов). Сделано 140 фотографических снимков. Таким образом плановое задание – обследование 700 человек – перевыполнено как в отношении количества исследованных, так и в отношении программы исследования.

В настоящее время материал находится для разработки в г. Москве за исключением данных по патологической симптоматологии и некоторых гематологических данных, оставленных для разработки у д-ра А.Г. Саркисяна.

Руководитель экспедиции Профессор (подпись) В. Бунак.
Л. 27–27 об.

УДН 4280049332

INSTITUT D'ANTHROPOLOGIE
de l'UNIVERSITÉ№ 1 Москва, Ул. Дружбы, д. 4, кв. 6
190114.Moskou
Mochovaja, 11

Л. 6

УДОСТОВЕРЕНИЕ

22-81-31

Генеральному директору Института антропологии

С большим спасибо Вам за добрые антропологические
советы, помощь и за доброе отношение ко мне.

Ваша мысль о создании антропологического центра в
Африке при Каркинджаре мне кажется вполне оправданной. Хотя
такая организация не достаточно широко охватывает
возможности антропологии, но при надлежащей постановке
дела, программа работы будет может быть построена так,
чтобы охватывать не только медицинские задачи, но и про-
блемы расовой истории, этнографии, демографии, филозо-
фии и истории, — вкратце говоря, охватывать почти все
границы и крайние точки знания. Во всяком случае
предметы, которые Ваш антропологический центр может
решать в Африке, будут с Вами.

Учитывая однако положение вещей, думаю, что целесооб-
ранно пригласить Каману наивысший наиболее квалифициро-
ван Н. Н. Здревских деловой группой. Ввиду того, как как
в связи с общими идеологическими предположениями индивиду-
альности центра, антропологическая работа, боюсь
не успеет быть как таковая, может быть лучше заменить
новый орган — Комитетом, Комиссией, и др. по ^{содержанию} ^{содержанию}
физического развития. Форма достаточно субъективна

Примечания

- ¹ Это были историки, этнографы, археологи, географы, экономисты, лингвисты, искусствоведы и пр., среди них М. Абемян, Ст. Малхасян, Т. Тороманян, А. Манандян, А. Калантар, Б. Аракелян, С. Еремян, В. Арутюнян, А. Гарибян, Т. Авдалбемян, М. Гаспарян, Р. Габриэлян, К. Курдоев, А. Джинды, А. Авдал, Л.Меликсет-Бек, Л. Орбели, А. Шанидзе, Як. Гуммель, А. Шелковников, Л. Панек, Б. Пэтри, Д. Зеленин, О. Вильчевский и многие другие.
- ² В архиве С.Д. Лисициана сохранился черновик его конспекта «Человек – разумное и работающее создание», где, опираясь на новейшие антропологические данные, он сделал наброски по эволюции развития древнего человека и параллельно с ним зачатков науки, искусства и общественной жизни (НАА: Оп. 2. Д. 13. Л. 1–11, б/д, на арм.яз). Работа С.Д. Лисициана «Человек как производительная сила (антропологическое руководство для краеведа)», принятая к изданию Наркомздравом Армении в 1944 г., к сожалению, не была опубликована. Отметим, что в архиве ученого среди множества конспектов и библиографических заметок имеется немало литературы по антропологии, в том числе опубликованная в те годы работа В.В. Бунака «Раса как историческое понятие» (Бунак 1938 г.).
- ³ По оценке специалистов в этой монографии, «являющейся пограничной между краниологией и этнической антропологией <... > превосходное краниологическое описание коллекции армянских черепов сочетается с интересными экскурсами в область этнической истории народов Закавказья» (Васильев, Урысон 2004: 246).
- ⁴ Подробности этой, а также других экспедиций С.Д. Лисициана в 1930-е годы, за короткий срок позволивших сформировать этнографический фонд музея (см.: Варданян 2003: 322–346).
- ⁵ В архиве С.Д. Лисициана сохранились следующие документы: 11 адресованных ему подлинников рукописных писем В.В. Бунака с автографами (за период с 12 окт. 1929 г. по 28 дек. 1937 г.); одно письмо В.В. Бунака с автографом доктору С.П. Нанасяну (от 22 ноября 1931 г.); две машинописные копии с автографом: в Наркомздрав ССР Армении за подписью руководителя экспедиции проф. В.В. Бунака и Отчет о медико-биологических работах 1935 гг. (от 14 сентября 1935 г.); его машинописное письмо с автографом в Наркомздрав Армении (от 7 ноября 1936 г.); составленная рукой С.Д. Лисициана смета расходов экспедиции В.В. Бунака на 1935г. (черновик, б/д); рукописный документ «Общие положения» без даты и авторства (НАА: Ф. 428. Оп. 4. Д. 332). Письма В.В. Бунака написаны размашистым, трудно читаемым почерком, шесть из них – на бланке Института антропологии МГУ.
- ⁶ Примечательно, что даты рождения у них совпадают: оба родились в один и тот же день 23 (10) сентября, но В.В. Бунак был на 26 лет моложе С.Д. Лисициана и приходился ровесником его сыну Левону Лисициану (1892-1921).
- ⁷ Стилистика всех документов соблюдена.
- ⁸ Экспедиция в Зангезур сотрудников этнографического отдела Гос. Исторического музея Армении под руководством С.Д. Лисициана состоялась с 30 авг. по 11 окт. 1931.
- ⁹ Речь, скорее всего, идет о Всесоюзном археолого-этнографическом совещании, которое намечалось на декабрь 1931г., но состоялось в мае 1932г. С.Д. Лисициан принять участия в нем не смог.
- ¹⁰ Речь идет о работах: Bounak V. The craniological Types of the East Slavie Kurgans. «Antropologie», Praha, 1932, N10. Pp. 270–310; Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen der Bevolkerung Osteuropas. «Zeitschrift fur Morphologie una Antropologies», Bd. 30, N.3, Stuttgart, 1932. Pp. 441–499.
- ¹¹ До объединения в 1936 г. Ингушской и Чеченской АО в объединенную АССР столицей Ингушской АО был Владикавказ (на пару с осетинами), поэтому Институт находился там.
- ¹² В это время (с 16 июля по 9 авг. 1935г.) С.Д. Лисициан с сотрудниками своего отдела находился во втором полевом сезоне в Лори.
- ¹³ Работа не была опубликована, и следов их в архиве С.Д. Лисициана обнаружить не удалось.
- ¹⁴ Речь идет о призывниках.

Список сокращений

АМИА – Архив Музея истории Армении.

НАА – Национальный архив Республики Армения.

Источники и литература

- Бунак 1927 – Бунак В.В. *Crania Armenica* (Армянский череп) // Исследования по антропологии Передней Азии с таблицами измерений, графиками, диаграммами и фотографиями / Труды Антропологического НИИ при МГУ. Вып. 2. Приложение к Русскому антропологическому журналу. Т. 16. Вып. 1–2. М., 1927. 263 с.
- Бунак 1929 – Бунак В.В. Череп железного века из Севанского района Армении // Русский антропологический журнал. Т. 17. Вып. 3–4. М., 1929. С. 64–87.
- Бунак 1938 – Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Ин-та антропологии МГУ. Вып. 1. М.; Л., 1938. С. 5–16.
- Варданян 1986 – Варданян Л.М. Степан Данилович Лисициан (1865–1947) // Советская этнография, 1986. № 6. С. 59–69.
- Варданян 2003 – Варданян Л.М. Евгения Тиграновна Гюзальян – забытое имя в армянской этнографии / Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. 2. М.: Наука, 2003. С.322–346.
- Варданян 2004 – Варданян Л.М. Степан Данилович Лисициан: основатель этнографической школы в Армении // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С.544–576.
- Варданян 2005 – Варданян Л.М. Степан Лисициан и истоки армянской этнографии. Ер.: Гитутюн, 2005. 423 с.
- Васильев, Урысон 2004 – Васильев С.В., Урысон М.И. Виктор Валерианович Бунак: патриарх отечественной антропологии / Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 233–260.
- Дубов 2001 – Дубов А.И. Профессор В.В. Бунак – выдающийся антрополог XX в. (К 110-летию со дня рождения) // ЭО, 2001. № 5. С. 118–131.
- НАА. Ф. 428. Оп. 4. Д. 228. Л. 2об. – Лисициан С.Д. Отчет о командировке (июнь-июль 1929 г.) Автограф, 1929. Л. 1–3об. (на арм. яз.).
- АМИА. Оп. 1. Д. 394. Л. 1–9 – Лисициан С.Д. Отчет об этнографических экспедициях 1934–1935 гг. Автограф. 1935 (на арм. яз.).
- Лисициан 1936 – Лисициан С.Д. Армянская этнография за 15 лет // Советская этнография, 1936. № 4–5. С. 270–274.
- НАА. Ф. 428. Оп. 4. Д. 189. Л. 10 – Лисициан С.Д. В Институт истории АрмФана. Докладная записка // Автограф, 1938.
- НАА. Ф. 428. Оп. 4. Д. 189. Л. 15–16 – Лисициан С.Д. В Президиум АрмФАНА. Об учреждении этнографического сектора при Институте истории и материальной культуры // Автограф. 1940.
- Лисициан 1946 – Лисициан С.Д. Этнографический вопросник. Ер.: АН Арм.ССР, 1946. 108 с. (на арм. яз.).
- Лисициан 1955 – Лисициан С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сб-к, I. М.: АН СССР, 1955. С. 182–264.
- Лисициан 1969 – Лисициан С.Д. Армяне Зангезура. Ер.: АН Арм.ССР, 1969. 334 с. (на арм. яз.).
- Лисициан 1981 – Лисициан С.Д. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, 12. Ер.: АН Арм.ССР, 1981. С. 9–84 (на арм. яз.).
- Лисициан 1992 – Лисициан С.Д. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ер.: АН Арм.ССР, 1992. 239 с.
- НАА. Ф. 428. Оп. 4. Д. 222. Л. 3–4 – Лисициан С.Д. Принципы организации этнографического изучения ССР Армении // Автограф, б/д.

Vardanyan L.M. Toward 150th Anniversary of Stephan Lisitsian: From the History of the Armenian Anthropology.

The article is devoted to the important page of the history of Caucasian studies, that is – historical-ethnographical researches in Armenia, taken in the mid of 1930-s by Moscow based anthropologists under the direction of Prof. V.V. Bunak. The issue is very weakly illustrated in Armenian, as well as in Russian historiography. The letters and reports of V. V. Bunak preserved in the archive of S.D. Lisitsian show interesting details and results of that work, suggesting striking notions about the collaboration of the two prominent scholars in the realization of the very interesting research project.

Key words: *Anthropology, Armenian studies, S.D. Lisitsian, V.V. Bunak.*

ДЛЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

С этого номера мы начинаем перепечатывать учебное пособие Г.Г. Громова «Методика этнографических экспедиций» (М.: Изд-во МГУ, 1966). Профессор кафедры этнографии исторического факультета МГУ Геннадий Герасимович Громов относился к числу «классических» этнографов-полевиков. Его отличали вдумчивая и обстоятельная подготовка экспедиционных выездов, тщательная организация работ в поле и экспедиционного быта.

Со времен выхода в свет публикуемой методички ничего лучшего, фактически, написано не было, а начинающие исследователи нуждаются в обучении навыкам полевой работы, тем более что далеко не во всех ВУЗах методическая работа по части этнографии ведется должным образом.

Пособие Г.Г. Громова поражает той же обстоятельностью, конкретностью, детализацией, что и его экспедиционная работа. Многие сегодня выглядят архаичным, прежде всего, в связи с техническим прогрессом, давшим исследователям совершенные новые возможности для фиксации и обработки полевых материалов. Разумеется, сегодня неактуальны советы автора, какие пленочные фотоаппараты лучше подбирать для работы, какие карандаши лучше годятся для зарисовок. Едва ли изучение традиционной материальной культуры, чему Г.Г. Громов уделял особое внимание, будет популярно у современных исследователей. Но ценность «Методики» состоит в изложении принципов и приемов экспедиционных исследований, демонстрации того, что при подготовке и проведении этих исследований не может быть мелочей.

Издание публикуется с некоторыми купюрами, что связано, главным образом, со сложностями воспроизводства иллюстративного материала из-за его низкого полиграфического качества.

УДК 930.2

© Г.Г. Громов

МЕТОДИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

От автора

Предлагаемое читателю изложение методики этнографических экспедиций – сокращенный курс лекций для студентов кафедры этнографии исторического факультета МГУ, который автор читал в течение десяти лет (с 1954 г.). Разумеется, что лекции специально переработаны для настоящего издания так, чтобы служить методическим пособием для более широкого круга читателей (работников краеведческих музеев, любителей-этнографов и всех тех, кто интересуется изучением народной культуры и быта).

Фактически это первое в советской литературе систематическое изложение методики этнографических экспедиций.

Крайне ограниченный объем книги не позволил автору сколько-нибудь подробно рассказать о разнообразнейших приемах и методах этнографического изучения та-

кого сложного объекта, как жизнь народа во всем ее многообразии. Поэтому автор был вынужден остановиться только на самых важных и общих рекомендациях и правилах сбора этнографического материала.

Автор надеется, что читатели выскажут свои критические замечания, предложат новые методы и приемы работы, поделятся своим опытом. Особенно нужен обмен опытом этнографического изучения современности. Методика, такого изучения еще только вырабатывается, что сказалось и на изложении соответствующих разделов у автора.

Автор очень признателен всем товарищам, опытом экспедиционной работы которых он мог пользоваться при создании настоящего курса.

Введение

Этнография – наука о народах (буквальный перевод – «народоописание»). Как отрасль исторической науки этнография изучает культуру и быт народов земного шара, их происхождение, расселение и культурно-исторические взаимоотношения¹.

Круг проблем, изучаемых современной этнографией, очень широк и разнообразен. Для их изучения этнографы используют самые разнообразные исторические источники и в том числе: письменные документы, графические материалы, музейные коллекции, данные смежных наук (археологии, лингвистики, этнической антропологии и др.). Однако одним из основных источников этнографии являются материалы, которые этнографы собирают, непосредственно наблюдая живую действительность, что и отличает этнографию от многих других исторических дисциплин².

Этнографические материалы, собранные в ходе непосредственного наблюдения и изучения живой действительности, называются полевыми этнографическими материалами, а работа по собиранию таких материалов и сведений получила название полевой этнографической работы или полевых этнографических исследований.

Объектом изучения в процессе полевых этнографических исследований всегда бывает народная культура и народный быт.

Содержание понятия «народная культура» нельзя считать одинаковым для всех периодов и всех исторических типов человеческого общества. Для обществ, стоящих на разных уровнях социально-экономического развития, и содержание, и пределы того, что в этнографии обычно понимается под народной культурой, будут различными.

У народов, находившихся на стадии первобытнообщинного строя, культура была единой для всего общества в целом. Поэтому для этнографии вся культура таких народов является объектом изучения, начиная от способов ведения хозяйства и кончая религиозными верованиями. Всестороннее изучение первобытной культуры возможно для этнографа еще и потому, что сама эта культура находится на такой стадии развития, когда различные стороны ее отличаются сравнительной простотой, неразвитостью, и их исследование доступно и возможно при наличии этнографической подготовки. Конечно, как бы ни была «примитивна» культура «отсталых» народов, при ее исследовании нельзя обойтись без специальных знаний в земледелии, технике и т.д.

По мере дальнейшего развития человеческого общества происходит известное разделение культуры данного народа на культуру народных масс, трудящихся и на культуру господствующих классов. Вместе с тем происходит и усложнение самой

¹ Очерки общей этнографии. Вып. 1. М: Изд-во АН СССР, 1957. С. 7.

² Там же

культуры, особенно той ее части, которая присуща господствующим классам. Появляются науки, ведающие отдельными отраслями производства (агрономия, архитектура, математика, физика и др.), возникают сложные философские и религиозные системы, образуется письменная литература, театр, развиваются административные системы и право и т.д.

Все это делает различные стороны такой сложной культуры предметами специальных научных дисциплин, объектами изучения специальных наук. Короче, для изучения различных сторон культуры классового общества требуются специальные познания в определенных областях знания, без чего научное изучение просто невозможно. Этнография, в том числе и полевая этнография, не может брать на себя задачу некоей сверхнауки и изучать все стороны такой сложной культуры. Однако обычно вся сумма перечисленных достижений науки и культуры относится к жизни и быту преимущественно господствующих классов, составляя так называемую «официальную» культуру, а культура и быт трудящихся масс долгое время остаются на весьма низком уровне, продолжают отличаться относительной простотой и несложностью. Поэтому комплексное изучение культуры народных масс, как социально обособленной части общества, закономерно становится объектом изучения этнографии. Разумеется, культура народных масс не изолирована от культуры господствующих классов, от «официальной» культуры. Она не только оказывает на эту культуру мощное влияние, но и сама подвергается обратному влиянию. Однако до тех пор, пока значительное место в экономической жизни народных масс занимает натуральное хозяйство, такое воздействие остается сравнительно неглубоким, не затрагивая основ народной жизни.

Со временем развитие науки и техники, усложнение общественных отношений и надстройки приводит к дальнейшей специализации наук, изучающих различные стороны культуры народа. Область этнографического исследования еще более суживается, ограничиваясь теперь совокупностью национальных, этнически специфических особенностей культуры. Вместе с тем расширяется и «кооперация» этнографии с другими науками, которые изучают отдельные области народной культуры, – с архитектурой, литературоведением, техническими науками, правоведением и т.д. Изучение современной чрезвычайно сложной и многообразной культуры народа совершенно невозможно силами одних только этнографов. Для такого изучения необходимо привлечение широкого круга специалистов соответствующих областей знания.

Усложнение культуры во всех ее областях, усложнение быта народа под влиянием крупного индустриального производства и сложной специализации в экономике, которые принес с собой капитализм, требуют уже иного подхода к изучению народной культуры, требуют и иных методических приемов. К сожалению, и в советской и в зарубежной этнографии такие приемы разработаны далеко недостаточно.

<...>

Из вышесказанного следует, во-первых, то, что проблемы, исследуемые в процессе полевой этнографической работы, чрезвычайно многообразны; во-вторых, то, что все это многообразие естественно группируется в некоторое число наиболее важных, основных направлений этнографических исследований, ведущихся на основе сбора и изучения полевых этнографических материалов. Перечислим эти направления.

1. Реконструкция истории первобытного общества. Сбор полевых материалов по этой теме проводится преимущественно среди тех народов, которые в

силу определенных исторических причин задержались в своем экономическом, социальном и культурном развитии, сохранив до настоящего времени или сохранявшие в недавнем прошлом первобытные хозяйственные формы, общественную организацию, культуру и т.п.

Но явления, происхождение которых относится к весьма отдаленному прошлому, нередко сохраняются и бытуют, – причем чаще всего в видоизмененной форме, – в культуре и быту крупных современных наций. Такие явления, в случае если они потеряли свой социальный смысл и держатся лишь в силу косной традиции, называются обычно *пережитками*. Благодаря этому обстоятельству даже во время этнографических экспедиций к народам, стоящим в целом на уровне современной передовой культуры, этнографы могут, фиксируя уцелевшие пережиточные явления, собрать сведения, освещающие далекое прошлое этих народов.

Следует подчеркнуть, что бурное развитие науки и техники, социальный прогресс и быстрый рост культуры населения, особенно в странах социализма, ведут к быстрому исчезновению подобных явлений. Всячески способствуя со своей стороны этому процессу культурного развития народов, этнографы вместе с тем обязаны сделать все возможное, чтобы зафиксировать пережиточные явления, сохранив их описание для науки.

2. Реконструкция истории культуры угнетенных масс в рабовладельческом и феодальном обществах. Как по задачам, так и по методам исследования это направление во многом близко предыдущему. Относящиеся к рабовладельческой и феодальной эпохам исторические документы и памятники, как правило, весьма скудно освещают жизнь трудящихся, их культуру и быт, сосредоточивая все внимание на описании быта и культуры господствующих классов. Данные этнографии и особенно данные полевой этнографии позволяют значительно восполнить этот пробел в наших исторических источниках.

3. Реконструкция истории культурных связей между народами и целыми историко-культурными областями в различные периоды мировой истории. Этнографический материал позволяет значительно расширить фактическую базу исследований историко-культурных связей, хотя, разумеется, окончательное решение вопроса каждый раз зависит от того, насколько полно использованы исследователем не только данные этнографии, но и данные археологии, антропологии, истории и других смежных наук.

4. Исследование этнической специфики культуры различных народов. Будучи тесно связанными с предыдущим направлением (3), этнографические исследования специфики различных культур опираются в своих выводах, главным образом, на полевые материалы этнографических экспедиций. Не будет преувеличением сказать, что определение этнической специфики культурных явлений невозможно без непосредственного этнографического изучения этих явлений в поле.

5. Исследование этногенеза (происхождения народов) и этнической истории современных народов. Как и большинство проблем исторической этнографии, проблемы этого направления решаются с привлечением выводов и заключений, сделанных на своем материале археологами, антропологами, лингвистами, историками. Тем не менее данные полевой этнографии, собранные в процессе изучения современной культуры, представляют собой неоценимый источник сведений для исследователя этногенеза и этнической истории современных народов и являются поэтому обязательной составной частью фактического материала, необходимого для решения названных проблем.

6. Исследование современности. Совершенно особо ставится перед этнографией в целом и перед полевой этнографией в особенности задача этнографического исследования современности. Среди советских этнографов до сих пор нет еще полной ясности о конкретных путях решения этой задачи. Одни исследователи склонны понимать задачу этнографического изучения современности очень широко, включая в нее исследование всех сторон жизни современного населения, всех сторон его культуры. Другие считают, что при изучении современности этнографы должны ограничиться исследованием роли и судьбы этнических, национальных черт культуры каждого народа. Если учесть к тому же чрезвычайную сложность современной жизни, вследствие чего большинство отдельных сторон жизни современного общества стали предметами специальных наук, то становится понятным, почему в советской этнографии до сих пор ведутся споры о том, как и какими методами изучать современность.

Вследствие этого в нашем распоряжении нет пока, к сожалению, достаточно проверенной и общепризнанной методики этнографического изучения современности³.

Многообразие проблем, стоящих перед современной этнографией, выдвигает перед учеными, ведущими полевую этнографическую работу, сложные задачи, особенно если их целью становится всестороннее изучение жизни и культуры народа.

Основной и наиболее распространенной формой сбора полевых этнографических материалов, необходимых для успешного решения перечисленных и всех прочих исследуемых этнографами проблем, являются этнографические экспедиции. Как правило, участники этнографических экспедиций сосредоточивают свое внимание на одной или немногих, центральных для данной экспедиции, проблемах, но одновременно ведут сбор материалов и по другим этнографическим проблемам.

В зависимости от задач, поставленных той или иной экспедицией, меняется, естественно, и методика проведения исследований. Однако, как бы ни были разнообразны и сложны проблемы этнографии как науки, можно выделить некоторую сумму методических правил и приемов экспедиционной работы, соблюдение которых обязательно для успеха любой экспедиции.

Настоящее учебное пособие ставит перед собой задачу дать читателям основы тех знаний, методических приемов и способов собирания материала, которые необходимы для успешного осуществления полевых этнографических исследований. Очень небольшой объем работы заставляет автора ограничиваться порой лишь самыми общими рекомендациями и советами. Создание сколько-нибудь полного пособия по методике этнографических исследований, при учете многообразия культур отдельных народов, а также сложности и неразработанности многих этнографических проблем, возможно лишь усилиями коллектива ученых-этнографов. В данном же учебнике изложены лишь вопросы общей организации и подготовки экспедиций, приведены правила ведения, первичной обработки и хранения научной

³ Проблемы этнографического изучения современности достаточно подробно освещены в статье: *Потапов Л.П.* Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР // Советская этнография, 1962. № 2; в примечаниях к этой статье приведена почти исчерпывающая библиография работ по этим проблемам. Из более крупных работ можно рекомендовать: *Среднеазиатский этнографический сборник*. Т. I–II. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1959; *Культура и быт таджикского колхозного крестьянства*. М.: Изд-во АН СССР, 1954; *Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни*. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Терентьева Л.Н.* Колхозное крестьянство Латвии. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Семья и семейный быт колхозников Прибалтики*. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

документации во время полевых исследований, сформулированы общие принципы исследования отдельных областей народной культуры, даны основные практические приемы и методы собирания и фиксации полевых материалов. Необходимо подчеркнуть, что все это лишь основы методических приемов и навыков, которые необходимо знать начинающему этнографу.

Нельзя также забывать, что работа в поле, в экспедиции – это лишь часть научной работы этнографа. И эту работу нельзя противопоставлять или отделять от изучения других этнографических источников: письменных, архивных, музейных и т.п. Наоборот, успех экспедиции в значительной мере зависит от глубокого знания всей суммы данных об исследуемом народе и его культуре. Такие знания, составляющие необходимый элемент подготовки экспедиции, позволяют глубже и полнее изучить и осмыслить факты и явления, обнаруженные во время полевых исследований. В свою очередь полевые материалы, собранные в экспедиции, позволяют этнографу значительно дополнить и правильное истолковать сведения, извлеченные им при работе над письменными, музейными и другими источниками. Работа «в поле» и работа «в кабинете» – это две стороны единого процесса изучения народной культуры, которые взаимно дополняют и обогащают друг друга.

Организация полевых исследований

Изучение культуры и быта населения может производиться либо стационарно, либо в экспедициях. К стационарному изучению прибегают сравнительно редко, особенно в последнее время. Главный недостаток стационарного изучения – в его сравнительно «малой производительности», так как в этом случае исследуется лишь очень ограниченный район и, следовательно, малочисленная группа населения. Поэтому стационарно изучают обычно или совсем не исследованные, или мало исследованные этнические группы и народы, когда важно собрать самые разнообразные сведения о культуре и быте изучаемого народа, о его языке, физическом типе и т.д.

Однако стационарное изучение имеет ряд неоспоримых преимуществ. Живя постоянно среди изучаемого населения, ежедневно наблюдая его жизнь, исследователь получает возможность очень глубоко и всесторонне изучить и описать быт и культуру народа, избегнув случайных выводов, основанных на поверхностных наблюдениях.

Удачными примерами стационарного изучения могут служить исследования крупных советских ученых В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга. Сосланные царским правительством в ссылку, они занимались изучением тех народов, среди которых им пришлось жить, и собрали уникальные по научной ценности материалы⁴. Стационарно изучал папуасов Новой Гвинеи знаменитый русский ученый Н.Н. Миклухо-Маклай, который в 1871–1872 гг. прожил 18 месяцев среди жителей залива Астроябия (Берег Маклая). Впоследствии И.Н. Миклухо-Маклай предпринял несколько экспедиций как на Берег Маклая, так и в другие районы Новой Гвинеи. В ходе этих экспедиций ему удалось значительно дополнить и уточнить сведения, собранные им в период стационарного изучения папуасов и их культуры⁵.

Гораздо чаще полевые этнографические исследования ведутся в форме долговре-

⁴ См.: *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. I–II. Л., 1934–1939; *Штернберг Л.Я.* Гиляки, ороки, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

⁵ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений. Т. I–V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1954.

менных и кратковременных экспедиций. Кратковременные экспедиции (или просто экспедиции) – наиболее распространенная форма проведения полевых исследований.

Большую часть полевых материалов этнографы собирают именно в таких экспедициях. Продолжительность их в зависимости от задач и условий работы колеблется от нескольких недель до нескольких месяцев. Такие экспедиции обычно охватывают значительные районы, и в ходе их обследуется несколько групп населения. Подобные экспедиции могут ставить перед собой различные задачи (изучение материальной культуры, семейных отношений, обрядов и т.д.), но более всего они пригодны для исследования тех сторон народной культуры, изучение которых не требует обязательного длительного пребывания на месте. Так, за сравнительно короткий срок можно собрать достаточно полные сведения о жилище, одежде, утвари, пище и о многих других явлениях и сторонах культуры и быта. Широко используются кратковременные экспедиции и для проведения этнографической разведки, проверки полученных ранее сведений, уточнения границ распространения тех или иных явлений.

Основных методов обследования и сбора полевых этнографических материалов два: *маршрутный* и *кустовой*. При маршрутном обследовании экспедиция перемещается в области изучения по непрерывному «линейному» маршруту с последовательными остановками в каждом пункте изучения на два-три дня для сбора материалов.

При кустовом обследовании в области изучения намечаются главные, базовые пункты изучения, а близлежащие поселения обследуются для проверки и уточнения сведений, полученных при сборе материалов в базовом пункте. При кустовом обследовании на сбор материалов в базовом пункте затрачивается большая часть времени (5-7 дней), а на обследование соседних пунктов – по 1-2 дня.

Метод кустового обследования позволяет сочетать выгоды полустационарных углубленных полевых исследований на базовом пункте с маневренностью маршрутного обследования соседних поселений. Если экспедиция располагает достаточным количеством сотрудников, то обычно каждый из них изучает на базовом пункте отдельную тему, а после обобщения полученных результатов участники экспедиции, разбившись на небольшие группы, за один-два дня могут охватить проверочными маршрутами большую территорию вокруг базового пункта, ведя сбор материалов по всем темам экспедиции.

<...>

Кустовое обследование можно в различных вариантах сочетать с маршрутным обследованием: в этом случае экспедиция может либо предпринять связанную единым маршрутом цепь кустовых обследований, либо последовательно вести то кустовое (в этнографически наиболее интересных пунктах), то маршрутное обследование.

В последнее время советские этнографы, стремясь сочетать преимущества и достоинства стационарного и экспедиционного методов изучения, предприняли несколько долговременных или, как их иногда называют, «стационарных» экспедиций. Примером такой экспедиции является, например, экспедиция Института этнографии АН СССР в с. Вирятино Тамбовской области. В течение ряда лет сотрудники экспедиции изучали быт и культуру колхозников с. Вирятино по обширной и разносторонней программе, совершая туда поездки в разное время года, что дало возможность собрать наиболее полные и исчерпывающие материалы о жизни колхоза и его населения⁶.

«Стационарные» экспедиции, основанные на углубленном и длительном изуче-

⁶ Село Вирятино...

нии быта и культуры населения, особенно плодотворны при изучении таких тем, как общественный быт, семья и семейные отношения, обряды. Эти сферы жизни нельзя понять, не «вжившись» в быт изучаемого населения, что невозможно сделать за короткий срок.

Основным объектом полевого этнографического обследования является до последнего времени поселение (деревня, село, аул, кишлак и др.). Размеры поселений и число жителей в них различны. Есть поселения, состоящие из нескольких десятков дворов с несколькими сотнями жителей; есть поселения, в которых насчитывается несколько сотен и даже тысяч дворов с соответственно многотысячным населением.

Если население этнически однородно, и крупные, и небольшие поселения могут рассматриваться этнографами в качестве единицы обследования, так как в этом случае в культуре и быту жителей поселения нет сколько-нибудь существенных этнических различий. Однако в многонациональных районах и поселениях целесообразно учитывать этническую принадлежность разных групп местного населения, рассматривая каждую этническую группу как обособленную единицу обследования.

Деление по этническому принципу оказывается недостаточным при изучении сложной культуры современного городского населения. Значительные различия в культуре и быте различных социальных и профессиональных групп горожан вызывают необходимость раздельного обследования культуры и быта представителей различных социальных слоев, классов, сословий, профессий и т.д.

В зависимости от темы и задач экспедиции при обследовании поселения применяются разные приемы, обеспечивающие репрезентативность собранных материалов. Главные приемы: *выборочное* обследование и *сплошное* обследование. При выборочном обследовании намечаются основные объекты изучения, и они становятся главными объектами внимания этнографа. Остальные объекты подробно не изучаются. Это экономит время, правда за счет массовости собранного материала, и дает возможность более углубленно и внимательно обследовать избранные объекты. Существенным недостатком выборочного обследования является сравнительно большая вероятность субъективных ошибок при выборе объектов изучения, в силу чего последние могут оказаться недостаточно типичными для данной группы населения. Чтобы в наибольшей степени избежать субъективных ошибок при выборочном обследовании, участники экспедиции должны еще до выезда экспедиции внимательно ознакомиться с историей и этнографией района, где им предстоит вести полевые исследования. Опасность субъективных ошибок при выборочном обследовании можно также свести к минимуму, осуществив предварительное обзорное обследование, на основании которого затем выделяются типичные объекты для выборочного обследования. Обзорное обследование проводится либо путем простых наблюдений, либо с фиксацией основных черт и особенностей, изучаемого явления культуры.

К выборочному обследованию этнографы чаще всего прибегают при изучении старых, пережиточных форм и явлений культуры и быта. К тому же именно при изучении пережиточных форм и явлений этнографу невольно приходится довольствоваться обследованием немногих, нередко единичных, сохранившихся до наших дней объектов старины (старинных построек, традиционных элементов одежды и т.п.). С другой стороны, устойчивость, даже консервативность многих этнических традиций и культурных черт, нередко так велика, что эти традиции, и черты сохраняются в культуре и в быту народа без каких-либо существенных изме-

нений в течение сотен и даже тысяч лет. Эта важная особенность культуры и быта прошлых эпох позволяет этнографам, опираясь на материал выборочного обследования, рассматривать немногочисленные объекты старины как типичные для того времени, когда они создавались, и, основываясь на этом допущении, восстанавливать историю культуры изучаемого народа.

Однако в условиях быстрого развития всех форм современной культуры и быта, распространения новейших форм общения (торговли, транспорта, печати, радио и телевидения) метод выборочного обследования современной культуры и быта уже не может считаться достаточно надежным, и к нему прибегают лишь в исключительных случаях. Изучая современную культуру и быт, гораздо надежнее, вернее и обоснованнее воспользоваться методом массового сплошного или статистически-выборочного обследования.

При сплошном обследовании участники экспедиции изучают все объекты подряд: например, все постройки данного поселения, все семьи и т.д. Сплошное обследование дает массовый материал, позволяющий применять для его дальнейшей обработки статистические методы исследования. Однако сплошное обследование требует очень много времени. Экономя время, этнографы часто вынуждены либо сужать круг изучаемых черт и особенностей данного явления культуры и быта, либо ограничивать сплошное обследование рамками отдельной небольшой группы населения. Например, при изучении одежды изучаются не все ее элементы, а только обувь и головные уборы, покрой рубашек. Или, изучая семью в поселении с 2 тыс. населения, обследуют не все семьи, а только 100 семей.

Иногда сочетают эти два приема ограничения: т.е. выделяют и определенную группу объектов, и определенный круг признаков.

Выделение группы признаков всегда должно быть строго обоснованным, а не произвольным, т.е. выделенные признаки должны отражать какую-либо, хотя бы и предполагаемую, закономерность. Столь же обоснованными должны быть и размеры группы: она должна быть статистически показательной. Для определения группы необходимо либо воспользоваться материалами прошлых сплошных обследований, либо специально провести несколько сплошных обследований, чтобы выявить минимальные размеры такой статистически показательной группы.

Применение того или иного вида обследования определяется задачами экспедиции и конкретными условиями работы. Большим подспорьем при сборе массового материала по тем или иным особенностям культуры и быта могут стать различные виды анкет. Анкета-вопросник, содержащий группу вопросов, на которые необходимо получить ясные и возможно более полные ответы. Применение анкет в русской этнографии началось со времени образования в 1845 г. Отделения этнографии Русского Географического Общества. Н.И. Надеждин, первый руководитель Отделения этнографии РГО, составил и разослал по губерниям первую этнографическую анкету. Ответы на эту анкету до сих пор являются ценнейшим этнографическим источником. Составлялись и рассылались анкеты и позже (анкета 1910–1916 гг. для составления этнографической карты России и др.). К анкетам неоднократно прибегали и советские этнографы. Достоинство анкет заключается в возможности получить массовый и легко сравнимый материал по широкому кругу проблем этнографии. Не следует, однако, преувеличивать значения анкет и ограничиваться только анкетными данными. Уже для правильного составления анкет требуется предварительное изу-

чение большого количества данных, исходя из которых, определяются и формулируются вопросы анкеты.

Наиболее употребительны следующие типы этнографических анкет и соответствующих им анкетных форм обследования: 1) анкеты, на которые самостоятельно отвечает местное население, и 2) анкеты, которыми руководствуются сами этнографы в процессе полевой работы. Анкеты второго типа в свою очередь подразделяются на анкеты, составленные заранее при подготовке к экспедиции (так называемые тематические анкеты и анкеты-бланки), и анкеты, составляемые на месте, в поле.

Анкеты первого типа рассылаются на места, где на поставленные в них вопросы отвечают местные жители, не имеющие, естественно, специальной этнографической подготовки. Основное требование к таким анкетам – ясная и четкая формулировка вопросов с тем, чтобы получить точные и определенные ответы. Анкеты этого типа не должны быть перегружены вопросами. Рассылку анкет на места следует широко использовать для получения дополнительной информации по уже изученной в основном теме или для сбора предварительных данных, а также для уточнения районов работы будущей экспедиции.

Тематические анкеты чаще всего охватывают своими вопросами какую-нибудь одну определенную тему. В виду того что на вопросы этих анкет отвечают сами этнографы, количество вопросов в анкетах этого типа не ограничивается так строго, как в первом случае, а сами вопросы могут быть поставлены в предельно сжатой форме. Цель работы с такими анкетами – получить сравнимый массовый материал по определенному кругу вопросов.

В отличие от предыдущих, анкеты-бланки содержат небольшую группу вопросов, выделенных в качестве главных при изучении какой-либо темы. Предназначены анкеты-бланки для получения массового сравнительного материала по узкому кругу вопросов, но зато на широкой территории. Анкеты-бланки особенно хороши для определения границ распространения тех или иных явлений и особенностей.

В случаях, когда необходимо быстро и надежно определить наиболее типичные явления и особенности культуры и быта изучаемой группы населения, этнографы нередко пользуются временными анкетами, составленными тут же в поле на основе предварительных обзорных наблюдений. Выделенные на основании такого обзора признаки расписываются по графам анкеты, после чего производится подсчет частоты, с которой они встречаются. Полученные данные позволяют выделить наиболее типичные объекты для дальнейшего обследования. Сравнение хронологической последовательности позволяет наметить и исторические тенденции развития. Будучи временным рабочим документом экспедиции, такие бланки могут быть использованы и в дальнейшем при обработке материалов экспедиции.

Одним из важнейших условий работы с анкетами всех видов является обеспечение *историчности* собранного с их помощью материала. Самое массовое, самое точное анкетное обследование не может удовлетворить этнографа, если оно отражает только статическую картину сегодняшнего дня. В некоторых случаях особенности самого изучаемого явления позволяют даже при единовременном анкетном обследовании выявить исторические тенденции развития. Так при изучении жилищ нередко удастся выделить группы построек разного времени и, сравнивая затем эти группы, судить об историческом развитии типа построек. Или, например, при изучении одежды целесообразно раздельно обследовать одежду каждого поколения.

Этот в общем-то несложный прием сразу обнаружит характер и степень изменений в одежде, произошедших на протяжении нескольких поколений.

Хорошие результаты дают также повторные обследования через определенные промежутки времени одной и той же группы населения по сравнимым анкетам или бланкам. Сопоставляя данные разных лет, этнографы получают достаточно полную и ясную картину динамики развития изучаемых явлений.

Удачным приемом анкетного обследования является сбор материала среди статистически показательной группы (подобно антропологическим группам), а не всего населения. В этом случае обследованию подвергается ограниченная группа (в сто, шестьдесят) объектов изучения. Распределение особенностей в такой группе рассматривается как репрезентативное для всего населения в целом. Этот прием был применен впервые в этнографии доцентом кафедры этнографии исторического факультета МГУ М.В. Витовым при изучении жилища некоторых групп восточных славян. Очевидно, что успех этого приема в значительной мере зависит от правильности определения величины и типичности статистической группы.

Анкетное обследование рекомендуется главным образом для изучения современности. Во-первых, анкеты позволяют собрать массовый доступный статистической обработке материал, что увеличивает весомость сделанных выводов. Во-вторых, массовый анкетный материал открывает возможность путем сравнения данных, собранных в разное время, проследить динамику и закономерности развития явлений современной культуры. Но и при изучении современности было бы ошибкой ограничиваться сбором и обработкой одних анкетных данных. Только сочетание анкетного метода с другими видами работ в поле, постоянная проверка анкетных данных результатами обследования, полученными по другой методике, обеспечивают необходимую полноту и достоверность собираемых сведений.

С особой осторожностью следует пользоваться анкетами при сборе данных по истории культуры, так как до нашего времени сохраняются далеко не все явления прошлого, да и соотношение сохранившихся пережиточных явлений в современной культуре совсем иное нежели в прошлом.

Подготовка этнографической экспедиции

Подготовка экспедиции складывается из двух различных по своему характеру процессов. Первый – научная подготовка экспедиции, второй – материальное обеспечение экспедиционных работ.

Научная подготовка экспедиции состоит главным образом в том, что будущие участники экспедиции определяют, что уже известно по намеченной теме (или темам) экспедиции и исходя из этого определяют объем и задачи предстоящих полевых исследований. Для этого в первую очередь изучается по возможности вся относящаяся к делу этнографическая литература, откуда тщательно извлекаются все конкретные данные (описания, рисунки, фотографии и прочие материалы) о культуре и быте исследуемой группы населения.

Помимо выборки фактических данных из литературных источников, важной частью научной подготовки экспедиции является изучение музейных коллекций и графических материалов, характеризующих культуру данного народа. Никакое описание не может дать этнографу того, что он получает, знакомясь с вещами, рисунка-

ми, фотографиями. Изучая их, этнограф как бы заглядывает вперед, предварительно знакомится с тем, что может встретиться ему в поле.

Немалое значение для успеха будущей экспедиции имеет и знакомство с историей и историей культуры изучаемого народа, а также с литературой по смежным с этнографией разделам науки.

Особое место в научной подготовке экспедиции уделяется изучению географии района, где предстоит работать этнографам. Здесь важно все: климат, ландшафт, гидрография, пути сообщения. Нельзя забывать и того, что географические условия оказывают значительное влияние на развитие различных сторон культуры народа. С климатическими и другими природными условиями нужно считаться и при выборе района работ, времени года для проведения работ, при расчете времени на передвижение и т.д.

Особое внимание нужно обратить на изучение демографии района, в первую очередь этнической демографии, сведения по которой можно извлечь как из материалов переписей населения, так и из этнографических карт⁷.

Научная подготовка экспедиции завершается составлением *программы* экспедиции. Программа экспедиции содержит научную проблематику экспедиции, темы (разделы), по материалам которых эта проблематика будет решаться, а также определяет конкретные пути и формы такого решения. В соответствии с этим в программе указываются:

- 1) общая проблематика экспедиции, чему посвящается вводная часть программы;
- 2) перечень тем экспедиции, т.е. тех сторон культуры народа, по которым будут собираться полевые материалы, необходимые для решения главной проблемы (или проблем);
- 3) район работы экспедиции и ее маршрут;
- 4) сроки работы экспедиции и расчет времени работы на отдельных отрезках маршрута;
- 5) состав участников экспедиции и закрепленная за каждым из них отдельная тема или часть темы (раздел). Если предполагается работа несколькими отрядами, то конкретная задача каждого отряда и районы его работы;
- 6) краткие методические разработки, где перечисляются основные особенности культуры, на которые следует обратить особое внимание, и основные приемы исследования (опрос, анкеты и т.п.).

В дополнение к программе и одновременно с ней подготавливаются и утверждаются различные подсобные документы экспедиции: анкеты, анкеты-бланки и т.п. Полезно также, особенно для этнографов, не имеющих достаточного опыта полевой работы, составить специальные вопросники с подробным перечислением явлений, подлежащих изучению во время полевой работы⁸. По вопроснику легко проверить, какие темы были выяснены подробно, какие нет; легко составить план полевой работы на следующий день и т.д.

На основе подробных вопросников можно составить и более краткие вопросники

⁷ Атлас народов мира». М.: Изд-во АН СССР, 1964 и другие этнографические карты

⁸ Нередко именно эти вопросники в этнографической литературе называют программами, что не совсем точно. Разработано немало подобных программ-вопросников как по культуре отдельных этнических групп, так и тематических.

(содержащие 20-30 пунктов), в которые выносятся узловые, главные вопросы, подлежащие выяснению. Такого рода краткий вопросник начинающие полевые работники могут использовать при опросах населения как «шпаргалку».

Материальное обеспечение этнографической экспедиции. Если археологов образно называют историками, вооруженными лопатой, то этнографа можно назвать историком, вооруженным фотоаппаратом и блокнотом. С каждым годом оснащение этнографических экспедиций расширяется за счет применения все большего количества различных технических средств. Но и до сих пор главными рабочими орудиями этнографа в поле являются тетрадь и карандаш.

Для записи собираемых сведений этнографы запасаются толстыми («общими») тетрадями, желательно с прочным картонным переплетом. Такие тетради удобны для работы в любых условиях, а этнографам редко приходится в поле записывать сидя за столом. Для письма пользуются авторучками или графитными («простыми») карандашами. Нельзя писать шариковыми ручками или химическими карандашами, так как при повышенной влажности (а в экспедициях всякое бывает) записи, сделанные шариковой ручкой или химическим карандашом, расплываются, становятся неразборчивыми.

Почти каждая экспедиция проводит большую работу по сбору и фиксации данных об одежде, жилище и тому подобных материальных сторонах культуры. При этом приходится делать зарисовки, планы, чертежи и т.п., что требует заблаговременного обеспечения экспедиции необходимыми материалами.

Для рисования берут обычную рисовальную бумагу хорошего качества (ватман, полуватман и др.). Такая бумага не обязательно должна быть переплетена в альбоме, но лучше, если она будет закреплена в планшете: это позволит без труда вынимать и хранить готовые рисунки отдельно.

Для выполнения планов построек, чертежей орудий труда и различных приспособлений, для снятия выкроек одежды и т.п. очень удобна бумага-«миллиметровка» в планшетах. Если «миллиметровка» есть только в рулонах, необходимо нарезать ее стандартными листами и уложить их в планшеты. Планшет наиболее удобен и для хранения чертежей и рисунков, и для работы в полевых условиях. Имея твердую обложку из картона или фанеры, такой планшет заменит стол в любых условиях работы.

Для копирования рисунков и некоторых других видов полевой работы употребляется бумажная калька. Калька выпускается двух видов – для туши (глянцованная) и для карандаша. Глянцованная калька хороша для работы красками, но мало пригодна для работы карандашами, не глянцованная – наоборот, удобнее для работы карандашами. Калька выпускается листами или в рулонах. Рулоны не обязательно резать на листы, так как нередко приходится переносить на кальку очертания крупных предметов или выполнять другие рисунки больших размеров.

Для зарисовок и копирования пользуются графитными (простыми) карандашами средней мягкости или мягкими (от ТМ до М4). Для черчения планов и тому подобных работ не следует применять слишком мягкие карандаши, так как графит легко осыпается с листа и смазывается, если его не закрепить.

Лучше брать карандаш ТМ. Для рисования в цвете удобны наборы цветных карандашей с наибольшим количеством цветов (не менее 18, лучше 24–48): с помощью карандашей трудно подбирать тона путем смешивания различных цветов, лучше если будет достаточный набор готовых цветов.

В экспедиционных условиях более удобны для рисования, и главное для копи-

рования рисунков, краски. Применяются краски, растворяющиеся в воде (акварель, гуашь, темпера). Они хорошо ложатся на бумагу, для них всегда есть под рукой «растворитель», а приемами работы с такими красками в необходимых для этнографа пределах нетрудно овладеть. При этнографическом рисовании и копировании применяют более густой, чем в живописи, раствор красок (при работе на кальке), смешивают гуашь с акварелью и т.д.

Для обмеров крупных объектов пользуются обычно метровой рулеткой (по 10-20 м в ленте). Наиболее удобна матерчатая рулетка, но в крайнем случае можно использовать и рулетку с металлической лентой. Для обмера мелких предметов и снятия выкроек с одежды употребляют обычную сантиметровую ленту («сантиметр»), какой пользуются все портные. При черчении планов и масштабном рисовании полезно иметь линейку или угольник. При снятии планов поселений обычно применяют визирную линейку и планшет.

Современную этнографическую экспедицию нельзя представить себе без фотоаппаратов и фотосъемки. Для полевой работы более всего пригодны пленочные фотоаппараты с шириной пленки либо 24 мм, либо 60 мм. Другие фотографические камеры (стационарные, с двойным растяжением мехов) из-за громоздкости и сложности в обращении применяются редко.

Пленочные фотоаппараты различаются не только размером кадра, но и конструкцией. Для экспедиционной работы можно пользоваться самыми различными типами фотоаппаратов («Смена», «ФЭД», «Зоркий», «Киев» и др.), но удобнее все же «зеркалки» («Зенит», «Старт», «Салют»). Дело в том, что система наводки на резкость по зеркалу позволяет пользоваться различными насадочными линзами, сменными объективами, производить съемку с близкого расстояния и т.д. без переналадки фотоаппарата. Для лучшего качества снимков полезно иметь фотоэлектрические фотоэкспонетры, лампы-вспышки и различные мелкие приспособления (карманный штатив, тросик и др.).

Киносъемка пока еще не получила достаточного распространения в полевой этнографии, что объясняется главным образом сложностью работы с киноаппаратами. Можно пользоваться любительскими камерами разных типов с шириной пленки 8 мм. Но при этом получается кадр размерами 2×4 мм, что практически исключает возможность получить с такого кадра отпечатки и сильно затрудняет монтаж фильмов. Киноаппараты с обычной кинопленкой шириной в 24 мм в экспедиционных условиях слишком громоздки и требуют большого количества кинопленки. Лучше всего пользоваться камерами с пленкой шириной в 16 мм. В этом случае с кинокадров можно получать вполне ясные отпечатки на бумаге, а монтаж фильмов сравнительно несложен. Киноаппараты достаточно компактны, а необходимый запас пленки не так уж сильно перегружает багаж экспедиции. Для экспедиции можно рекомендовать киноаппараты типа «Киев» или чешскую камеру «Admira-16». Хорошо, если камера имеет не один, а два или три разнофокусных объектива, укрепленных на поворотной турели, или объектив с переменным фокусом – это сильно расширяет возможности при съемке.

<...>

Применение магнитофонов сильно облегчило бы работу в этнографических экспедициях при опросах населения, однако выпускаемые промышленностью типы магнитофонов пока еще тяжелы и громоздки для полевых условий и широко ис-

пользуются только в диалектологических и фольклорных экспедициях.

Личное снаряжение участников экспедиции в значительной степени зависит от природных условий района работы и от времени года. Как и во всяком походе, этнографы должны ограничить себя только самыми необходимыми личными вещами. При этом следует помнить одно, весьма важное обстоятельство. Одежда и внешний вид работников экспедиции должны быть скромными, не вызывать нареканий и порицания со стороны населения, среди которого ведется работа. Пословица «встречают по одежде, провожают по уму» имеет к этнографам прямое отношение в своей первой части. При обычно коротком периоде контакта с людьми внешний вид и поведение сотрудников экспедиции имеют, как правило, решающее значение. За это время нужно расположить к себе людей, завоевать у них доверие. Ради этого нельзя пренебрегать местными обычаями и вкусами. Не нужно нарочито подлаживаться под местный стиль, но не следует и вести себя вразрез с местными обычаями и правилами. Любое противопоставление себя местному населению вызовет насмешки, неприязнь, и в конечном итоге отрицательно скажется на результатах работы экспедиции.

Основные виды работ в поле

Полевая работа в этнографической экспедиции всегда очень разнообразна. В один и тот же день этнографу нередко приходится и беседовать с местными жителями и фотографировать, описывать те или иные явления, обмерять и зарисовывать всевозможные предметы и т.д. и т.п. Строго отделить один вид работы от другого можно только условно, теоретически, хотя к разным видам работы предъявляются различные требования, и при их выполнении используются разные технические приемы.

Основные виды работ в поле: 1) личные наблюдения исследователя, 2) опрос населения (работа с информаторами), 3) фиксация вещественных материалов, 4) сбор этнографических коллекций.

Личные наблюдения исследователя в экспедиции дают весьма ценные материалы по самым различным вопросам. Географические условия жизни населения, особенности характера населения (общительность, замкнутость и т.п.) и его быта, мелкие черточки поведения, случайные разговоры и т.д. – все это прекрасный этнографический материал для вдумчивого исследователя.

Каждый участник экспедиции должен вести дневник, куда записываются все полезные этнографические сведения, не зафиксированные в полевых записях или в других документах. Ценность таких заметок и наблюдений зависит от направленной наблюдательности работника экспедиции. «Мало глядеть, надо видеть». А умение видеть зависит в первую очередь от объема знаний работника, от его опыта. Поэтому еще раз следует подчеркнуть важность предэкспедиционной подготовки этнографа, особенно его знакомства с вещами, фотографиями и другими изобразительными материалами. Такое знакомство значительно увеличивает зоркость глаза исследователя в полевых условиях.

В дневнике записываются также предварительные выводы, сделанные во время полевой работы, заносятся сведения о передвижениях экспедиции и ее отрядов и многое другое. Систематическое ведение дневника особенно полезно для начинающих полевых работников, так как оно развивает наблюдательность, помогает систематизировать наблюдения, приучает делать обобщения.

Опрос населения (работа с информаторами). Сбор материалов путем опроса информаторов из местного населения составляет важнейшую часть полевой работы этнографа. Успех работы по любой теме зависит от того, насколько полны и достоверны сведения, собранные во время бесед с местными жителями. По ряду тем данные опроса – почти единственный источник необходимой информации.

Трудно заранее планировать весь ход полевой работы, а тем более такую ее сторону, как работа с информаторами. Но нельзя и пускать опрос населения на самотек, проводить опрос беспорядочно. Начать следует с подбора нужных лиц из местного населения. С этой целью, приехав на место работы, этнографы обычно обращаются в местные советские и общественные организации. Работники этих органов достаточно хорошо знают и местные условия и людей и, как правило, в состоянии быть первыми советчиками этнографа при выборе информаторов. Существенную помощь в этом деле могут оказать и работники школ, клубов и других учреждений. Для того чтобы информаторы были выбраны продуманно, нужно правильно объяснить местным товарищам задачи экспедиции. При подборе информаторов полезно записывать не только их фамилии и адреса, но и общие сведения о них. Возраст, время проживания в данной местности, профессия, социальное положение – все это важно и для последующего отбора наиболее нужных лиц, и для определения ценности и характера сообщаемых ими сведений. В результате такой предварительной работы составляется список информаторов с краткими характеристиками каждого из них. Не следует переоценивать значение подобных характеристик, но несомненно, что они помогают правильнее распределить силы и время при сборе материала.

Сведения о нужных информаторах можно получить и в ходе самой полевой работы. Во время бесед, рассказывая о тех или иных вещах, люди обычно называют и других лиц, которые могут подтвердить или дополнить их рассказ. Подобной информацией никогда не следует пренебрегать. Среди местного населения можно получить и сведения, дополнительно характеризующие уже намеченных информаторов.

Когда более или менее полный список возможных информаторов составлен, целесообразно разбить их на две группы. Люди, которые могут дать наиболее ценные сведения, опрашиваются в первую очередь. Остальных опрашивают для проверки уже полученных данных, для сбора дополнительного материала. Если время ограничено, от опроса части информаторов из второй группы можно и совсем отказаться.

Беседа с информатором начинается с того, что этнографы объясняют ему цель своего визита. Такое объяснение играет большую роль при опросе, так как от того, насколько информатор правильно поймет, что от него требуется и о чем он должен рассказывать, во многом зависит и содержание его рассказа. Этнограф должен стремиться к тому, чтобы беседа была живой, непосредственной, не имела характера «допроса». Чем свободнее рассказывает информатор, чем больше он дает «от себя», не ограничиваясь рамками ответа на заданный ему вопрос, тем подробнее и полнее бывают его сообщения, тем больше в них содержится подробностей и деталей, которые нельзя предусмотреть заранее.

Однако не следует целиком полагаться на «самодеятельность» опрашиваемых. Еще до начала беседы полезно составить в уме, а начинающим полевым работникам и на бумаге, примерный план опроса, выделить ту группу вопросов, которые следует обязательно задать информатору. Этот несложный прием позволит не упустить главного и направить беседу по нужному руслу. Не обязательно, конечно, задавать

вопросы строго в том порядке, в каком они составлены заранее, но важно проследить, чтобы ни один из вопросов не остался без ответа.

Чем оживленнее и непосредственнее ведется беседа, тем неизбежнее отступление собеседников от основной темы. При этом разговор легко может перекинуться на предметы посторонние и далекие от интересов этнографа. Если каждый раз при таком обороте беседы прерывать опрашиваемого вопросом, то необходимая живость рассказа будет нарушена, у информатора пропадет интерес к беседе, его ответы станут вялыми, формальными. Но если совсем не реагировать на подобные отступления, беседа превратится в обычный разговор и основная цель опроса не будет выполнена. Вот тут-то и должно проявиться искусство полевого работника вовремя задать вопрос так, чтобы незаметно вернуть разговор к нужной ему теме. Чем естественнее и незаметнее производится такой «маневр», тем успешнее проходит беседа.

Но иногда этнографы намеренно дают разговору отклониться от основной темы: это позволяет отдохнуть и опрашиваемому и опрашивающему. Полезно менять темы опроса в ходе беседы: например, начав с семьи и семейных отношений, перейти к обрядам, затем к одежде или другой близкой теме. Перемена тем снимает утомление у собеседников и сохраняет интерес информатора к беседе.

Вопросы лучше делать не в конкретной форме (особенно если беседа «первична» в данной местности, а не проверочная), а в общей. Каждый узко конкретный вопрос предопределяет содержание ответа, связывая инициативу рассказчика и тем самым лишая этнографа многих интересных сведений, которые мог бы сообщить информатор при свободном, активном рассказе. Нельзя ставить и «наводящие» вопросы, т.е. спрашивать в такой форме, когда в вопросе по существу содержится тот или иной ответ и опрашиваемому остается сказать только «да» или «нет».

В каждой местности существует своя терминология, свои местные слова («локализмы») в языке. Не зная этого, этнограф может задать вопрос, употребляя литературные термины, непонятные местным жителям. Можно заранее сказать, что на вопрос «Носили ли у вас рубахи туникообразного покроя?» ответ будет отрицательный, хотя на самом деле этот тип рубах бытовал здесь. В процессе работы у этнографа постепенно накапливается запас местных терминов, возрастает знание «локализмов». Поэтому и важно, особенно вначале, ставить вопросы в общей форме (например: «Какую одежду носили?») и лишь затем, при проверке полученных сведений, практиковать и прямые вопросы, употребляя при этом местные термины.

Активность беседы зависит и от того, как ведет себя спрашивающий. Человеку в большинстве случаев свойственно желание объяснить, растолковать другому то, чего тот не понимает. Если этнограф не обнаруживает интереса к ответам информатора, задает вопросы, которые обнаруживают его хорошее знание того, о чем он спрашивает, активность рассказчика резко снижается. Поэтому полезно даже тогда, когда из рассказа все ясно, сделать вид, что что-то непонятно, что в другом месте говорилось иное и т.п. Такой прием обычно поднимает активность рассказчика; информатор старается понятнее объяснить, растолковать приезжему суть дела, приводя новые детали, новые интересные подробности. Иной раз именно с помощью такого приема удастся получить уникальные сведения.

Особенно важно добиваться полной ясности изложения всех деталей рассказа. Нельзя уходить от информатора, не добившись, чтобы он подробно разъяснил все непонятные места своего рассказа. Для этого либо в ходе беседы, либо, если это

неудобно, в конце опроса информатору задаются уточняющие вопросы. Уяснению деталей рассказа очень способствуют: показ в действии обряда или приема труда, осмотр вещей, если они есть, сделанные рукой информатора зарисовки, выкройки из бумаги и т.д. Подобные наглядные формы конкретизации рассказа информатора улучшают понимание его деталей.

Нередко беседа с информатором привлекает внимание его соседей, гостей. Тогда они активно включаются в беседу, поправляя друг друга, внося уточнения, а иной раз и споря между собой. Если такая коллективная беседа позволяет лучше осветить изучаемую тему, этнограф должен ее поддержать, направляя ход собеседования, умело заданными вопросами. Бывает и так, что сообщения собеседников не согласуются между собой. Можно попытаться выяснить причину разногласий во время самой беседы или же разобраться в сути разногласий позже, с помощью сведений от других информаторов. Но в любом случае этнографу не следует уже во время беседы открыто принимать сторону одного из спорящих.

Записывать живую речь обычным путем трудно: как правило, удастся записать не более половины. Поэтому приходится записывать беседу не буквально, а излагать ее основное содержание, прибегая к сокращениям, условным знакам и т.п. При этом лишь некоторые обороты речи, местные термины и т.п. записываются буквально, а все остальное – в сокращении. С течением времени у каждого полевого работника вырабатывается своя система записи. Необходимость точной передачи местных терминов и выражений сужает границы применения стенографии, хотя знание стенографии полезно.

Так как при записи делается множество сокращений, то запись ведут разреженно, оставляя место для последующей расшифровки сокращений и дописывания слов. Последнее необходимо делать тотчас же после беседы или в тот же день вечером. Позже смысл части сокращений может быть забыт. Кроме того, при такой обработке записей легко уяснить себе, что сделано за день, какие вопросы предстоит уточнить и проверить у других информаторов, а также составить примерный план работы на следующий день.

Каждое сообщение информатора, каким бы достоверным оно ни казалось, следует сверять с сообщениями других информаторов, и чем больше подтверждений получено во время последующих опросов, тем больше оснований доверять собранным сведениям. Проверка полученных данных по сообщениям нескольких информаторов – обязательная часть опроса местного населения. Конечно, сведения, полученные от местных жителей, могут быть подтверждены литературными данными или при других видах полевых исследований. Но нельзя уезжать из обследуемого района, не проверив как можно обстоятельнее основных собранных материалов. По окончании экспедиции такая проверка часто оказывается невозможной.

Беседуя даже с представителями старшего поколения местных жителей (от 50 до 80 лет), этнограф не может рассчитывать на большую хронологическую глубину: активная память начинается примерно с 10-летнего возраста. Но рассказывая о прошлом, информатор передает не только то, что помнит сам, но и то, что он слышал от своих родителей, дедов. Соответственно возрастает и хронологическая глубина получаемых сведений. Конечно, степень точности данных при этом соответственно понижается, многие детали остаются невыясненными, но все же подобные сообщения нередко весьма ценны, так как никаким другим способом получить их уже невозможно.

Если информатор рассказывает о событиях и фактах сравнительно давнего прошлого, следует, очевидно, попытаться точнее определить время, к которому они относятся. Для этого необходимо узнать, на каком году своей жизни информатор услышал передаваемые им сведения, а также, каков был возраст лиц, от которых он это узнал. Поколение от поколения отделяет в среднем 25–30 лет, но могут быть и довольно значительные колебания (до 30–40 лет на поколение). Это значит, что, пользуясь таким методом, можно заглянуть в глубь истории не на 50–60, а на 100–150 лет.

Опрос информаторов лучше всего вести вдвоем! Можно, конечно, вести опрос и одному, но тогда одновременно приходится спрашивать и записывать, обдумывая в то же время дальнейшие вопросы. Это сильно затрудняет работу, вызывает нежелательные паузы, отвлекает внимание информатора. Работая вдвоем, этнографы распределяют роли так: один спрашивает, второй записывает. Внимание информатора сосредоточено на спрашивающем, тогда как записывающий старается сесть в стороне и не привлекать к себе внимания. В этом случае беседа делается естественной, плавной. Лучше, если для опроса объединятся специалисты по разным темам. Каждый из них опрашивает информатора по своей теме, в то время как другой ведет запись.

Рекомендуется, чтобы партнеры работали вместе длительное время: оба тогда привыкают понимать друг друга с полуслова, каждый чувствует, что успел записать его товарищ, а что нет, где нужно остановиться, повторить вопрос и т.д. Хорошо сработавшиеся партнеры собирают не только гораздо больше материалов, но и успевают почти дословно все записать.

Но не всегда, даже при работе вдвоем, удастся свободно вести запись. В некоторых (впрочем, редких) случаях процесс записи так смущает информатора, что он или совсем отказывается отвечать на вопросы, или говорит крайне скупое и неохотно. В таком случае приходится вести опрос без записи, которая производится затем по памяти тотчас же после беседы. При этом обязательно помечают, что запись произведена по памяти. Прибегать к записи по памяти следует лишь в самых крайних случаях. Недопустимо откладывать запись по памяти хотя бы на один-два дня: в последнем случае не только утрачиваются многие любопытные детали, сообщенные информатором, но и возможны искажения полученных сведений.

Знание языка местного населения – важное условие успешной работы в поле. Но далеко не всегда этнографу удастся изучить язык заранее, а тем более освоить разговорную речь. Поэтому в этнографических экспедициях часто пользуются услугами переводчиков. Выбор переводчика – весьма ответственное дело. Чтобы работа с переводчиком была успешной, переводчик должен отвечать следующим требованиям: 1) хорошо знать местный язык и язык сотрудника экспедиции (лучше, если язык местного населения является для переводчика родным); 2) пользоваться уважением среди местных жителей: если они не будут уважать переводчика,-tone будут относиться с уважением и к сотруднику экспедиции, а следовательно и к его работе; 3) быть достаточно образованным человеком для того, чтобы хорошо понимать задачи своей работы и необходимость точного перевода без «отсебятины».

Очень важно до начала работы разъяснить переводчику задачи экспедиции, изложив хотя бы в самых общих чертах основы знаний в области изучаемых явлений. Чем лучше переводчик будет ориентироваться в предмете исследования, тем успешнее пойдет работа. Особо следует настаивать на точности перевода.

Фиксация вещественных материалов. Основное требование к этому виду работ – точность передачи встречающихся явлений и объектов и их основных особенностей. Фиксация вещественных материалов включает в себя: 1) *Описание предметов или явлений.* При описании полезно придерживаться определенного порядка, определенной последовательности. Так, если описывается жилище, то начинают с описания устройства фундамента, затем стен, кровли, потом переходят к описанию деталей (дверей, окон) и т.д. Последовательность и порядок каждый раз зависят от целей исследования и от характера изучаемых явлений. Так, при описании обрядов составляют, если это известно заранее, «сценарий» обряда, его схему и распределяют обязанности наблюдателей за отдельными этапами обряда. Начинающему полевому исследователю лучше всего описывать такие сложные действия, как процессы труда, обряды и т.п. в том порядке, в каком они производятся.

Для фиксации материальных предметов описание применяется реже: в этих случаях чаще ограничиваются фотографированием и графическими приемами фиксации. Но при изучении процессов труда, обрядов, танцев и вообще различных форм деятельности описания сохраняют свое значение как основной вид фиксации.

2) *Графические приемы:* рисование, черчение, копирование.

Этнографическое рисование не требует особых способностей. Каждый человек может освоить простейшие приемы этнографического рисования. Рисование (масштабное, по координатной сетке и др.) позволяет графически изобразить устройство сложных орудий труда, показать принцип взаимодействия их частей и характер рабочих операций. На рисунках-схемах легко и удобно проставить наименования фиксируемого предмета и его частей. Рисование дает возможность более точно, чем цветная фотография, фиксировать цветовые соотношения узоров, росписей, орнаментов и т.п. Сущность конкретных приемов рисования и некоторые практические советы даны также в разделах «Одежда», «Утварь».

К этнографическому рисованию по своим приемам тесно примыкает черчение. С помощью масштабного черчения составляют планы построек, чертежи орудий труда, чертежи-выкройки одежды, чертежи утвари и т.д. Во многих случаях приемы черчения сочетают с рисованием (примеры снятия чертежей см. в разделах «Жилище», «Одежда»).

Копирование часто применяется для снятия копий с тканей и вышивок, росписи и т.п. Наиболее употребительны копирование через кальку или на обычную тонкую бумагу «на просвет» (см. рис. 23) и копирование методом прямого или обратного эстампажа. При прямом эстампаже на выпуклый или резной узор наносится краска, затем этот узор отпечатывают на бумаге. При обратном эстампаже на узор накладывается бумага или калька и мягким карандашом или куском графита бумага притирается по узору.

3) *Фотографирование,* кроме умелого пользования наличной аппаратурой, требует знания основных правил и приемов фотографии различных предметов и объектов. Сведения об этом можно почерпнуть в специальной литературе по фото и кино (см. список литературы в конце книги). Некоторые важнейшие правила будут приведены ниже, по ходу изложения.

4) *Съемка планов* поселений требует овладения топографическими навыками. Простейшие топографические приемы изложены в разделе о поселениях.

Сбор этнографических коллекций. Никакие описание, фотография или рисунок не в состоянии заменить собой саму вещь, предмет. Особенно важно собирать те предметы народной культуры, которые выходят или уже вышли из массового употребления. Современная эпоха с ее развитыми экономическими связями и массовым промышленным производством предметов быта характерна в частности тем, что многие особенности местной культуры, сохранявшиеся до того столетиями, быстро исчезают без следа. Этнографы и вообще все научные работники, изучающие народную культуру, обязаны собрать и сохранить в музеях все, что возможно, чтобы нашим потомкам не пришлось производить археологические раскопки для получения необходимых сведений о XX в., как это приходится делать сейчас при изучении древних периодов нашей истории.

Сбор этнографических коллекций нельзя вести бессистемно. Главная задача при собирании коллекций – выделить наиболее типичные элементы культуры, характерные для данного населения и определенного периода его жизни. При сборах стремятся не столько к приобретению каких-то «выдающихся», уникальных экспонатов, сколько к систематическому подбору наиболее типичных вещей. В наших музеях достаточно вещей красивых, богато орнаментированных и украшенных, вещей редких в быту народа, но часто нет самых простых обыденных предметов быта и культуры, характерных для повседневной жизни людей. Подобные коллекции создают неправильное, приукрашенное, а значит и ложное представление о прошлом. Итак, первое требование к этнографической коллекции – *требование типичности собираемых экспонатов*.

Определяя типичность тех или иных вещей, следует иметь в виду и изменчивость культуры во времени. То, что типично для одного исторического периода, становится нетипичным для другого. Поэтому, если возможно, стараются выделить разные «пласты», комплексы предметов, типичные для каждого периода.

Сбор коллекций, конечно, зависит от того, что есть в наличии у местного населения, и от того, что возможно приобрести: далеко не все соглашаются уступить собирателям свои вещи. Но этнограф обязан всячески стремиться к тому, чтобы в его коллекциях были представлены не отдельные экспонаты из разных районов, разных эпох, характеризующие разные области культуры, а *комплексы вещей*.

Комплекс вещей – такое собрание предметов, которое наиболее полно отражает определенный раздел народной культуры, определенную сторону жизни населения. Такие комплексы могут быть широкими или узкими. Так, можно собирать все, что относится к хозяйству населения данного района – орудия обработки почвы, образцы культивируемых растений, орудия охоты и рыболовства, приспособления для собирательства и т.д. и т.п. Можно сузить задачу и собирать лишь вещи, характеризующие какую-нибудь одну отрасль хозяйства, например, рыболовство. Главное, чтобы сборы были как можно более полными, чтобы они отражали все виды работ данной отрасли и все стадии производственного процесса. При собирании коллекции одежды важно получить все элементы одежды, от головных уборов до обуви, одежду будничную и праздничную, летнюю и зимнюю.

Так как уже во время подготовки к экспедиции можно определить наиболее характерные элементы культуры, то рекомендуется заранее, еще до выезда экспедиции, составить примерный список вещей, которые следует приобрести во время полевой работы. В этот список в первую очередь включаются те вещи, которых пока нет в музейных собраниях.

Собирая вещи, нужно стремиться к тому, чтобы они были из одного района, из одного поселения, самое лучшее, из одной семьи, от одного владельца. Ни в коем случае нельзя оставлять смешанные комплексы из разных по культурным особенностям мест. Сборные комплексы правомерны лишь в том случае, когда твердо установлено, что они отражают действительное бытование подобных вещей в комплексе. Это устанавливается во время полевой работы по опросам и другим данным.

Собирая вещи, этнограф обязан составить к каждой вещи, к каждому экспонату и к комплексу в целом подробное описание, «легенду». В этой легенде указывается: 1) место и дата приобретения вещи; 2) полное, имя владельца вещи; 3) имя, возраст и место жительства тех, кто пользовался этими вещами; 4) имя, возраст (или дату изготовления вещи) и место жительства тех, кто делал эту вещь; 5) название вещи местное и общепринятое; 6) назначение вещи и способ ее употребления (возможно подробнее); 7) краткое описание вещи с указанием ее особенностей и характерных признаков (чтобы не спутать с другими, подобными экспонатами). Такая легенда должна быть собрана и записана со всеми возможными подробностями. Она служит основанием для составления музейного паспорта вещи. Без такого паспорта невозможно научное использование коллекции, какие бы ценные экспонаты она не содержала.

Для фиксации собираемых коллекций в экспедиции заводят особую тетрадь или выделяют страницы в дневнике, полевой тетради. Каждая вновь приобретенная вещь записывается в порядке приобретения под отдельным номером. На самом экспонате укрепляется этот же номер или талон-бирка с указанием основных данных легенды. Вещи, входящие в один комплекс и приобретенные у одного владельца, записываются под одним номером, но с введением внутренней нумерации для каждого экспоната комплекса. Собранные экспонаты при первой возможности отправляют к месту их хранения (в музей, научное учреждение), приложив выписки из материалов экспедиции, содержащие легенды данных вещей и всевозможные сведения об их бытовании.

Далеко не всегда работникам экспедиции удастся приобрести интересные экспонаты. По разным причинам (из-за нежелания владельцев уступить вещь, нехватки средств на приобретение, трудностей транспортировки и т.п.) многие возможные экспонаты остаются на месте. В таком случае необходимо записать точное местонахождение вещи, имя владельца и передать эти сведения в местный музей или краеведческую организацию для взятия на учет.

Любая этнографическая экспедиция может и должна вести работу по сбору коллекций. Для этого не обязательно иметь специальные средства. Много можно получить в дар. Всегда легко получить образцы растений, «полуфабрикатов» (т.е. изделий в различных стадиях обработки) и т.п. Все это намного обогатит полевые материалы экспедиции.

УДК 930.2

© С.В. Чешко

КАК ПИСАТЬ НАУЧНЫЕ ТЕКСТЫ

Автор делится своим опытом написания и издания научных работ. Он обращает внимание начинающих ученых на такие аспекты, как умение сформулировать тематику и проблематику научной публикации, культура работы с текстом, особенности терминологического аппарата, характерные для западной и отечественной этнологии / антропологии.

Ключевые слова: приемы работы с научными текстами, советы начинающим авторам, научная терминология, этика научной работы.

В течение многих лет мне привелось заниматься издательской деятельностью – в журнале «Этнографическое обозрение», в серии «Народы и культуры», в других серийных изданиях Института этнологии и антропологии РАН. Теперь мне доверили – вместе с С.В. Васильевым – издавать журнал «Вестник антропологии».

Мой опыт убеждает меня в том, что культура подготовки научных текстов от поколения к поколению молодых ученых падает. Правда, и в среде авторов средних и старших поколений бывают случаи неважного знания русского языка, неумения логично изложить результаты исследований, аргументировано подтвердить выводы, четко, понятно для читателей изложить материал. И это доставляет издателям и редакторам труднопреодолимые проблемы. Требуется аккуратно объяснить авторам, в чем они неправы, почему их стилистика не соответствует нормам литературного русского языка.

Представители старших поколений, о которых я говорил, – это продукт советской высшей школы, со всеми ее очевидными ныне преимуществами и недостатками. Многое зависело не только от личности студента – предположительно, будущего ученого, – но и от того, в каком ВУЗе и у каких преподавателей он учился. Будучи выпускником исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, я до сих пор вспоминаю с благоговением, а то и с дрожью, выдающихся ученых и преподавателей факультета. Они умели требовать, учили культуре работы с источниками, историографией, написания собственных текстов. Помню, заведующий кафедрой Древнего мира В.И. Кузищин вразумлял меня по поводу моей курсовой работы, которую в целом он одобрил. Что-то я написал неудачно, и Василий Иванович сказал примерно следующее: это то же самое, что заплатка на хорошем, дорогом костюме.

У меня накопился приличный опыт (лет двадцать) приема вступительных и кандидатских экзаменов в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН. Я и мои коллеги, члены Приемной комиссии, от года к году недоумевают относительно падения уровня подготовки многих абитуриентов. А после их поступления в аспирантуру Института, зачастую, обнаруживается их крайне низкая способность писать

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, гл. научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscov@mail.ru.

профессиональные научные тексты. Причины этого, на мой взгляд, – резкое падение уровня общеобразовательной школьной подготовки, отсутствие обучению русскому языку в ВУЗах, недостаток внимания к аспирантам со стороны научных руководителей и научных коллективов (центров, отделов, секторов), к которым аспиранты приписаны. Странно, но в учебных программах ВУЗов, да и аспирантур, не предусмотрено обучение созданию научных текстов.

Все, что написано выше, есть предисловие к моей основной теме. Хочу поделиться своими соображениями относительно того, как следует писать научные тексты. Разумеется, я не могу заявлять свой пример в качестве эталона, поскольку сам вижу много изъянов в своей научно-писательской деятельности. Но мой многолетний опыт написания собственных работ и издания работ других авторов, возможно, будет полезен для кого-нибудь из начинающих исследователей, желающих, чтобы результаты их изысканий нашли максимально большое число потребителей.

Итак, попробую систематизировать свои советы молодым авторам.

* * *

Начиная писать. Необходимо осознавать, что, о чем, для чего и для кого ты пишешь. Это означает четкую постановку темы, понимание актуальности, проблематики и новизны работы, и это следует уже с первых строк довести до сведения читателей. Очень часто автор либо сообщает об этом где-то в середине статьи, либо вообще этого не делает, видимо, полагая, что читатель и так должен понимать – «по умолчанию». Даже если тема уже достаточно «заезженная», но публикация необходима (для аспирантов и докторантов это особенно необходимо, чтобы соблюсти требования ВАК), надо уметь так преподнести текст, чтобы у читателей даже не возникало сомнение о нужности написанного.

Разумеется, молодые авторы, озабоченные, прежде всего, накоплением публикаций, необходимых для защиты кандидатской диссертации, задумываются, в первую очередь, об этой прагматической задаче и нередко упускают из вида собственно научные, исследовательские критерии качества научных трудов и мотивы их создания. Однако такой, вполне, впрочем, объяснимый с житейской точки зрения подход чреват опасностью привыкания к некритичному отношению к своим сочинениям, скатиться к графоманству.

Бывают, хотя и значительно реже, случаи противоположного свойства – когда автор чрезмерно щепетильно относится к замечаниям рецензентов и редакторов. Во взаимоотношениях с ними гипертрофированная послушность, некритичное отношение к замечаниям могут привести к формированию своего рода комплекса неуверенности, боязни выразить собственное мнение. К любому замечанию, даже на, первый взгляд, несправедливому, следует относиться со вниманием – а вдруг ты просто пока не можешь сразу его понять. Но необходимо также вырабатывать чувство собственного достоинства, помня о праве на авторскую позицию.

Начинающий, как и любой, автор, даже не сознавая того, стоит перед дилеммой о предназначении того, что он пишет. Один вариант – писать для себя и на себя: ради пополнения списка опубликованных трудов, роста всевозможных рейтингов, индексов цитирования, продвижения по службе, с целью опередить коллег по степени публикационной плодовитости (которую часто путают с научной состоятельностью) и т.д. Другой вариант – писать для читателей, так чтобы они понимали написанное

тобою и оценили твой труд. Но есть еще один и самый, на мой взгляд, весомый критерий – писать в свое удовольствие.

Конечно, писание научных текстов – это тяжелый, изнурительный труд. Бывает, что целыми днями, уставившись в текст, не можешь сообразить, какое слово должно быть следующим, или вообще не знаешь, с какой фразы начать. В таких случаях лучше отложить написанное, отвлечься, отдохнуть, заняться другим делом. Озарение обязательно придет, и ты испытаешь радость от своей находки. Наслаждение от мыслительной деятельности, своей способности хорошо написать (вспомним пушкинское – «ах ты, сукин сын») – это, по моему разумению, неперемное условие научного творчества. Не буду хвастаться, но, кажется, в своей жизни я не написал ничего хотя бы без какого-то участия вдохновения – только лишь ради публикации. Последнее – неинтересно. Если твои мозги постоянно работают «из-под палки», то лучше, наверное, сменить род деятельности.

Среди наиболее распространенных ошибок многих авторов – своего рода недоговоренность, латентность смысла текста. Обычная коллизия: говоришь автору, что какой-то пассаж из его текста непонятен, а он начинает объяснять, что он имел в виду. Не надо ничего объяснять редактору и издателю – надо писать предельно ясно. Следует уважать читателя.

Отношение к критике. Точность в изложении мыслей – и в интересах автора, если он не хочет нарваться на неожиданную и несправедливую критику. Часто встречаешься с критикой такого рода: автор написал то-то, значит он, такой-сякой, имеет в виду то-то. А автор этого и не имел в виду, но просто не сумел или не озаботился корректно передать суть своей мысли. Вообще говоря, неумение вчитываться в текст или слышать оппонента во время дискуссий, желание услышать то, что ты хочешь услышать – исходя из собственных взглядов или просто чувства противоречия, – это весьма распространенные вещи. Но в ходе живой дискуссии есть возможность объяснить свою позицию, а недоразумения по поводу восприятия опубликованного текста разрешить значительно сложнее.

Кстати – по поводу умения воспринимать критику опубликованного. Неправедливая, а тем более, предвзятая критика – это неприятно и обидно. На нее можно публично реагировать, но корректно, объясняя, в чем оппонент неправ, а в иных случаях такую критику проще проигнорировать, чем ввязываться в бесперспективную перепалку, чреватую перейти в межличностную и неприличную свару. В таких случаях издателю приходится просто волевым образом прекращать «переписку», хотя в результате он же оказывается виноватым – каждый из спорщиков претендует на то, чтобы оставить за собой последнее слово.

А вообще по поводу отношения к критике вспоминаю сентенцию директора Института этнографии Ю.В. Бромлея по поводу недовольства кого-то из сотрудников реакцией на его статью: критике надо радоваться – если критикуют, значит читают. И действительно, если не читают, значит, ты работаешь впустую.

Чем писать. Надо учиться – и всю жизнь! – нормальному литературному русскому языку. Покойный П.И. Пучков был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Я по своей наивности полагал, что пишу неплохо. Но Павел Иванович так исчеркал текст моей диссертации, что там практически не осталось «живого места», и я понял, что сильно переоценивал свои способности. Умение учиться и не обижаться на справедливую критику – это тоже неперемное условие

формирования образа мысли и манеры писать ученого.

Можно отметить типичные недостатки в научных текстах, связанные с пробелами в знании русского языка и в стиле изложения материала.

Зачастую приходится видеть плохое ощущение норм и архитектоники языка, небрежность в построении фраз. Невозможно, например, воспринимать предложения, когда в них, один за другим следуют несколько причастных и деепричастных оборотов, когда абзацы занимают одну-две страницы. Если так писал Л.Н. Толстой, то это Толстой.

Пунктуация зачастую выходит за все мыслимые рамки правописания. Нередко приходится сталкиваться со случаями, когда мысль автора летит далеко впереди логики и грамматических правил изложения этих мыслей: «проглатываются» необходимые части речи, расставляется так называемая «ситуативная» (допустимая для усиления смысла), но неоправданно эмоционально окрашенная пунктуация.

Бывает, что научные тексты просто невозможно читать по причине их заумности, тяжеловесности, перегруженности длинными фразами. Суть дела заключается в том, чтобы научиться совмещать нормативный русский язык с авторскими особенностями стилистики, включая некоторые лексические и фразеологические вольности. Научный текст все же не обречен быть – по определению – засушенным и скучным. Лучшая пропаганда научных знаний, науки как рода деятельности – писать и по-научному корректно, и увлекательно. Так пишут, например, этнологи Сергей Александрович Арутюнов и Даниил Давыдович Тумаркин, так писал покойный классик физической антропологии Александр Александрович Зубов. Мне до сих пор доставляет удовольствие перечитывать «Историю дипломатии» академика Тарле, работы по археологии немца К. Керама (Курт Вильгельм Марек).

Необоснованное употребление всякого рода «-измов» и иноязычных калек тоже не украшает научные тексты. По молодости лет и я, признаюсь, был подвержен синдрому «интеллектуальности» и «научности». К сожалению, сегодня этот синдром, похоже, перешел естественные возрастные границы и стал отличительной чертой отечественного понятийно-терминологического аппарата.

Я отнюдь не призываю к филологическому пуризму и изоляционизму. Современный русский язык, и, особенно, его научный сегмент, наполнены заимствованиями из других языков – давними по происхождению и ставшими настолько традиционными для русской лексики, что без них русский язык был бы невозможен для употребления. Но не вижу непреодолимой необходимости в дальнейшем размножении таких заимствований, если русский язык вполне способен передать соответствующие понятия. Не могу, впрочем, не сказать именно о давней кальке, прочно вошедшей в русский язык и зачастую употребляемой совершенно бездумно. «Глобальный» означает «всемирный», но во многих научных публикациях приходится встречать «глобальные проблемы Мценского уезда».

Соглашусь с тем, что «дискурс» (англ. *discourse*) невозможно перевести на русский язык одним-единственным словом – и пока никому не удалось это сделать. Но в отечественных публикациях «дискурсируют» по любому поводу, не задумываясь о возможности применить к тому или иному конкретному случаю более понятный и более точный термин, а ведь в науке, в том числе в гуманитарных дисциплинах, приветствуется терминологическая определенность. Англ. *pattern* имеет множество значений, соответствующих разным понятиям, существующим в русском языке. Но

вместо их использования, механически пишут «паттерны». В последнее время в публикациях сплошь да рядом используется термин «актор» (англ. *actor*), как будто бы это нечто принципиально иное, нежели «действующее лицо», «действующая сила» и т.п. Такая лексическая ограниченность (а примеры можно приводить и дальше) нередко приводит к фразам-уродцам, которые невозможно понять. «Дискурс акторов относительно паттернов...».

Почти в одном ряду с этими англицизмами стоит термин «идентичность» (англ. *identity*), практически вытеснивший традиционный для отечественной этнологии термин «самосознание». «Почти» - потому что здесь имеет место не только терминологический, но и концептуальный аспект. «Identity», в прямом переводе, означает «тождественность», «индивидуальная принадлежность» и тому подобное, связанное с причислением себя человека к какой-то группе, идее, культуре и пр. «Самосознание» - это более широкая категория, отражающая характер осмысления индивидом своего места в мире. Соответственно, замена самосознания на идентичность приводит к существенному сужению человеческого миропонимания и является прямым следствием экспансии *конструктивизма* в этнологическую методологию.

Если уж я заговорил о «конструктивизме», то не могу умолчать и о распространившейся моде все упоминать его антипод - западный «примордиализм», который все, кому ни лень, отождествляют с парадигмой советской «теории этноса». Мне уже приходилось писать о ложности такого отождествления (см., например: Чешико 2013: 179). Но и этот пример, как и приведенные выше случаи, свидетельствует о том, что в отечественной этнологии утверждается автоматическое и некритическое копирование западной научной терминологии. Впрочем, это можно отнести и на счет неважного владения, как русским, так и иностранными языками.

К сожалению, нередко пишут не только на «французско-нижегородском» наречии, но и на новорусском молодежном слэнге. Слова-паразиты, фразеологизмы-паразиты, уродцы-неологизмы уже повсеместно встречаются не только в устной речи, но и в публикациях. «Как бы» (по любому поводу), «ровно столько» (и т.п.) – подобные обороты стали, чуть ли не нормой русского языка, тиражируемой СМИ и кинематографом.

Как писать на иностранных языках. Вот тут я могу основательно «подставиться», поскольку вовсе не считаю себя отличным знатоком какого-то либо языка (включая русский). Сегодня молодежь знает языки гораздо лучше, чем среднестатистический научный сотрудник советского времени, в которое я воспитывался и образовывался. Для «иноязычных» молодых коллег мои соображения вряд ли пригодятся. Но кому-то, возможно, будут интересны два моих совета.

Когда мне приходится писать статьи на английском языке, то я придерживаюсь двух принципов, которые существенно облегчают работу и экономят время.

Во-первых, надо сразу писать на соответствующем языке. Написать сначала по-русски, а потом переводить на иностранный язык – это, фактически, двойная работа по причине различий в строении языков, во фразеологическом, идиоматическом корпусе. Потом лучше обратиться к знатоку языка, и это, кстати, будет хорошим способом улучшить собственное языковое самообразование.

Во-вторых, надо писать так, чтобы тебя просто поняли. Не надо комплексовать по части того, что ты не идеален в языке, что тебе недоступны филологические изыски.

Как оформлять тексты. Это тоже является важной частью общей культуры научной работы. Часто приходится сталкиваться с тем, что авторы небрежно оформ-

ляют тексты, плохо их вычитывают. Это, в частности, выражается в отсутствии выравнивания текста по ширине, расстановки переносов, нумерации страниц, неправильных отступов.

Прежде, чем сдавать работу издателю, полезно дать ей вылежаться, дать отдохнуть глазам и затем еще раз, а если надо, то и два-три раза, прочитать написанное. Надо уважать чужой труд – в том числе редакторов и издателей. И следует понимать, что автор неряшливого текста, особенно если он проявляет в работе с рецензентами и редакторами неоправданный апломб, может и не получить доступ к публикации его следующей статьи.

Литература

Чешко 2013 – С.В. Чешко. Рец. на: Н.Н. Константинов. Советский Союз 1944–1991 гг. в историографии: репрезентация полиэтнического политического сообщества. Екатеринбург, 2012 / Этнографическое обозрение. 2013, № 6. С. 177-181.

Cheshko S.V. How to write scientific texts.

The author shares his experience of writing and publishing the scientific works. It focuses attention of the beginning scientists to such aspects as the skill to formulate item and research aims of the scientific publication, the work efficiency with the text, the special feature of terminological apparatus, characteristic for western and domestic ethnology/anthropology.

Keywords: *the methods of work with the scientific texts, advices to the beginning authors, scientific terminology, the ethics of scientific work.*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 002.53/55

© М.М. Герасимова

ОБЗОР: ХОДЖАЙОВ Т.К. НАСЕЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ БУХАРЫ. М.: ЭКОСТ, 2007. 259 С.; **ХОДЖАЙОВ Т.К., МАМБЕТУЛАЕВ М.М. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ КУЮККАЛА.** М.: ЭКОСТ, 2008. 432 С.; **ХОДЖАЙОВ Т.К., ГРОМОВ А.В. ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ.** М.: ИЭА РАН, 2009. 351 С.; **ХОДЖАЙОВ Т.К., МУСТАФАКУЛОВ И., ХОДЖАЙОВА Г.К. СТАРЫЙ ТЕРМЕЗ (К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА).** АКТОБЕ, 2012. 320 С.

За последние годы в литературу вошло несколько обобщающих монографий по палеоантропологии Средней Азии, где существенная составляющая представлена материалами по краниологии, собранными и изученными Т.К. Ходжайовым.

Нет, пожалуй, ни одного из больших регионов, когда-то входящих в пределы Советского Союза, а ныне являющихся нашими соседями, как Средняя Азия, так полно изученного в антропологическом плане. Палеоантропологический покров большинства из территорий этого обширного и интереснейшего региона, представленного в настоящее время огромным материалом, известен, главным образом, благодаря инициативе, усилиям и творческому осмыслению его Т.К. Ходжайовым. Во всех рецензируемых работах была предпринята весьма успешная попытка собранные Т.К. Ходжаевым многочисленные материалы и имевшиеся в литературе данные с территории Средней Азии по краниологии населения, начиная с эпохи энеолита и бронзы и кончая нашим временем, проанализировать с помощью современных методов многомерной статистики. В известной мере решая весьма актуальную проблему для этнической истории и антропологии Средней Азии – проблему формирования антропологического своеобразия населения городских центров и его взаимоотношений с сельским оседлым и полукочевым населением.

Первая из рецензируемых работ Т.К. Ходжайова вводит в научное обращение уникальные материалы по краниологии и палеодемографии 13 знаменитых позднефеодальных мавзолеев Бухары и ее окрестностей. Работа содержит два приложения: таблицу индивидуальных и средних данных по краниологии и одонтологическую характеристику средневекового населения Бухары, выполненную Г.К. Ходжайовой. Материалы из Бухары и уже имевшийся к тому времени в распоряжении автора многочисленный материал были подвергнуты анализу с помощью современных методов многомерной статистики. Интересным представляется сопоставление данных о рас-

селении этнических групп внутри города и о социальной стратификации с морфологическими характеристиками населения, что позволило автору сделать обоснованный вывод о внедрении в городскую среду, созданную европеоидным населением, утратившим родоплеменную стратификацию, полукочевых племен со значительной монголоидной примесью. Процесс внедрения этих племен, начавшийся в конце первого тысячелетия до н.э. продолжался и в позднефеодальный период.

В следующей рецензируемой работе очередной раз Т.К. Ходжайов вводит в круг источников огромную базу данных по палеоантропологии Средней Азии. На этот раз работа представляет собой труд двух авторов, в основу ее положены материалы из раскопок раннесредневекового могильника Куюккала, относящегося к кердерской культуре. Работа состоит из 2-х разделов. Один из них посвящен подробному археологическому описанию памятника, классификации погребений, их типологии и хронологии, характеристике погребального инвентаря. Второй раздел – очень подробному и тщательному анализу палеоантропологических материалов из этого могильника (палеодемографии, краниологии и остеологии).

Анализ демографических данных позволил Т.К. Ходжайову сделать вывод о наличии довольно сильного стресса, испытываемого популяцией, оставившей могильник Куюккала, вызванного, скорее всего, экологическими причинами, но не исключающего благоприятной перспективы развития популяции. В этой работе исследуются и остеологические материалы. По такому реконструированному показателю, как длина тела, население оказалось близким к современному населению Южного Приаралья. Это позволяет утверждать, что длина тела (рост) в Средней Азии стабилизировалась к середине I тыс. н.э.

Анализ краниологических материалов из могильника Куюккала позволил выявить своеобразие населения, оставившего этот памятник, не имеющего аналогий ни среди более позднего населения этой культуры (мог. Токкала), ни среди населения соседнего афригидского Хорезма. Наибольшее сходство своим ярко выраженным монголоидным обликом черепа из Куюккалы напоминают черепа небольшой серии этого же времени из Миздахкана. Т.К. Ходжайов высказывает идею, что в формировании этой культуры могли принять участие носители джетыясарской культуры, для более же поздних ее этапов, представленных памятником Токкала, напротив, основная роль принадлежала населению афригидского Хорезма, при незначительном участии племен джетыясарской культуры.

Сами по себе эти исследования и выводы представляются достаточно любопытными и важными, однако ими отнюдь не исчерпывается значимость материалов. Кердерская культура сложилась в раннем средневековье в правобережной части дельты Амударьи, и носители этой своеобразной и яркой культуры, судя по археологическим данным, имели значительные связи с населением Хорезма, племенами Нижней и Средней Сырдарьи, Семиречья и даже Южной Сибири. Исследование палеоантропологических материалов кердерской культуры и, в частности, из могильника Куюккала, позволило поставить и решить вопросы этнических связей населения этой культуры с населением Устюрта, Северного Хорасана, Тохаристана, Согда, Усрушаны и т.д. Предпринятый многомерный межгрупповой анализ на широком сравнительном фоне выявил наличие разнонаправленных антропологических связей, показал, что в формировании сложного состава населения владения Кердер принимало участие как местное, так и пришлое население. Эти пришлые скотовод-

ческие племена, вероятнее всего, были выходцами из бассейна нижнего и среднего течения Сырдарьи, севера Ферганской долины и долины Таласа. В различные отрезки времени для процессов сложения антропологических особенностей населения владения Кердер были характерны различные соотношения субстратного и суперстратного компонентов. Они с очевидностью показывают сложность формирования антропологического состава населения Средней Азии, специфику соотношений кочевого и оседлого, земледельческого населения, сельского и городского, европеоидного и монголоидного в античное время, раннее и развитое средневековье. В известной мере, эти материалы изменяют наше стереотипное представление о том, что на любом отрезке времени имела место принципиально большая гетерогенность населения городов, о большем внедрении кочевого населения в городские центры, нежели в среду сельского населения.

Совместный труд Т.К. Ходжайова и А.В. Громова является первой сводкой огромного массива данных по палеодемографии Средней Азии, характеризующейся сложными и разнообразными историческими судьбами народов, населяющих ее, пестротой этнической карты, чрезвычайно сложной картиной антропологического состава населения. Динамика половозрастной структуры населения прослежена от эпохи энеолита и бронзы до современности. Палеодемография является единственным источником получения демографических данных для древних эпох и для многих территорий, население которых не имело письменности. Но и для периода, близкого к современности, палеодемографические данные не утрачивают своей уникальности в качестве исторического источника, мало того, они, при условии накопления достаточно обширной базы данных позволят провести коннексию между палеодемографией и исторической демографией. И в этом плане рецензируемая монография в отечественной литературе также является пионерской.

Монография построена следующим образом: основному тексту предшествует очень краткое введение, затем следуют методические замечания и четыре крупных раздела, излагающие материал в хронологической последовательности. Внутри каждого раздела материал организован по территориальному принципу, а там где возможно, он подразделяется на более мелкие хронологические отрезки, в соответствии с археологическими датировками. Каждый раздел содержит историко-археологическую характеристику региона, а также характеристику погребальных комплексов и палеоантропологического материала, что является необходимой предпосылкой для первичных палеодемографических наблюдений.

Как известно, палеодемографические исследования отличаются рядом специфических особенностей, поскольку исходные данные сами являются в известном плане реконструируемыми. Ценность работы заключается также в том, что она представляет собой сводку авторских половозрастных определений, и лишь в отдельных случаях содержит данные других исследователей. Причем надо отметить, что большинство половозрастных определений сделано одним из исследователей. Количество индивидуальных половозрастных определений, включая не столь многочисленные опубликованные ранее данные других авторов, позволяет провести обобщающие исследования в изучении демографической структуры городского и сельского населения Средней Азии в различные исторические эпохи. Для периода энеолита и бронзы беглый подсчет говорит о не меньше, чем шести тысячах индивидуальных определений, для античности и для средневековья – приблизительно о двух тысячах.

Основным методическим приемом авторов исследования является классический метод построения таблиц смертности (процент дожития, вероятность смерти, ожидаемая продолжительность жизни для различных возрастных категорий). Кроме того определялись средний возраст умерших в группе, средний возраст умерших без учета детей и подростков, процентное соотношение полов, процент детской смертности и процент индивидов старше 50 лет. Авторы в полной мере отдавали себе отчет в том, что рассматриваемые материалы, которые собирались главным образом на протяжении многих лет исключительно для краниологических исследований, обуславливают те методические приемы, которые были использованы в данной работе. Таблицы смертности рассчитывались при наличии детских костяков для всей исследуемой группы, и отдельно для мужчин и женщин.

С моей точки зрения, наибольший интерес представляет глава, посвященная палеодемографии эпохи энеолита и бронзы. Антропологический материал этого времени, пригодный для палеодемографических исследований, получен из десяти памятников, большая часть которых представляет собой некрополи крупных протгородских центров древних земледельческих цивилизаций, и только три – принадлежали сельскому населению. Один из самых значительных памятников – это полностью раскопанный могильник Пархай II в долине р. Сумбар (Юго-Западный Туркменистан), в котором зафиксировано 4193 индивида, а число половозрастных определений достигает 3120. Длительность существования могильника от раннего энеолита до поздней бронзы позволила авторам рассмотреть материал по отдельным периодам. И отметить несколько устойчивых тенденций: число женщин, как правило, превышает число мужчин, неуклонно падает процент детской смертности, средний возраст смерти без учета детей у мужчин остается почти неизменным, а у женщин – от позднего энеолита до развитой бронзы отмечается неуклонное снижение среднего возраста смерти. В целом население долины р. Сумбар в течение обозначенных периодов характеризовалось благополучной демографической ситуацией, обусловленной благоприятными климатическими условиями обитания и отсутствием внешних конфликтов. Некоторое ухудшение палеодемографических показателей, отмечаемое авторами для эпохи ранней бронзы, находит объяснение в возможном перенаселении долины. Возможно, именно уходом части населения из долины можно объяснить распространение антропологических особенностей, свойственных этому населению (регистрируемое по краниологическим данным), на обширной территории в пределах Средней Азии. Демографическая ситуация населения долины в эпоху поздней бронзы, дополненная материалами из могильников Сумбар I и Сумбар II, нетипична, она отличается присутствием в могильнике большого количества молодых мужчин, увеличением вероятности смерти в возрасте 30–34 лет для обоих полов и значительным численным преобладанием женских погребений. Все это свидетельствует о возможных военных конфликтах.

Два других памятника, принадлежащих сельскому населению, дали не столь многочисленный материал. Выборка из могильника Кокча 3 тазабагъябской культуры эпохи бронзы в дельте Амударьи дает информацию всего о 97 индивидах. Население это отличалось как высоким уровнем смерти, так и, видимо, рождаемости. Небольшое число погребенных молодых женщин, не соответствующее значительному числу умерших детей, свидетельствует о большой репродуктивной нагрузке, приходящейся на женскую половину популяции. Третья выборка сельского населения происходит из

памятника, вошедшего в литературу под названием «Тигровая Балка», она включает материалы, собранные из четырех отдельных могильников, различающихся особенностями погребального обряда. По мнению авторов монографии, с которым нельзя не согласиться, при столь нерепрезентативном характере выборки, имеет смысл учитывать лишь величину среднего возраста смерти и процент индивидов старше 50 лет.

Не все выборки из протогородских центров – Алтындепе, Карадепе, Геоксюр, Гонур с юга Туркмении, и Сапаллитепа, Джаркутан из Узбекистана – представительны, но в целом, материал, характеризующий взрослое население, позволяет сделать интересные выводы. Например, преимущественное преобладание среди погребенных женщин, не соответствующее обычному феномену преобладания мужчин в древних сериях, авторы объясняют более высокой степенью подвижности мужской части населения, исключающей погребение в некрополе своего поселения. Показательным является процент индивидов старше 50 лет. Могильники Сапаллитепа, Джоркутан и Гонур отличаются малым числом таких индивидов, низкой величиной возраста смерти. Определенные тенденции палеодемографии населения эпохи энеолита – бронзы подтверждаются методом многомерной статистики. Например, компонентный анализ величины вероятности смерти (qx) в разных возрастных периодах продемонстрировал определенные закономерности распределения половозрастных характеристик погребенных. Выявляется противопоставление серии из Джаркутана группе серий из Южной Туркмении, причем характерно, что серия сумбарской культуры, которая характеризуется некоторым ухудшением палеодемографических показателей, сближается с серией из могильника протогородского центра, а не территориально ей близкой серией из Пархай II. В целом, авторы отмечают компактное расположение как мужских, так и женских серий из Юго-Западной Туркмении по обоим компонентам, что свидетельствует о стабильности социальных и экологических условий существования данных популяций на протяжении длительного времени, в отличие от групп из Джоркутана и Сапаллитепа из Северной Бактрии, характеризующихся нестабильностью демографической ситуации.

Палеодемография населения античной эпохи и эпохи средневековья рассматривается в рамках отдельных историко-культурных областей, население которых имеет различные этнические, культурные и морфологические особенности и свой исторический путь развития: Туркменистан, Бактрия-Тохаристан, Согд, Приаралье, Ташкентский оазис и Ферганская долина. Численность половозрастных определений в античных и средневековых сериях значительно меньше численности предшествующей эпохи при увеличении общего количества памятников (по 26 для каждой эпохи). Наиболее крупные серии происходят из Туркмении, Хорезмского и Ташкентского оазисов, Согда. В античное время резко изменяется соотношение полов: в большинстве могильников начинают преобладать мужские захоронения. Хорошим маркером реальных различий в социальных и экологических условиях обитания населения в античное время является средний возраст смерти (без учета детей): максимальные величины этого показателя обнаруживаются в сериях из Приаралья. Минимальные – характерны для памятников Ташкентского оазиса и Бактрии. К сожалению, анализ главных компонент по рядам из таблиц смертности не мог быть применен из-за малочисленности серий. Авторами был применен компонентный анализ первоначальных данных, преобразованных в радианы. Распределение мужских и женских выборок в пространстве двух главных компонент показывает определенные параллели в их группировке, а также противопо-

ставление групп из Ташкентского оазиса и Приаралья.

Историко-археологическая и антропологическая характеристики населения Средней Азии эпохи средневековья рассматриваются отдельно для трех хронологических периодов – раннего, развитого и среднего, причем авторы придерживаются той же территориальной группировки материалов, что и для античного периода. Авторы фиксируют наше внимание на морфологическом сходстве и генетической близости населения западных и центральных областей Средней Азии и его значительное отличие от населения восточных областей. В эту эпоху отчетливо проявляется антропологическая дифференциация по морфологическим особенностям городского и сельского населения. В эпоху развитого средневековья состав населения делается менее гомогенным и обнаруживает значительную смешанность. Характерной особенностью антропологического облика населения в это время является локализация монголоидной примеси, привнесенной племенами из северных и северо-восточных областей, в сельской местности, в отличие от античности, когда пришельцы оседали в основном в городской среде. В позднем средневековье географическое распределение антропологических признаков связано не столько с определенными регионами, сколько с принадлежностью к сельскому и кочевому населению. Демографические показатели рассматривались в рамках того же территориального членения, что и в античную эпоху. Наиболее крупные серии также происходят из Туркмении, Согда, Ташкентского и Хорезмийского оазисов. Можно сказать, что наблюдается определенная преемственность демографических показателей населения античного времени средневековым населением, что является подтверждением сохранения реальных различий в социальных и экологических условиях обитания.

Палеодемография населения близкого к современности анализируется на основе материалов, которые происходят в основном из крупных, полностью раскопанных могильников Самаркандской области и Бухары и ее окрестностей, т.е. региона, который издавна известен, как Согд. В Бухарских погребальных памятниках преобладают элитные комплексы, что и определяет преобладание в них мужчин, в соответствии с определенными этнографическими особенностями популяции. В остальных наиболее представительных выборках процентное соотношение полов примерно равное. Это выравнивание произошло за счет возросшего числа женских погребений. Процент индивидуумов старше 50 лет обнаруживает большой разброс, причем выделяются серии из могильников сельского населения Самаркандской области, для которых характерно небольшое число пожилых людей, в отличие от элитных бухарских, где % пожилых людей очень велик. Проведенный компонентный анализ на основе количества погребенных четырех возрастных групп, преобразованных в радианы, также демонстрирует отличие серий сельского населения от серий из элитных городских погребальных комплексов.

В последнем небольшом разделе, к сожалению, явно не соответствующему по объему той важности выводов, которые могли быть сделаны на основе всей суммы полученных данных, авторы кратко излагают основные тенденции и динамику половозрастных взаимоотношений в палеопопуляциях Средней Азии. Наиболее полная динамика изменений палеодемографических показателей, охватывающих несколько исторических эпох, была прослежена в Южной Туркмении и Приаралье (включая Хорезм). Прослежены изменения среднего возраста смерти, процентное соотношение полов, процент индивидов старше 50 лет и т.д. Эпохальные тенденции в поло-

возрастных распределениях были проанализированы методом главных компонент по численности погребенных разных возрастных групп. В мужских выборках среднеазиатских популяций прослеживается эпохальная тенденция к увеличению среднего возраста смерти. Это увеличение авторы связывают не только с изменениями и улучшениями социально-экологической обстановки, но и с вовлечением в анализ увеличивающегося количества элитных погребений, полагают авторы. У женщин увеличивающийся вклад в общую изменчивость палеодемографических характеристик вносят не столько численность индивидов, достигших пожилого возраста, сколько факторы, регулирующие уровень смертности в репродуктивный период. Отдельный интерес представляют собой довольно краткие, но емкие по содержанию, историко-археологические и антропологические очерки населения Средней Азии отдельных эпох. Единственным недостатком книги и единственной претензией к авторам рецензируемой монографии является отсутствие столь же тесного взаимопроникновения палеоантропологических и палеодемографических данных.

И вот перед нами новая книга. Она посвящена двум крупным исследователям антропологии Средней Азии, В.В.Гинзбургу и Т.А.Трофимовой, которые в известном смысле были учителями, а затем и старшими коллегами Т.К. и Г.К. Ходжайовых. Монография посвящена исследованию этапов формирования антропологических особенностей населения огромной историко-культурной области, начиная с эпохи античности вплоть до времени, близкому к современности. Нет необходимости обосновывать значимость изучения палеоантропологии этой исторической области, известной в древности как Бактрия, входившей в состав государства Ахеменидов, затем в империю Александра Македонского, образовавшей Греко-Бактрийское государство, а в средние века известной, как Тохаристан, ставшее основным ядром Кушанской империи. Монография состоит из Введения, двух глав и Заключения. И что самое главное – Приложения, содержащего в табличном виде индивидуальные измерения черепов, организованные в серии, согласно археологическим и хронологическим критериям, которое еще долгие и долгие годы будет настольной книгой нескольким поколениям антропологов. Решение поставленной задачи существенно не только для антропологов, но и для археологов и историков широкого профиля, поскольку касается взаимоотношений городского, сельского и кочевническо-скотоводческого населения Бактрии-Тохаристана, а также взаимоотношений этого населения с населением других историко-культурных областей Средней Азии и сопредельных регионов. Антропологический материал охватывает огромный исторический отрезок времени, в течение которого происходили существенные изменения в политической и этнической истории данного региона, что способствовало возможности рассмотреть динамику антропологических признаков и комплексов от эпохи античности до позднего средневековья. Город Старый Термез, сложившийся в античное время, в кушанский период становится крупным административным центром Северной Бактрии. Особого расцвета город достигает в IX–X вв., X–XIII вв., когда он становится крупнейшим торгово-ремесленным центром. Будучи полностью разрушенным монголами, Старый Термез начинает частично обживаться только в XVI–XVII вв. Эта работа заслуживает самого подробного рассмотрения. В первой главе приводятся результаты изучения палеодемографии и краниологии населения Старого Термеца эпохи античности (I в. до н.э. – VI вв. н.э.). Основные результаты палеодемографического анализа были освещены, как уже было отмечено, в специальной моногра-

фии (Ходжайов, Громов 2009), но краткий очерк и выводы проделанной ранее работы представляются здесь весьма уместными. Анализируя палеодемографические данные из античных памятников Старого Термеза, авторы оценивают палеодемографическую ситуацию у античного населения Бактрии-Тохаристана как неблагополучную, отмечая, что некоторые специфические характеристики отдельных палеопопуляций могли быть обусловлены не только образом жизни и экологическими условиями, но и особенностями формирования захоронений, спецификой самих погребальных обрядов и трансформацией религиозных воззрений. В этой главе на основе анализа археологического сопутствующего материала краниологический материал разделен соответственно трем периодам античного времени (юэчжйский, кушанский и эфталитский). Для каждого из периодов дается подробное описание краниологических серий и проводится внутри- и межгрупповой статистический анализ. Результаты изучения краниологических особенностей населения античной эпохи в контексте особенностей населения других историко-культурных областей Средней Азии позволяют фиксировать со второй половины I тыс. до н.э. значительные передвижения племен. Вероятнее всего – из Приаралья, через Центральные Кызылкумы в долины Зарафшана и Кашкадарьи, далее в Северную Бактрию.

Во второй главе также один из параграфов посвящен палеодемографии. Несмотря на значительно меньшую репрезентативность материала, здесь выявляются некоторые особенности демографических показателей, по сравнению с большинством синхронных европейских популяций. Так, можно выявить некоторые общие закономерности, такие как отсутствие в ряде могильников захоронений пожилых женщин (в среднем, пожилых мужчин почти вдвое больше, чем женщин этой возрастной когорты); средний возраст смерти у женщин Старого Термеза меньше, чем это наблюдается среди большинства синхронных европейских популяций. Краниологические материалы эпохи средневековья рассматриваются в рамках трех хронологических периодов - раннее, развитое и позднее средневековье, для каждого из которых дается подробное описание краниологических серий и проводится внутри- и межгрупповой статистический анализ. В результате делается вывод о том, что население раннего средневековья оказалось наиболее близким морфологическим комплексам, присущим населению Старого Термеза кушанского, эфталитского периодов. Т.е. вплоть до VIII вв. смены антропологического состава здесь не произошло. Серии Старого Термеза эпохи развитого и позднего средневековья, по данным статистических анализов, мало различаются между собой, но отличаются от серий предыдущих периодов. В формировании их морфологических особенностей можно предполагать заметное влияние иных групп населения. Этот комплекс новых черт является одной из составляющих общего морфологического облика населения Старого Термеза времени близкого к современности, наряду с морфологическим комплексом, характерным для древних периодов функционирования города и округа.

Данные краниологии дополняются изучением одонтологии населения Бактрии – Тохаристана. Результаты изучения морфологических особенностей зубной системы позволяют сделать вывод о том, что население Старого Термеза, Дальверзинтепа, Ялантуштепа, эпохи средневековья, как и в предыдущие периоды, обладало грацильным вариантом южного европеоидного одонтологического типа. Это подтверждается низкой встречаемостью лопатообразных форм резцов, межкорневого затека эмали на втором нижнем моляре, высоким уровнем редукции нижних моляров и ряда

других признаков. Полученные одонтологические данные свидетельствуют о формировании в древности на территории Среднеазиатского междуречья, в том числе и Бактрии, специфического одонтологического типа, сочетающего черты «западного» и в различной степени «восточного» одонтологического стволов.

Подводя итоги изучению краниологического и одонтологического материалов, характеризующих население Старого Термеза, включая и его сельскую округу, авторы приходят к выводу о том, что в течение всего периода функционирования данного города, в отличие от других городов Северной Бактрии, здесь не выявляется присутствие скотоводческих племен. Антропологический состав городского населения Термеза европеоидный и по происхождению, в отличие от населения северных областей, входит в южный среднеазиатский этногенетический пучок.

В связи с этим значительный интерес представляют наблюдения и соображения авторов о специфике расо- и этногенетических процессов у оседлого городского и сельского и скотоводческого населения Средней Азии. В эпоху бронзы скотоводческие племена проживали вокруг земледельческих оазисов. Известные нам из погребальных памятников Туркмении, Западного Таджикистана, они характеризовались европеоидным антропологическим типом, отличаясь от оседлого населения матуризованностью и крупными размерами головы и лица, которое, напротив, характеризовалось грацильным строением черепной коробки и лицевого скелета. В эпоху поздней бронзы на краниологическом материале были зафиксированы двусторонние миграции племен с различными хозяйственно-культурными комплексами. В сериях, принадлежащих популяциям некоторых протогородов и поселений, в частности джаркутанского и бустанского комплексов на молалинском этапе сапаллинской культуры, выявлена примесь, характерная для массивных европеоидов - скотоводческих племен бишкентской культуры. С другой стороны, в антропологическом составе населения вахшской культуры обнаружены элементы, присущие оседло-земледельческим племенам Северной Бактрии и Маргианы.

В одной из рассматриваемых работ Т.К. Ходжайов сформулировал необходимые условия для анализа и обнаружения, фиксации «многослойности» антропологического состава городских и сельских образований на различных территориях и в различные хронологические отрезки времени: 1. Наличие большого числа городских могильников одного хронологического среза (синхронный аспект исследования), 2. Наличие значительного хронологического диапазона изученных городских некрополей (диахронный аспект). Исследуемый им с его коллегами материал соответствует сформулированным условиям.

Поскольку Средняя Азия в силу своего географического положения и огромного исторического прошлого является регионом, определяющим судьбы не только народов, населяющих ее территорию, но и населения сопредельных стран, рецензируемые монографии представляет интерес и будут полезны не только для антропологов, но и специалистов других профессий – археологов, этнографов и историков. Мне кажется, что можно поздравить специалистов этих профессий с появлением этих монографий.

РЕЦ. НА: УРАЛЬСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СЕМЬЯ: НАРОДЫ, РЕГИОНЫ И СТРАНЫ. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК / ПОД РЕД. А.П. САДОХИНА, Ю.П. ШАБАЕВА. М.: ДИРЕКТ-МЕДИА, 2014. 969 с.

В московском издательстве «Директ-Медиа» вышел в свет этнополитический справочник «Уральская языковая семья: народы, страны и регионы», главными редакторами которого являются профессор кафедры ЮНЕСКО Академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ А.П. Садохин и зав. сектором этнографии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, доктор исторических наук Ю.П. Шабает. Работа над справочником продолжалась более 10 лет, в его подготовке принимали участие ученые из академических институтов и университетов России, Финляндии и Эстонии.

Справочник изначально задумывался как некий ответ научного сообщества на социальный запрос, возникший в связи с необходимостью этнологического и этнополитического просвещения населения такой полиэтнической и поликультурной страны, каковой является Россия. В последние годы в различных средствах массовой информации активно освещаются тема «Финно-угорского мира», широкие общественные инициативы, связанные с международным финно-угорским движением и деятельностью различных российских организаций, представляющих интересы уральских народов. Нередко подобные обсуждения выливаются в крайне острые дискуссии, которые оказывают существенное влияние на общественные настроения в регионах традиционного проживания финно-угров и самодийцев.

Однако, как сами рядовые финно-угры, так и активисты этнических организаций, а тем более представители этнических групп, составляющих их культурное окружение, в большинстве своем не имеют ясного представления ни о том, что собой представляет идея так называемого «Финно-угорского мира», ни в чем состоит суть более простых и необходимых для формирования культуры толерантности понятий, таких, например, как *этническая группа*, *этничность*, *нация*, *раса*. В этом смысле очевидно, что названный справочник имеет вполне определенную

общественную миссию – просветительскую.

До сих пор «этнологическим просвещением» аудитории, заинтересованной в информации, касающейся истории, культуры и современного состояния уральских народов, занимались финские, венгерские и эстонские исследователи и публицисты. Такие издания (на русском языке) распространяются обычно на всемирных конгрессах финно-угорских народов, на Международных конгрессах финно-угроведов и на этнических съездах. Однако во всех предыдущих изданиях, касающихся названной проблематики, имелись определенные недочеты, но главное, что указанные издания не позволяли получить относительно полную картину истории, культурной жизни и современных этнополитических реалий, характеризующих ситуацию, складывающуюся на территории проживания уральских народов.

Что касается «научной миссии» рецензируемого издания, то она, на наш взгляд, является двоякой. С одной стороны справочник представляет собой своеобразную «предпроектную разработку». В последние несколько лет учеными из республик, в которых значительную часть населения составляют финно-угры, овладела идея создать «Финно-угорскую энциклопедию». Сейчас эта идея активно обсуждается в региональных академических институтах. Справочник «Уральская языковая семья», по сути, есть некий аналог подобной энциклопедии, а точнее – очевидный шаг на пути к ее созданию. В нем около 1000 страниц и более 160 словарных статей.

С другой стороны, справочник служит формой систематизации обширного массива информации, связанного с современной этнологией, финно-угристикой, историческими исследованиями, этнополитической проблематикой.

Значительная часть статей сборника освещает малоизвестные исторические события (например, восстания ненцев и хантов против советской власти – статьи «мандалада» и «казымская война»), описывает деятельность известных и давно забытых научных обществ, члены которых занимались изучением языка, культуры финно-угров и самодийцев. Она предоставляет информацию о новых способах презентации этнической культуры (например «финно-угорский мир», «этнофутуризм», «финно-угорские проекты в рунете»), о видных ученых и традициях изучения уральцев, современных формах политизации этничности.

В структурном плане справочник состоит из нескольких смысловых блоков, первый из которых наполнен разнообразной информацией, подобранной таким образом, чтобы у пользователя была возможность получить краткое представление обо всех уральских народах, о том, что является основанием для объединения этих народов в единую группу, о значимых событиях в истории данных народов, о странах и регионах, где проживают уральские народы, о региональных центрах, где сосредоточены основные культурные институты уральцев.

Следующий блок информации касается истории изучения уральских народов, научных обществ, принимавших активное участие в этом изучении, наиболее крупных исследователей, внесших заметный вклад в изучение языков, этнографии, фольклора уральских народов.

Третий блок материалов касается этнополитики (национальной политики) и дает информацию о различных этнополитических (национальных) организациях, их идеологии, о некоторых этнополитических лидерах и формах политического представительства этнических меньшинств в России, современных моделях этнополитики. Кроме того, представлены статьи о народах (и их этнополитических

организациях), с которыми финно-угры соседствуют и тесно взаимодействуют на протяжении многих столетий.

Последний информационный блок – это специальные понятия и термины, использующиеся в науке и этнополитике, понимание которых необходимо при анализе этнической проблематики. Наконец, в качестве приложения к словарным статьям помещены тексты наиболее значимых правовых и политических документов, с помощью которых регулируются отношения между государством и культурными сообществами.

Все словарные статьи расположены не по тематическим блокам, а в алфавитном порядке, что облегчает восприятие материала. Тематические статьи справочника предваряет редакторская статья, которая имеет характерное название «Этническая «карта» России и культурная политика». В редакторской статье освещается опыт российской этнополитики, начиная с создания Сибирского приказа в 1637 году, и рассматриваются правовые принципы, которые должны быть положены в основу современных отношений между государством и этническими группами.

Как нам известно, справочник создавался в инициативном порядке, т.е. без какой-либо государственной поддержки, помощи спонсоров, научных фондов. Это не позволило привлечь к работе над ним некоторых потенциальных авторов и создало серьезные сложности с публикацией. Но инициативный характер издания повлек и другие сложности, которые отразились на качестве издания и обусловили его недостатки.

К недостаткам рецензируемого труда можно отнести то, что для читателя остаются не до конца ясными общие принципы формирования справочника, причины, по которым отбирались справочные статьи. Непонятно, почему одни исторические события или персоналии стали поводом для написания отдельных статей, а другие – нет. Например, в данном справочнике вполне уместной могла бы быть статья, посвященная празднованию 1000-летию вхождения мордовских земель в состав российского государства. Это мероприятие есть типичный образец современного исторического и этнополитического мифотворчества, которое составляет основу многих идейных конструкций, взятых на вооружение как этническими радикалами, так и этническими «романтиками».

Второй существенный недостаток связан с тем, что форма подачи этнополитических материалов, характеризующих ситуацию в разных регионах РФ, не является строго единообразной. Так крупнейшим организациям, призванным представлять интересы титульных этнических групп в Коми, Удмуртии, Мордовии. Марий Эл, ЯНАО, ХМАО посвящены отдельные статьи, а о карельских организациях информация представлена в одной обзорной статье «Карельское этнонациональное движение».

Было бы также полезно, чтобы статьи, в которых речь идет о венгерских, эстонских, финских финно-угроведах, научных обществах, а также о народах, составляющих основу населения названных стран, об их истории писали венгерские, эстонские и финские специалисты. Их участие в проекте, к сожалению, весьма скромное.

Но последнее пожелание вряд ли уместно рассматривать как упрек инициаторам проекта, поскольку они вынуждены были создавать справочник в рамках тех возможностей, которые у них были, а эти возможности опирались лишь на энергию, инициативу, работоспособность, научную квалификацию создателей спра-

вочника, ибо никаких других ресурсов у них не было.

Безусловно, по поводу содержания отдельных статей могут возникнуть споры, поскольку сфера этнополитики вообще крайне дискуссионна, но очевидно, что в статьях изложена авторская позиция, которую можно оспаривать. Большинство статей справочника, однако, как принято в такого рода изданиях, имеют преимущественно информационный, познавательный характер.

Конечно, даже в столь объемном издании, как рецензируемый справочник, не удалось представить всю значимую информацию, касающуюся изучения уральских народов, значимых событий в их истории, этнополитических проблем, но на сегодняшний день названный труд можно считать самым полным справочным изданием подобного рода.

УДКУДК 002.53/55

© М.Н. Губогло

**РЕЦЕНЗИЯ НА: С.В. ЧЕШКО ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. М., 2014, 240 с.**

Кафедра этнологии МГУ, давшая России не одно поколение первоклассных специалистов, всегда славилась профессорско-преподавательским корпусом. Вместе с учеными Института этнологии и антропологии РАН, она внесла значительный вклад в развитие науки о народах нашей страны и мира. Высокий уровень образования, получаемый воспитанниками знаменитой кафедры этнологии, обеспечивается, во-первых, лекциями и семинарскими занятиями под руководством ученых, имеющих мировое признание, во-вторых, высоким уровнем периодически обновляемых учебников и учебных пособий, в которых сочетается как глубина осмысления, так и доступность постижения излагаемого материала, в-третьих, атмосферой воспитания глубокой мотивации студентов и аспирантов, ступивших, благодаря кафедре, на стезю этнологии и социальной антропологии.

Мне, как выпускнику этой кафедры образца далекого 1963 года, конечно, трудно судить, каким должен быть современный базовый учебник по этнологии вместе с ассоциированными с ним тематически ориентированными учебными пособиями, представляющими в совокупности итоги научных исследований и преподавательских практик в деле освоения и осмысления истории, системы жизнеобеспечения, опыта и культуры человечества. Однако я уверен, что новое учебное пособие С.В. Чешко «Этнология и социальная практика», совмещающее в себе итоги научных исследований автора и систематическое изложение и истолкование этнографических портретов многих народов мира, в 20 главах, отвечает высоким требованиям преподавательской деятельности на кафедре этнологии. Меня, кстати, удивляет, как, обладая большой эрудицией, С.В. Чешко сумел вместить, как в китайские колодки, богатейшую информацию в краткое учебное пособие.

В этом ему помогли, во-первых, стратегия экономного изложения материала двух важнейших разделов этнологии – теоретико-методологической и информационно-познавательной – «в одном флаконе», во-вторых, его умение и способность

мыслить конкретно и системно, что сказалось на качестве учебного пособия. Экономный подход позволил без потерь и оптимально изложить трудоемкий материал, успешно пройти между Сциллой многословия и Харибдой обидных недоговоренностей из-за ограниченных размеров «социального заказа» (объема учебного пособия).

В первом разделе, в котором мне видятся 6 глав из 20, изложены принципиальные теоретико-методологические основы этнологии и социальной антропологии.

Среди фундаментальных трудов советских этнографов и антропологов видное место занимает учебное пособие профессора С.А. Токарева «Этнография народов СССР» (М., 1958. 616 с.). Книга была написана по материалам многолетней исследовательской работы и на основе курса лекций, читаемых автором с 1939 г. для студентов и аспирантов кафедры этнографии исторического факультета МГУ. Книга С.А. Токарева, как энциклопедическое издание по «историческим основам быта и культуры» (таков был ее поясняющий подзаголовок), послужила настольной «дорожной картой» для многих выпускников кафедры этнографии МГУ.

Учебное пособие известного российского этнолога С.В. Чешко «Этнология и социальная антропология», подобно мосту над бездной, соединило через 56 лет берега вершинных достижений советской и постсоветской этнологической науки.

Между этими двумя учебниками, как связующей нитью прошлого и настоящего, можно назвать двухтомное учебное пособие «Народоведение», созданное авторитетным авторским коллективом под руководством преемника С.А. Токарева по заведыванию кафедрой, профессора В.В. Пименова.

Книга С.А. Токарева, сочетавшая в себе в те 1960–1970-е годы лирику (иллюстрации и ментифакты) и физику (аналитическое описание артефактов), имела четкое функциональное предназначение: представить общественности истоки происхождения народов СССР и итоги преобразования их культуры и быта, что имело огромное теоретическое, политическое и практическое значение, в том числе в обосновании исторической справедливости в деле сохранения жизнеспособности и самобытности народов России по сравнению с исчезновением с лица земли некоторых народов на других континентах планеты.

Преклоняясь перед памятью С.А. Токарева, перед его фантастической эрудицией и личным обаянием, не могу не сказать несколько слов о книге, по которой сначала сдавал, а потом и принимал экзамены у студентов и аспирантов по основам общей этнографии народов СССР. Учебное пособие С.А. Токарева представляло собой первое систематическое обзорное издание о народах СССР в масштабах всего Советского Союза. Так сложилось в науке, что к середине XX века в стране не было ни классического учебника, ни учебных пособий по причине того, что были слабо разработаны теоретические и практические вопросы исследовательских практик и стратегий в слабо обозримой предметной области.

В отличие от учебного пособия С.А. Токарева, в котором подводились итоги развития этнографии, за истекшие несколько веков, перед учебным пособием С.В. Чешко стояла неизмеримо более сложная задача: подвести итоги преобразований за постсоветский период, а также представить панораму значительных концептуальных обновлений и состояния предметной области этнографии, переименованной в этнологию. Смысл предлагаемой рецензии видится в изображении и в объяснении того, как С.В. Чешко успешно справился с этой задачей.

Профессора кафедры этнографии МГУ, иногда в соавторстве с учеными Институ-

та этнологии и антропологии РАН, создали серию интересных учебников и учебных пособий, отражающих основы жизнедеятельности народов и трансформационные процессы. Так, например, в учебнике «Этнография» (М., 1982, 320 с.) под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова была дана краткая характеристика этнического своеобразия народов мира на различных этапах мировой истории: в древности, в средневековье, в новое время и по состоянию на рубеже 1970–1980-х годов. Изложение приведено в региональном аспекте. Специальный раздел посвящен проблемам и фрагментам этнической истории народов СССР.

В учебнике «Этнология» под редакцией Г.Е. Маркова и В.В. Пименова (М., 1994) было обращено внимание на первые шаги постсоветской истории. Популярностью пользовались в свое время учебные пособия преподавателей кафедры, в том числе: *Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе). Учебное пособие (М., 1979); *Основы этнологии – учебное пособие / под редакцией В.В. Пименова* (М., 2007); *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Религиозные организации современного мира. Учебное пособие (М., 2010).

Оценивая достижения советских этнографов 1960–1970-х годов С.В. Чешко делает вывод о том, что главным в советской теории этноса является «признание народов-этносов в качестве самостоятельных субъектов исторического развития и социального бытия» (с. 7).

Это признание имеет фундаментальное значение, так как позволяет выделить два направления в освоении истории человечества, особенно с момента появления, наряду с сообществами народов-этносов, государственных образований. С.В. Чешко ставит точку над *i*, когда утверждает, что «невозможно отрицать объективность существования этнических общностей разных типов и таксономических уровней, которые можно объединить общим, родовым понятием “этнос”» (с. 8).

Вспоминается, как более 40 лет тому назад видный советский археолог и историк, академик Б.А. Рыбаков на пленарном заседании Всесоюзного археологического, этнографического совещания по итогам полевых исследований (1973 г., г. Ташкент) предупреждал этнографов о том, что «предметная область этнографии напоминает льдину, тающую под горячими лучами весеннего солнца». Этому фатальному, прозвучавшему тогда как приговор профессии этнографов, не суждено было сбыться. Успехи отечественной этнографии и ее законной наследницы этнологии и социальной антропологии – в убедительной форме отражены в учебном пособии С.В. Чешко. Оно, по сути, является одновременно и курсом лекций, и итогом исследовательской работы, и в полной мере убеждает в несостоятельности пессимистического предсказания маститого ученого.

Предметная область этнологических исследований, как основательно показано в рецензируемой книге, не «таяла под лучами солнца», а, напротив, расширялась, благодаря незатухающему интересу в научной среде к соединению двух потоков исследовательских проектов – к *этнологическому* изучению групп людей и *антропологическому* плюс постижение повседневной жизни индивида. Именно на пересечении коллективистских и личностных мотивов, интересов и практик в лоне этнологии сохранили свои позиции и способствовали расширению предметной области этнологии – диффузионизм и фрейдизм, функционализм и французская социологическая школа, историческое и психологическое направление (с. 41–54).

Во второй половине XX века в западной науке возникла тенденция реабилитации

эволюционизма, что привело к утверждению неозволюционизма (с. 54). Из функционализма выросли британский и французский структурализм, представленные соответственно сочинениями Э. Эванс-Притчарда и К. Леви-Стросса (с. 54–56).

Подчеркивая высокую значимость достижений советского этнографического знания во второй половине XX века (1950–1980-е годы) и объясняя это, наряду с другими факторами, либерализацией политического режима после смерти Сталина и XX съезда КПСС (с. 56), С.В. Чешко находит удачный, на мой взгляд, показатель опредмеченной деятельности этнографов и оправданно дает ему оригинальное название «этносология» (с. 57–61). Думаю, что термин обречен на признание.

Перспективы дальнейшего развития этого научного направления, вероятно, будут в немалой мере взаимозависимы с развитием пограничных научных дисциплин – этносоциологии, этнополитологии, этноэкологии, этнодемографии, этногеографии, этномедицины и ряда других (с. 8–9).

Антропологизация этнологии, как сподвижницы исторического знания, вероятно, будет пополняться обостренным вниманием к человеку, воспринимающему, отражающему и воспроизводящему этнокультурное наследие своего народа – этнофору (В.В. Пименов), этноличности (И.С. Кон, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева), этноинтересанту (М.Н. Губогло).

Ядром *этносологии* послужили некоторые идеи С.М. Широкогорова, отраженные в его книге «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (Шанхай, 1923), частично воспринятые Ю.В. Бромлеем и Л.Н. Гумилевым. Будучи вдумчивым и вездливый исследователем, С.В. Чешко, следуя принципу справедливости, отмечает, что концепции этноса, основоположником которой является Ю.В. Бромлей, «предшествовали теоретические заходы по отдельным проблемам Чебоксарова, Кушнера, Токарева, Арутюнова и других ученых» (с. 58).

Не вдаваясь в острую полемику, развернувшуюся между Ю.В. Бромлеем и Л.Н. Гумилевым, С.В. Чешко считает своим долгом серьезно отнестись к теории этногенеза, в которой чрезвычайно важная роль принадлежит «пассионариям», по той причине, что «пассионарность имеет энергетическую природу: пассионарии либо поглощают больше энергии, чем другие индивиды, либо умеют направить ее на определенные цели...» (с. 60). И хотя, по заключению С.В. Чешко, обе концепции и Ю.В. Бромлея, и Л.Н. Гумилева «не пользуются популярностью в среде профессиональных этнологов», обе они занимают достойное место в истории науки и в расширении границ ее предметной области.

Каждая из них в той или иной мере затрагивалась в ряде публикаций в трудах постсоветских исследователей. Более того, их отзвуки, рефлексии и сполохи нашли отражение еще в двух подходах к разработке теории этноса, а, следовательно, в определении границ предметной области *этносологии*. Ассоциированными с теорией этноса подходами можно назвать, как это предлагает С.В. Чешко, информационную концепцию С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова, а также компонентную теорию В.В. Пименова с ее «изюминкой» – «Его Величеством Числом» и уже упомянутым выше «этнофором».

На закате XX и на заре XXI веков развернулось нешуточное противоборство идей в понимании объекта и предмета, сути и содержания этноса и этнических проявлений, что нашло выражение в противостоянии двух конкурирующих научных направлений – *примордиализма* и *конструктивизма*. В постсоветских условиях

либерализации публицистической деятельности, когда объявилось несметное количество адептов и той, и другой концепции, трудно было бы расставить по полочкам сторонников примордиализма и конструктивизма. Никто не взялся за четкое проведение границ между теми и другими. Тем более что для представителей каждого направления характерны взаимные пересечения границ, явления интерференции, взаимодействия и взаимопроникновения, что привело к гибридизации и появлению *инструментализма*. И, осознанно обуздав свою эрудицию, С.В. Чешко, ограничивает собственную задачу краткими дефинициями сути *примордиализма* и *конструктивизма*, которые по мере определения и уточнения своих позиций, идут навстречу друг другу.

Примордиализм, согласно С.В. Чешко, «утверждает объективность существования этнических общностей, возникших в весьма отдаленные времена в результате расширения кровнородственных связей в древних общинах» (с. 62). Смысл конструктивистской концепции заключается в том, что этнические общности – «это полностью или в значительной степени искусственные образования, созданные этническими элитами для достижения тех или иных политических и экономических целей посредством этнической мобилизации «соплеменников» (с. 62).

В критике теории этноса, а вместе с ней и примордиализма, как исконно заданных, изначальных свойств и признаков той или иной этнической общности, стимулирующую роль сыграла на шумевшая книга выдающегося этнолога и этнополитолога академика В.А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» (М., 2003). В ней автор подверг пересмотру теорию этноса и ее политические воздействия. Однако многие читатели, особенно из среды этнических «мобилизаторов», восприняли «реквием по этносу» не как критику теоретических основ примордиализма, а как отрицание объективного существования этноса как исторической реальности. С.В. Чешко не ставил в учебном пособии перед собой задачу выявления итогов критики теории этноса под воздействием трудов В.А. Тишкова. В какой-то мере об этом сказал сам В.А. Тишков в одной из своих последующих книг, подводя итоги жизненности и востребованности советской теории этноса.

Труды академика Ю.В. Бромлея и его оппонента Л.Н. Гумилева, как писал В.А. Тишков, «остаются востребованными, а их понятийно-терминологический язык уже вышел за пределы академических текстов и стал частью словаря даже лидеров нашего государства и некоторых других постсоветских государств» (Тишков 2013: 32).

Заключая тематику, содержащуюся в пяти первых главах, С.В. Чешко сделал неутешительный вывод о том, что «В 1990-е годы быть уличенным в приверженности примордиализму означало примерно то же, что в советское время быть обвиненным в антиисторизме и идеализме. В последнее время публикации отечественных этнологов и дискуссии по теоретическим проблемам стали редкостью» (с. 62). Да, это действительно так. И не совсем так. В большинстве почти 30 томов, увидевших свет по плану крупномасштабного проекта «Народы и культуры» (главные редакторы – В.А. Тишков и С.В. Чешко) вопросы этногенеза народов, фрагменты их политических историй, характеристика системы жизнеобеспечения, элементов материальной и духовной культуры освещаются с использованием традиционных подходов, при- сущих, скорее примордиализму, чем абстрактному конструктивизму.

Сошлюсь на авторитет известного крупнейшего этнолога и социального антро-

полога, члена-корреспондента РАН, С.А. Арутюнова, высоко оценившего в трудах В.А. Тишкова полемику по поводу различных подходов к формированию и существованию этничности, в том числе *примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского*. «Надо признать, – писал он в своей монографии “Силуэты этничности на цивилизационном фоне” (М., 2012), – что некоторые этносы действительно были в значительной мере сконструированы усилиями местной интеллектуальной верхушки и политиков, формировавшихся, хотя бы отчасти, под внешним цивилизационным влиянием» (Арутюнов 2012: 62). Однако прямой *конструктивизм*, – по убеждению С.А. Арутюнова, – «довольно редкое и очень новое явление. Большинство этносов появилось на свет без каких-либо конструкторских усилий, в результате более или менее стохастических процессов» (там же: 62–63).

Важное место в восприятии и освоении этнического портрета народов имеет последовательный историзм, как профессиональное кредо С.В. Чешко, при знакомстве с каждым из них. Не случайно, вопреки сложившейся в отечественной науке традиции начинать изучение человечества с истории народов Австралии и Океании, С.В. Чешко предпочитает стартовать с изложения этнографии народов и континентов с Африки, так как «именно Африка, – по его словам, – была прародиной человечества» (с. 70).

Последовательность изложения истории и этнографии народов мира в учебных пособиях для школьников 9–11 классов под редакцией В.В. Пименова (2002) и для студентов высших учебных заведений, автор С.В. Чешко (2014).

<p>Народоведение / под ред. проф. В.В. Пименова. <i>Книга 1. Народы дальнего зарубежья.</i> М., 2002, 264 с. <i>Книга 2. Народы России и сопредельных стран.</i> М., 2002, 352 с.</p>	<p>Чешко С.В. Этнология и социальная антропология. М., 2014, 233 с.</p>
<p>Книга 1. Австралия: аборигены и англоавстралийцы Островной мир Меланезии Мореплаватели солнечного восхода Народы и культуры Северной Африки Жители африканского юга Африка южнее Сахары В краю оазисов и пустынь (народы Передней Азии) Индия и ее соседи Народы Центральной и Восточной Азии Страны южных морей (Юго-Восточная Азия) Единая и многоликая Северная Америка Латинская Америка и Карибский бассейн: этносы, общества, государства Народы Западной, Северной, Центральной и Южной Европы Западные и южные славяне Книга 2. Учебное пособие (книга 2) «Народы России и сопредельных стран» состоит из 11 глав, в том числе в главах 1–10 излагаются материалы по этнографии русских и других народов бывшего СССР.</p>	<p>Народы Африки Народы Австралии и Океании Народы Юго-Восточной Азии Народы Южной Азии Народы Восточной и Центральной Азии Народы Юго-Западной Азии Народы Средней Азии и Казахстана Народы Кавказа Народы Сибири и Дальнего Востока Народы Америки: общие сведения Народы Америки: традиционная культура Народы Зарубежной Европы Восточнославянские народы Народы Европейской части России</p>

Наряду с логически выверенным историческим подходом к изложению, а, в известной мере, и познанию народов, важное значение имеет классификация народов мира. Учебники и учебные пособия не могут быть полноценными без изложения материалов о народах в виде сгруппированных и систематизированных сведений. С.В. Чешко считал логичным выделить проблематику классификаций, применяемых в этнологии, в отдельную 2-ю главу и сделать ее одной из заповедных, тем самым дистанцировал ее от непосредственного изложения этнографии о конкретных народах мира в 4-х промежуточных главах, в которых представил материал о предыстории и становлении этнологической науки, в том числе о ее развитии с конца XIX до начала XXI века (с. 32–64).

Лично мне представляется, что главу о классификациях (географической, антропологической, языковой, религиозной, хозяйственно-культурных типов, историко-формационной) логичнее было бы поместить непосредственно перед изложением материала по этнографии конкретных народов, стран, континентов. Однако, в данном случае, композиция учебного пособия – дело вкуса.

Народы целых регионов по географическому территориальному признаку характеризуются в книге С.В. Чешко по сравнительно сходному сценарию:

- Этническая и политическая история
- Этнолого-антропологические характеристики
- Языки
- Религиозная ситуация
- Системы жизнеобеспечения (хозяйство, ремесла, жилища, транспорт, пища, одежда)
- Социальные отношения
- Духовная культура
- Народное творчество и профессиональное искусство.

Некоторые мелкие вопросы, которые я не успел задать С.В. Чешко в ходе обсуждения («по всей строгости академического закона») рукописи его новой книги на заседании Ученого Совета Института этнологии и антропологии РАН, никоим образом не влияют на высокую оценку его оригинального, новаторского произведения. В ряду таких «мелкозернистых» придинок я, в частности, просил бы объяснить, по каким таким критериям в таблице 7 (с. 188) среди «народов зарубежной Европы» упомянуты баски численностью в 2,4 млн. человек и отказано в упоминании валенсийцам и каталонцам, численность которых, кстати, по не вполне точным данным достигает едва ли не 7.5 млн. человек?

Отсутствие каталонцев в таблице тем более досадно, что на протяжении 2014 года Европа, затаив дыхание, ожидала референдум в Каталонии, вместо которого был проведен опрос, в ходе которого более 80% из двух миллионов избирателей проголосовали за независимость Каталонии от Испании. Что же касается Валенсии, то по данным департамента образования автономного сообщества Валенсии, с середины 1980 г. численность валенсийцев, владеющих валенсийским языком, увеличилась в 5 раз [Сашина 2014].

Хотя С.В. Чешко не наделяет особым вниманием пограничные дисциплины и пути развития междисциплинарных научных направлений, но в ряде случаев упоминает о питательной среде, в которой вырастали новые направления: например, появление неофрейдизма на основе учений Фрейда о бессознательном, теории культуры и личности на почве идей Фрейда (с. 45–46), формирование функционализма и структурализма на основе французской социологической школы Эмиля Дюркгейма (с. 47), историческая школа, давшая сильный толчок американской антропологии (с. 49).

К этому можно было бы добавить тенденцию к гибридизации и междисциплинарности, что нашло отражение в многообразии учебников и учебных пособий, посвященных основам этнодемографии (Казьмина О.Е., Пучков П.И.), этносоциологии (Арутюнян Ю.В. и др.), этнической географии (Иванов К.П.), этнической психологии (Платонов Ю.П., Стефаненко Т.Г.), исторической этнологии (Лурье С.В.), исторической антропологии (Алексеев В.П., Кром М.М., 2000), этнополитической конфликтологии (Аклаев А.Р., 2005), политической антропологии (Крадин Н.Н., 2001), этнополитологии (Тишков В.А., Шабаетов Ю.П., 2011; Ачкасов В.А., 2005; Кирдяшов В.Ф., 2003; Тураев В.А., 2004; Абдулатипов Р.Г., 2004).

К числу не зависящих от С.В. Чешко «недоговоренностей» из-за ограниченного объема учебного пособия относится упоминание о «пашенных скифах», идентичность которых до сих пор вызывает споры (с. 196). К прежним дискуссиям: «славяне или неславяне», в постсоветский период широко развернулась борьба за их языковую принадлежность: иранскую или тюркскую.

Иногда встречаются редакционные шероховатости, неуместные для учебного пособия, редактирование которого требует особой тщательности. Так, например, случается, когда лингвистическая и языковая классификации преподносятся синонимически (с. 186), хотя первая относится к научной сфере языкознания, а вторая к сфере реальной языковой жизни.

Завершая университетский курс, выпускники задумываются о роли этнологии в общественном развитии и о практической востребованности своей профессии. И, оберегая предметную область этнологии, а вместе с тем и профессиональную специализацию студентов от чрезмерного расширения, или, напротив, неоправданного сокращения, С.В. Чешко завершает учебное пособие напутствием, что в современных условиях «прикладное значение этнологии существенно увеличилось, неизмеримо расширилась сфера использования этнологических знаний» (с. 219).

Вместе с автором согласимся с тем, что «этнология – с присущей ей спецификой – представляет собой один из инструментов самопознания человечества», при том, что «потребность в познании – это то, что отличает человечество от прочей живой природы» (с. 220).

В отличие от профессорско-преподавательского коллектива, авторов солидного двухтомного «Народоведения» (М., 2012), завершающего учебное пособие напоминанием «Чему учит народоведение (этнология)» (т.2, с. 242), сотрудник ИЭА РАН – С.В. Чешко указывает, кому и зачем она (этнология) нужна и в каких сферах жизнедеятельности она востребована (с. 221–224). Понятное дело: в первом случае профессора кафедры этнологии МГУ озабочены обучением студентов, во втором случае авторитетный ученый, работающий в системе РАН, дает будущим коллегам путевку в жизнь в виде «дорожной карты».

Литература

Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012.

Сашина 2014 – Сашина Н. В Валенсии число жителей, владеющих родным языком, увеличилось за 30 лет в пять раз / Интернет ресурс: news.flarus.ru/?topic=4326. Дата обращения 20 ноября 2014.

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 32

CONTENTS

Theory and Methodology

- V. S. Khan.* On Antinomies and Contemporary Conflicts within Ethnology 4

Phisical (biological) Anthropology

- A.A. Zubov* Index of Discriminative Capacity in dental Anthropology 26
- D.S. Ikonnikov, O.A. Kalmina* A brief essay on antropological study of Mordvins in the pre-revolutionary period 30
- N.V. Kharlamova, T. Yu. Shvedchikova.* Dental morphology and pathology aspects of the study of the human remains from the Byzantine church near Veseloe village 41

Anthropological Mosaic

- D.D. Petrov* Votive crosses of Leshukonye 50
- Yu. M. Chernookaya* Construction of soldier identity by means of the verbal and visual codes (on the materials of Belorussia) 69

Field Researches

- D.D. Tumarkin* Condominium or pandemonium? Soviet Ethnographers on the Efate Island 81

History of Science

- L.M. Vardanyan,* Toward 150th Anniversary of Stephan Lisitsian: From the History of the Armenian Anthropology 101

For students and graduate students

- G.G. Gromov* The Procedure of the ethnographic Expeditions 122
- S.V. Cheshko* How to write scientific texts 144

Surveys and the reviews

- M.M. Gerasimova. Survey: Ходжайов Т.К.* Население феодальной Бухары. М.: ЭКОСТ, 2007. 259 с.; *Ходжайов Т.К., Мамбетулаев М.М.* Средневековый некрополь Куюккала. М.: ЭКОСТ, 2008. 432 с.; *Ходжайов Т.К., Громов А.В.* Палеодемография Средней Азии. М.: ИЭА РАН, 2009. 351 с.; *Ходжайов Т.К., Мустафакулов И., Ходжайова Г.К.* Старый Термез (К антропологии населения Бактрии-Тохаристана). Актобе, 2012. 320 с. (*Khodzhayov T.K.* The Population of feudal Bukhara. M.: EKOST, 2007. 259 Pp.; *Khodzhayov T.K., Mambetulaev M.M.* Medieval nekropol of Kuyukkala. M.: EKOST, 2008. 432 Pp.; *Khodzhayov T.K., Gromov A.V.* Paleo-demography of Central Asia. M.: IEA RAS, 2009. 351 s.; *Khodzhayov T.K., Mustafakulov I., Khodzhayova G.K.* Old Termez (to anthropology of the population of Baktriya-Tokharistan). Aktobe, 2012. 320 pp.). 150
- V.A. Semenov* Review to: Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. Под ред. А.П. Садохина, Ю.П. Шабаева. М.: Директ-Медиа, 2014. 969 с. (Ural lingual family: peoples, regions and the countries. Ethnopolitical reference book. Ed. by. A.P. Sadokhin, Yu.P. Shabaev. M.: Direct-Media, 2014. 969 Pp.). 159
- M.N. Guboglo* Review to: Чешико С.В. Этнология и социальная антропология: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования. М., 2014. 240 с. (*S.V. Cheshko.* Ethnology and Social Anthropology: Teaching aid for the students of the establishments of higher education. M., 2014, 240 pp). 163

АВТОРАМ

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц.

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: *Иванов* 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (*Наши будни* 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (*Чернов* 1987a: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р.; и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – *Санин Г.* Ингушский трамплин // *Итоги.* 2004. № 32 (www.itogi.ru)
Дятлова – *Дятлова В.А.* Немецкие поселения Енисейской губернии // *История и культура немцев Сибири* (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib)

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_
Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.

Вводится новый подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список “References” содержит все публикации списка “Научная литература”, но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:

Шапка оформления ссылки на книгу:

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988, no. 2, pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, ed. I.O. Sostavitel. Gorod: Izdatel'stvo, 1988, pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «Х», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Мосс 1996 – *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – *Bernshtam T.A.* Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать *код универсальной десятичной классификации* (УДК). Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

- При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).
- Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.
- Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (– → – [Ctrl “–” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

- В датах тире ставится без пробела (1990–1991)
- После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.
- Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы:**Монографии**

Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975 [*Butinov N.A. Put k Beregu Maklaya (A Path to the Maclay Coast). Khabarovsk, 1975*].

Каталог 1985 – Каталог выставки «Этнография и искусство Океании» / отв. ред. Ю.В. Бромлей. Сост. Л.А. Иванова, Н.Н. Мишутушкин. М., 1985 [*Yu. V. Bromley (ed.) Katalog vyistavki «Etnografiya i iskusstvo Okeanii» (Yu. V. Bromley (ed.) A Catalog of the exhibition “Ethnography and Art of Oceania”). Moscow, 1985*].

Статьи

Бутинова 1973 – Бутинова М.С. Культ карго в Меланезии (К проблеме милленаристских движений) // Советская этнография, 1973. №1. С. 81–92 [*Butinova M.S. Kult kargo v Melanezii (K probleme millenaristskih dvizheniy) (The Cargo Cult in Melanesia (to the problem of millenarian movements)) // Sovetskaya etnografiya, 1973. No 1. Pp. 81–92*].

Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106 [*Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vyistavka «Etnografiya i iskusstvo Okeanii» (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya) (N.N. Mishutushkin and the exhibition “Ethnography and the art of Oceania” (on his 80th birthday)) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No 2. Pp. 97–106*].

Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. №5. С. 189–191 [*Ivanova L.A. Nikolay Nikolaevich Mishutushkin (05.10.1929 - 02.05.2010) (Nicolay Nicolaevich Mishutushkin (05.10.1929 – 02.05.2010)) // Etnograficheskoe obozrenie. 2010, No5. Pp. 189–191*].

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 1 (29) 2015

Сайт нашего журнала: *antromercury.ru*.

**На сайте в открытом доступе размещается полная версия номеров.
Будем признательны за предложения по совершенствованию сайта.**

Выпускающий редактор – Н.А. Белова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 17.03.2015
Формат 70 х 108/16. Усл. печ. 14,3
Тираж 500 экз. Заказ № 58
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А